

Александр ТИМОФЕЕВ

Г

Александр ТИМОФЕЕВ

Приснился мне сон...

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Нечасто встречаются в рядах авторов-исполнителей люди, которые не аккомпанируют себе на гитаре, исполняя песни собственного сочинения. За долгие годы в обществе сложилось устойчивое представление, что бард и гитара — две вещи неразделимые, причем этот самый бард обязательно поет о палатках, кострах и горах. Одет он соответственно в рваные джинсы, штормовку и грубый свитер, внешне неуловимо похож на снежного человека, и при этом обязательно лицо его обрамлено окладистой бородой. И зритель очень удивляется, когда вместо вышеописанного персонажа на сцену выходит интеллигентного вида человек с баяном. Поневоле вспоминается легендарный Сергей Стеркин, который в отличие от Александра Тимофеева аккомпанировал себе на аккордеоне.

Не часто встречается в наше время человек, пишущий не только берущие за душу песни, но и воплощающий свое поэтическое видение мира на холсте. Кто еще смог бы додуматься до того, чтобы создать галерею портретов бардов и привозить их на фестивали, чтобы его натуры могли спеть свою песню, стоя рядом с собственным изображением, выполненным в полный рост? Эффект от подобного исполнения неповторим.

В этой книге мы с удовольствием представляем многогранное творчество Александра Тимофеева — поэта, музыканта, художника и человека.

*Татьяна Зорина,
председатель клуба песни «Восток»,
Виталий Шабанов,
президент фонда им. Валерия Грушина,
руководитель проекта «Гитара времени»*

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ
СЕРИЯ «ГИТАРА ВРЕМЕНИ»
ОСНОВАНА В 2000 ГОДУ

Редакционный совет

**В. К. Шабанов (руководитель проекта),
В. И. Шемшученко (главный редактор),
В. И. Вихорев, А. П. Волошин,
А. М. Городницкий, М. Н. Добындо,
Б. Р. Кейльман, О. Г. Митяев,
А. Я. Розенбаум,
К. Б. Тарасов, Р. А. Шипов**

ФОНД ИМ. В. ГРУШИНА
ТОЛЬЯТТИ
КЛУБ ПЕСНИ «ВОСТОК»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009

АЛЕКСАНДР ТИМОФЕЕВ

ПРИСНИЛСЯ
МНЕ СОН...

ВСЕРУССКИЙ СОБОРЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2009

Автор благодарит своих друзей, принявших деятельное участие в выпуске этой книги: Татьяну Зорину, Валерия Гуменюка, Манфреда Добина, Светлану Крыжановскую, Аллу Левитан и Галину Севостьянову.

Т 45 Тимофеев А. Г. Приснился мне сон... / песни, стихи, проза, репродукции. — СПб.: Всероссийский Соборъ, 2009. — 240 с., вкл. с илл.

ISBN

В настоящей книге представлены песни, стихи, статьи, воспоминания и репродукции картин известного петербургского поэта, художника, неординарного автора-исполнителя, академика МАИСУ Александра Тимофеева.

На первой вклейке — портретная галерея бардов, натюрморты.
На второй вклейке — живопись, витражи, графика.

ISBN

© Проект «Гитара времени» 2009
© А. Г. Тимофеев 2009
© А. А. Сурнин, верстка, дизайн 2009

ХУДОЖНИК ОТ БОГА

Александр Георгиевич Тимофеев, член Союза художников России, академик МАИСУ¹, которого среди близких и друзей зовут Шурой, не стал известным автором-исполнителем по одной причине: многолетнее безоглядное служение живописи.

Работал после севера на заводе, но бросил перспективное ремесло гравера. Решил поступить в Академию художеств, которую окончил с отличием. Сколько лет он уже не расстается с кистями!

За годы нашей дружбы, а знакомы мы с 1960-х годов, куда только ни заносила нас тяга к познанию мира. И если бы те образы, события тех лет, встречи с новыми людьми, пейзажи тех мест не легли под его кистями на великое множество холстов, всё это могло бы стать песнями и стихами. Тяга к песенному творчеству у Шуры была всегда.

Вспоминаю одну из наших совместных поездок по Заонежью. Стоянка завалена грибами, в основном — белыми (дело было осенью). Всё это должно было послужить натурой для этюдов и натюрмортов, прежде чем попасть в обработку. В основном, сушили и отваривали.

Прошу у него кисти, палитру с остатками красок, кусок картона; глядя на него, сажусь и начинаю ваять грибы. Подходит, хмыкает: «Кончай заниматься аппликацией, пиши-ка лучше песни!».

Ушел я в соседний березняк. Вечером, сидя у костра, спел новую песню, где есть такие строчки:

Ну, вот и лето уж к концу..
Среди болот и просек
Влажной веткой по лицу
Меня задела осень.

И тут же получаю в ответ: «Так и надо подлецу — поэзию забросил!»

Слово, слог, музыкальное сопровождение сказанного он ощущает великолепно. Многие годы в познании живописи ему помогала песня. Самоучкой овладев игрой на баяне, в редкие минуты, когда кистям

¹ МАИСУ — Международная академия «Информация, связь, управление в технике, природе, обществе».

нет работы (отсутствие света или природы), Шура берет инструмент. Зная большое количество песен, временами он исполняет и свои. Это положенные на музыку стихи Владимира Чистякова, песни собственного сочинения.

Прошли многие годы. Дочь Шуры Катя — писательница и художница в одном лице, выпускающая детские книги, которые пользуются невероятным успехом не только у детей, но и у взрослых, в качестве сочинителя стихов пригласила своего отца.

Вот как Шуриными словами заговорил один из книжных героев Крот:

С посланьем к Вашей милости,
Едва пришедши в чувство я,
Взываю к справедливости,
Надеясь на сочувствие.
Веревкой туго стянутый,
Голодный, неспавшийся,
Я, вышеупомянутый
И нижеподписавшийся...

Шура смеется: на старости лет освоил еще одну профессию.

Многогранно творчество Александра Георгиевича Тимофеева. Талантливый человек талантлив во многом, будь это резьба по кости, изготовление рам для своих картин, написание и исполнение песен. Всё это служит большим подспорьем в совершенствовании мастерства живописи. А живописец он от Бога.

Валентин Вихорев

ПЕВЕЦ «НЕПЫШНОЙ» КРАСОТЫ

Если попытаться одним словом охарактеризовать, что именно столь усиленно предлагает нам современная живопись и что вызывает особый восторг у ее нынешних апологетов, это, несомненно, «неоавангардизм». Приставка «нео» лишний раз убеждает, что так

называемое «новое» — по сути своей оказывается на время забытым старым, причем — заслуженно. Неоавангардизм подтверждает — то, что раньше воспринималось как эпатаж привычных вкусов, вызов рутине и т. п., сейчас выглядит как явное эпигонство и воочию демонстрирует, что любой уход от реальности: и ее игнорирование, и «творческое насилие» над ней, выдаваемые за «новаторство», — в раной мере бесперспективны и неплодотворны для искусства, толкают его не вперед, а назад.

Мы уже достаточно насмотрелись всяческих «квадратов» и «кругов», всяких «нелюдей» и всяких «нежитей», монстров и чудовищ. И что же? Возродились после этого духовно, стали нравственно чище и добрее? Ничуть. Напротив, стали терпимее и снисходительнее к разного рода несообразностям, уродствам и отвратительным гримасам жизни. Уж если «святое искусство» всё это воспекает и превозносит, значит, мы что-то в самом деле не понимаем в «истинно прекрасном», а потому так и должно быть, как нам изображают. В действительности, всё это таковым для нормального и естественного восприятия человеком искусства и жизни отнюдь не является. И не может являться.

Люди духовно устали от навязываемого им, с позволения сказать, «искусством» разного рода «андеграунда», то есть «подвальнойности» и «низости», всяческого человеческого унижения и принижения, изошренного самооплевывания. Причем всё это эстетически оправдывается и даже узаконивается.

Искусство, если это в самом деле искусство, призвано возвышать человека, пробуждать и выявлять в нем его собственную духовность, формировать и усиливать ее во имя и на благо человека.

К счастью, такое искусство еще существует и к нему можно приобщиться. Я имею в виду многообразное и многожанровое творчество известного петербургского художника А. Г. Тимофеева, всё пронизанное истинной духовностью.

Александр Тимофеев — подлинный певец неброской северной природы, щемяще трепетной, внутренне тревожной. К его творчеству в полной мере применимы слова поэта, обращенные именно к северной природе: «И душа обрадовано плачет от твоей непышной красоты» (Д. Семеновский).

Творчество Александра Тимофеева лишено внешнего оптимизма и нарочитой красоты. Тематически и колористически оно выглядит даже мрачноватым, но при его восприятии «душа» если и «плачет», то «обрадовано», поскольку чутко улавливает высокий духовный смысл изображаемой автором «непышной красоты» окружающей его жизни. Духоподавляющим может быть мажор, декларативно вымученной, а духоподъемным — минор, истинно одухотворенный. Кажущийся однообразным цветовой колорит жанровых картин Александра Тимофеева как бы светится изнутри, духовно согревает то, что на первый взгляд представляется мрачным и даже безысходным. Это тепло скрытого сопереживания и деликатного сочувствия.

Такова живопись Александра Тимофеева. Сочувствие и сопереживание — реальный путь для выхода из любого внутреннего тупика, а их в современной жизни немало.

Портрет, пожалуй, наиболее сильная сторона дарования художника. Для того, чтобы написать хороший портрет, нужно «чувствовать» изображаемого, нужно сочувствовать, сопереживать и любить. Может быть, поэтому его портреты всем своим обликом призывают к напряженной духовной жизни своих зрителей.

Художник зачастую в написании своих работ пользуется двойным освещением. Взаимодействие естественного (природного) и искусственного освещения в его картинах дает двойной художественный эффект: позволяет осветить предмет внешне и одновременно выявляет его собственный внутренний свет. Возникает удивительная гармония внешнего и внутреннего.

Тимофеев известен как оригинальный автор текстов и музыки, а также как талантливый исполнитель своих песен. Ему подвластна и словесно-музыкальная, и пластико-живописная гармония, гармония мысли и чувства, идеи и ее воплощения, покоя и движения, состояния и процесса. Гармония ищущая и находящая, передающая существующую духовную силу и красоту в природе и в человеке.

А. Н. Иезуитов,

*почетный член президиума международного объединения
современного творчества (ЮНЕСКО), доктор филологических наук,
профессор искусствоведения, академик*

ПЕСНИ

СУОМИ

Стихи Владимира Чистякова

Ой, Суоми, Суоми,
Голубая вода.
Песней сосен наполнил
Ветер эти года.
И на тихих рассветах
В песне старой сосны
Всё казалось, что это
Наступленье весны.

Мне казалось, что сосны
Оттого лишь грустят,
Что и новые весны
Тоже быстро летят.
Ветер с песнею спорил,
Заставлял забывать,
Что ни счастьем, ни горем
Невозможно назвать.
Видно, счастье где-то
Я в пути потерял,
И тогда из поэта
Я геологом стал.

Ой, Суоми, Суоми,
Голубая вода.
Песней сосен наполнил
Ветер эти года.
Видно, счастье где-то
Я в пути потерял,
И тогда из поэта
Я геологом стал.

1962–1963

Взволнованно

Ой, Су-о-ми, Су - о - ми.
го - - - лу-ба - я во - да.
Пес - - - ней со-сен на - пол-нил
ве - - - тер э - ти го - да.
И на ти-хих рас - све-тах
в пес - - - не ста-рой сос - ны
всё ка - за - лось что э - то
на - - - ступ-ле-нье вес - ны.

КАРТИНКА

Стихи Владимира Чистякова

Окутало, опутало
Туманами болото.
В лесу за старым хутором
Затеял ветер что-то.

Он тучи полонил,
Проносит между соснами,
На землю уронил
Звезду многоголосую.

Озера, хохот брызг,
Туманы, клочья пенные,
Ах, ветер, пьяный вдрызг..
Гудят столбы степенные.

А ветер тучи рвет,
Хохочет над избушками,
И воду, воду льет
Из синей-синей кружки он.

Срывает провода,
Натянутые скукою,
И синяя вода
По скучным крышам стучает.

1962–1963

Взволнованно

О - ку - та - ло, о - пу - та - ло ту - ма - на - ми бо -

ло - то. В ле - су за ста - рым ху - то - ром за - те - ял ве - тер

что - то. Он ту - чи по - ло - нил, про - но - сит меж - ду

сос - на - ми, на зем - лю у - ро - нил звез -

ду мно - го - го - ло - су - ю. О - зе - ра, хо - хот

брызг, ту - ма - ны, кло - чья пен - ны - е. ах,

ве - тер, пья - ный вдрызг... Гу - дят стол - бы сте -

пен - ны - е. А ве - тер ту - чи

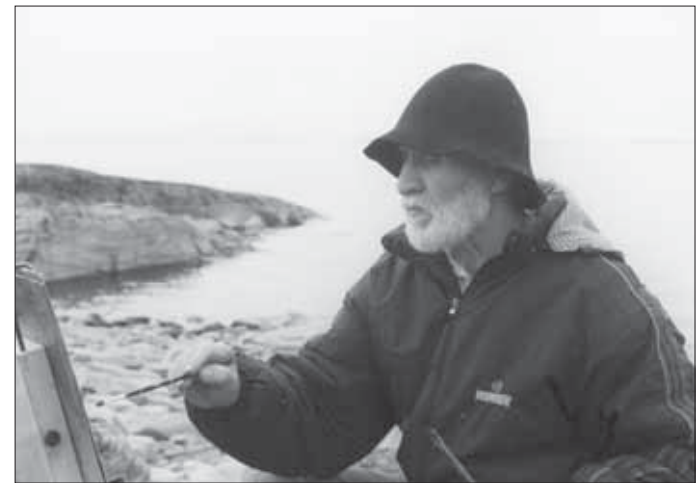
рвет, хо-хо-чет над из-буш-ка-ми, и во-ду, во-ду
 льет из си-ней-си-ней круж-ки он. Сры-ва-ет про-во-
 да, на-тя-ну-ты-с ску-ко-ю, и си-ня-я во-
 да по скуч-ным кры-шам сту-ка-ет.

Скалы. 1960-е

С Тamarой в Карелии. 1970-е

Топозеро. На этюдах. 2001

* * *

Стихи Владимира Чистякова

Я иду и иду,
А зачем, а куда?
Где-то в поле звезду
Замечает пурга.
Слышу жалобный вздох:
Ветер дразнит людей,
Застигает врасплох
Средь немых площадей.

Провожает меня
Листопадами Русь,
И сгорает в огнях
Нерожденная грусть.
Кто-то сыплет в меня
Поцелуев укор,
И в застое огня
Я прочел приговор:

Мне не петь, не любить,
Пылью виться в луче,
По течению плыть
В безголосом ручье,
Руки в кровь разбивать
О прибрежные льды,
И искать, и искать
Говорливой воды.

1962–1963

Свободно

Я иду и иду, а зачем, а куда?
Где-то в поле звезду замечает пурга.

га. Слышу жалобный вздох: ветер дразнит людей,
дей, застигает врасплох среди немых
площадей. Провожает меня
листопадами Русь,
и сгорает в огнях нерожденная
грусть. Кто-то сыплет в меня
поцелуев укор, и в застое
огня я прочел приговор:

* * *

Оставил друзей я,
 Брожу в одиночку.
 Угрюмые лица
 Grimасы мне корчат.
 Ни жизни, ни света,
 Ни черта, ни Бога,
 Ты только со мною,
 Дорога, дорога.

К чему же стараться —
 Сомнение гложет.
 В себе разобраться
 Никто не поможет.
 На свет появившись,
 По миру побродишь
 И, не помолвившись,
 Бесследно уходишь.

Гусей караваны,
 Дожди и туманы
 И дальние страны —
 Сплошные обманы.
 Следа не оставишь,
 Затюканный бытом,
 На камне гранитном,
 Волною омытом.

Оставил друзей я,
 Брожу в одиночку.
 Угрюмые лица
 Grimасы мне корчат.
 Подруга изменит,
 Друзья позабудут,
 Ты только, дорога,
 Со мною повсюду!

1962—2007

Ритмично, выразительно

The musical score is written in G major (one sharp) and 4/4 time. It consists of five staves of music. The lyrics are written below the notes. The score includes various musical notations such as triplets, slurs, and dynamic markings. The lyrics are: О - ста - вил дру - зей я, бро - жу в о - ди - ноч - ку. У - грю - мы - е ли - ца гри - ма - сы мне кор - чат. Ни жиз - ни, ни све - та, ни чер - та, ни Бо - га, ты толь - ко со мно - ю, до - ро - га, до - ро - га. Ни жиз - ни, ни // - ро - га.

СЕРОГЛАЗЫЙ КОРОЛЬ*Стихи Анны Ахматовой*

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

1970-е

Негорюливо

Am B7 Em
Вечер о - сен-ний был ду-шен и ал,
Am
муж мой, вер-
B7 Em
нув-шись, спо - кой - но ска - зал:
Am Em
"Зна-ешь, со - хо - ты е -
B7 Em Am Em B7
го при-нес - ли. те - ло у ста-ро - го ду - ба на -
Em Am B7 Em
шли. Жаль ко-ро - ле - ву. Та - кой мо - ло - дой!..
Am Em B7 Em
За ночь од - ну о - на ста - ла се - дой".

Жена Тамара

* * *

Тамаре

Помнишь лодку от старой цыганки?
Вкруг Кижей острова, острова...
И свечу в изголовье лежанки.
Это было как будто вчера!
Помнишь наш на затейливом камне
Незатейливый перекусон?
Неужели, любимая, канул
Этот сон, этот сон, этот сон?

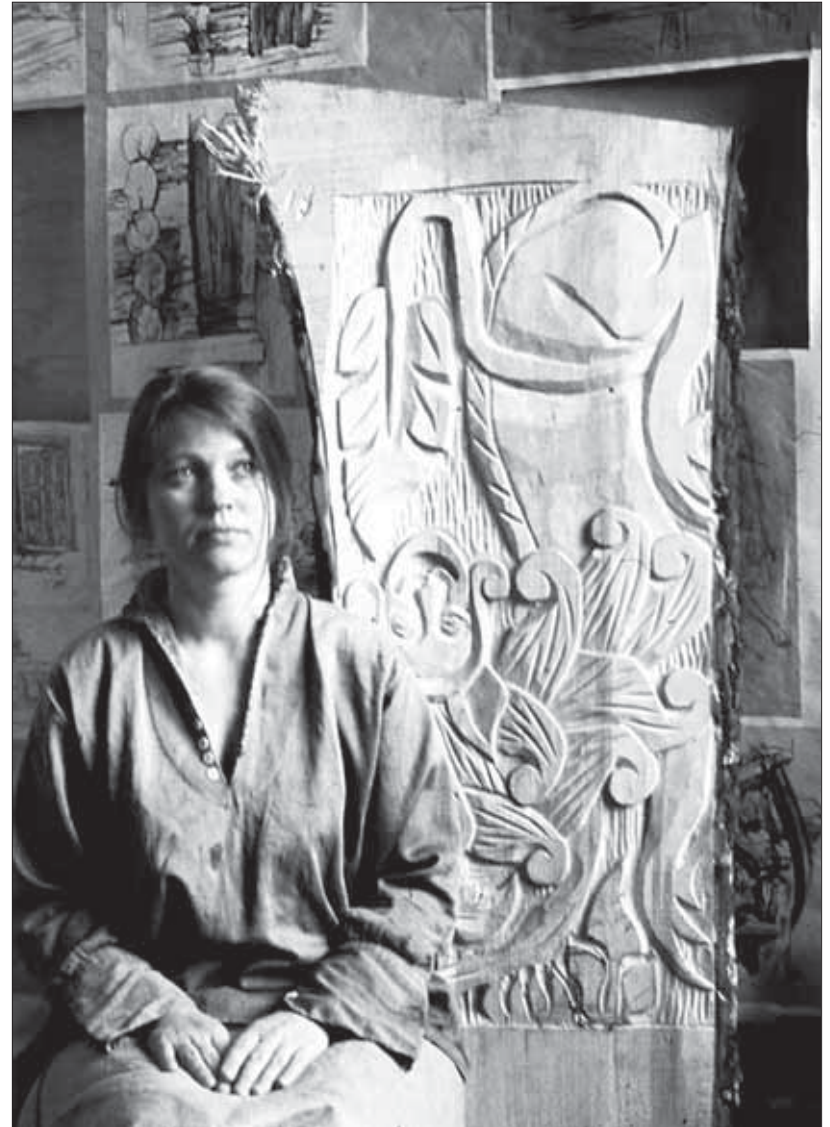
Пусть бессрочны декабрьские ночи,
Но не вечно ведь будет темно.
Глянуть солнце весною захочет
В одинокое наше окно!
Прилетев из далекого края,
Постучится капелью апрель.
Это я постучусь, дорогая,
Ты поверь, ты поверь, ты поверь!

Мы с тобою коситься не станем
На судьбы указующий перст.
Снова с мятой десяткой в кармане
Мы укатим за тысячу верст.
И с плота на порожистой Мане
Будем вместе ловить пескарей,
Пусть нас снова цыганка обманет
Поскорей, поскорей, поскорей!

Ноябрь 2006

Выразительно, в темпе вальса

Пом-нишь лод-ку от ста-рой цы-ган-ки? Вкруг Ки-
 жей о-стро-ва, о-стро-ва... И све-чу в из-го-ловь-е ле-
 жан-ки. Э-то бы-ло как буд-то вче-ра! Пом-нишь
 наш на за-тей-ли-вом кам-не не-за-
 тей-ли-вый пе-ре-ку-сон? Не-у-же-ли, лю-би-ма-я,
 ка-нул э-тот сон, э-тот сон, э-тот сон?

Тамара перед резной доской для дипломной работы А. Тимофеева. 1973

* * *

Мы Землю не ценим и губим,
 В подземные лезем миры.
 Дробим, и взрываем, и сверлим, и рубим
 Карьеры, забои, шурфы.
 А сколько сокровищ прекрасных
 Хранит океанское дно —
 Сапфиры, топазы, рубины, алмазы,
 Фарфор, жемчуга, серебро.

Веками вершила неправый
 Европа свой суд и правед,
 И слали монархи пирата, корсара
 На новый разбой и грабеж.
 Вдвухвались тяжелые трюмы
 Богатством полуденных стран.
 И сколько их было, и сколько доплыло,
 И сколько забрал океан!

Мгновеньем века пролетели
 В кошмарных глубинах морей.
 Качают зеленые зыбкие тени
 Скелеты былых кораблей.
 Покрытые ржавою тиной,
 Распада нарушив закон,
 Нас ждут каравелла, фрегат, бригантина,
 Манильский большой галеон.

Где брюхо вспороли о рифы,
 Где сели на мель корабли?
 Ведь это не выдумки, сказки и мифы, —
 Скажи, где богатства твои?
 Где сгнули вместе с товаром,
 Скажи, мировой океан,
 Пираты твои, флибустьеры, корсары
 От голода, жажды и ран!

2006—2007

В темпе марша

Мы Зем-лю не це-ним и гу-бим, в под-
 зем-ны-е ле-зем ми-ры. Дро-бим, и взры-ва-ем, и
 свер-лим, и ру-бим карь-е-ры, за-бо-и, шур-фы. А
 сколь-ко со-кро-вищ пре-крас-ных хра-нит о-ке-ан-ско-е
 дно — сап-фи-ры, то-па-зы, ру-би-ны, ал-ма-зы, фар-
 фор, жем-чу-га, се-реб-ро, сап-фи-ры, то-па-зы, ру-
 би-ны, ал-ма-зы, фар-фор, жем-чу-га, се-реб-ро.

ГАНТИАДИ

Где так акация цветет,
 Где в море белый пароход,
 Где так влюбляются легко,
 Есть место в мире:
 Там щебетанье легких птах,
 Трещат кузнечики в кустах,
 Настоян воздух на цветах
 И чахохбили.

Там пролетали наши дни,
 Где светлячков горят огни,
 Где пищей были нам одни
 Любовь да вера.
 Там голубая глубина,
 Там солнца всполохи у дна,
 А ночью на небе видна
 Венера.

Следы размыло, замело,
 Нас закружило, унесло,
 Но помню рук твоих тепло,
 Волну и камень,
 Где открывал впервые я
 Твои холмы, твои поля,
 И где качалась земля
 Под нами.

И скажет ангел с высоты:
 «Что у меня попросишь ты,
 Пусть никогда ты и не думал
 О награде,
 Чтоб, отправляясь в дальний путь,
 Хоть на день молодость вернуть?»
 Скажу: «Верните, Бога ради,
 Гантиади!»

Сентябрь 2007

С движением

Где так а - ка-ци-я цве - тет, где в мо-ре бе-лый па-ро-
 ход, где так влюб - ля-ют - ся лег - ко, есть мес-то в ми-ре:
 там ще-бе - тань-е лег-ких птах, тре-щат куз - не-чи-ки в кус-
 тах, на-сто-ян воз-дух на цве - тах и ча-хох - би-ли,
 там ще-бе - тань-е лег-ких птах, тре-щат куз - не-чи-ки в кус-
 тах, на-сто-ян воз - дух на цве - тах и ча-хох - би-ли.

СПОКОЙНО, СТАРИК!

Т. 3.

Льды для нас — корабли. У горбушки земли,
 Бородаты, как древние галлы,
 Мы в другие миры посылаем шары
 И от них принимаем сигналы.
 Только снятся мне сны здесь, где нету весны,
 Где медведи, моржи да тюлени,
 Как кружил нас с тобой вальс «Дунай голубой»
 Белой ночью средь белой сирени!

Припев: Спокойно, старик!
 Всё равно ты всего не успеешь.
 Спокойно, старик!
 Если чем-то всерьез дорожить —
 Люби только то,
 Что действительно делать умеешь,
 Люби только ту,
 Без которой тебе не прожить!

Неужели же мне растратить свой век
 За зарплату, чтоб ей было пусто!
 Ведь не хлебом одним только жив человек —
 Я нырнул с головою в искусство.
 Но я выплыл и встал словно вкопанный вдруг,
 Да какие там, к бесу, Мурильо,
 Если бабы красивые ходят вокруг,
 Их такое в стране изобилье!

Время стало сжиматься, хватаюсь за всё,
 Книжки, музыка, живопись, песни...
 Ни попить, ни попеть, не успеть, не успеть —
 От забот голова скоро треснет!
 Но природу в себе невозможно изжить,
 И пока не поставили к стенке,
 Всё равно я, наверное, буду любить
 Ваши губы, глаза и коленки!

Октябрь 2007

Выразительно, свободно

The musical score is written in G major, 6/8 time, and consists of ten staves. The lyrics are written below the notes. The chords are indicated above the staves: Em, Am, D7, G, Am, B7, Am, Em, Am, B7.

Льды для нас - ко-раб-ли. У гор-буш-ки зем-ли, бо-ро-
 да - ты, как древ - ни - е гал - лы. мы в дру-
 ги - е ми-ры по-сы - ла-ем ша-ры и от
 них при-ни-ма - ем сиг - на - лы. Толь-ко
 снят - ся мне сны здесь, где не - ту вес-ны. где мед -
 ве - ди, мор - жи да тю - ле - ни. как кру -
 жил нас с то - бой вальс "Ду - най го - лу - бой" бе - лой
 ночь - ю средь бе - лой си - ре - ни!

Привет: **Выразительно, в темпе вальса**

Еm

Спо-кой-но, ста-рик! Всё рав-но ты все-го не ус-

Am *B7*

пе-ешь. Спо-кой-но, ста-рик! Ес-ли

чем-то всерь-ез до-ро-жить – лю-би толь-ко

Еm *Am*

то, что дейст-ви-тель-но де-лать у-ме-ешь,

B7

лю-би толь-ко ту, без ко-

Еm

то-рой те-бе не про-жить!

Полярная станция. Остров Котельный

С. В. Боковым, В. Гуменуком и В. Вихоревым.
Клуб «Восток», 2008

С. Б. Щегловым, Г. Волковой и Т. Зориной. 2008

БЕЛОЕ МОРЕ

О, Белое море! Твои корабли
Поморы издревле умели сработать.
Архангельск на Грумант слал лодьи свои
И стал колыбелью российского флота.

Когда хищный Запад армады свои,
Как стаи волков, гнал в восточные царства,
Мужик и монах монастырь возвели,
На севере ставший щитом государства.

Отсюда в столицу учиться ушел
Великий подвижник российской науки.
С засильем неметчины схватку он вел,
Чтоб мыслили вровень с Европою внуки.

И может быть, в пору жестоких годин,
Когда предадут, продадут тебя власти,
От Белого моря поднимется сын,
Спасая Россию от новой напасти.

А кочи твои шили так мастера,
Чтоб были они не раздавлены льдами,
Не будет раздавлена Русь никогда
Во веки веков никакими врагами!

Декабрь 2007

Выразительно, в темпе вальса

О. Бе - л - ое мо - ре! Тво - и ко - раб -
ли по - мо - ры из - древ - ле
у - ме - ли сра - бо - тать. Ар - хан - гельск на
Гру - мант слал ло - дьи сво - и
и стал ко - лы - бель - ю рос - сий - ско - го
фло - та. Ар - хан - гельск на Гру - мант
слал ло - дьи сво - и и стал ко - лы -
бель - ю рос - сий - ско - го фло - та.

ПЕСНЯ О РУССКОМ МАТЕ

на мелодию песни Александра Горodницкого

Не люблю бытового мата, Как добро отбирали силой,
С матершинкой обычный треп. Как сгоняли с обжитых мест,
Часто может забыть оратор, Как собаками нас травили,
Свадьба, похороны иль потоп. Как насильовали невест,
Нет, не мату на автомате, Загоняли в сырые трюмы,
Не похабщине злочных мест — Отправляя в последний путь...
Всероссийскому злomu мату Ты подумай-ка, ты подумай,
Поминальный поставим крест! Как тут маму не помянуть!

Вот правители нам достались, Не мечтай о простой эпохе,
Как земля-то носила их — Посмотри-ка на мир окрест —
Чтоб чужие сильнее боялись, В каждом городе по Голгофе
Без пощады лупи своих. И венец, и копье, и крест.
Их каналы, лесоповалы, То нашествие, то блокада,
Пересылки да лагеря... Революция, гладомор...
Ты помилуй нас, Боже правый, Удивляться, Всевышний, надо,
Матерился народ не зря. Как и живы-то до сих пор!

Так помянем же всех распятых,
Как ушедших, так и живых,
Кто в бараках сидел в тридцатых
И в окопах в сороковых.
Тот, кто мерз на ночном причале,
Тот, кто с драгой врубался в лед, —
Утолите свои печали,
Оправданье Господь найдет!

Декабрь 2007

Выразительно, в темпе вальса

Не люб - лю бы-то-во - го ма - та, с ма-тер -
шин-кой о - быч-ный треп. Час-то мо-жет за-быть о -
ра-тор, свадьба, по-хо-ро-ны иль по - топ. Нет, не
ма-ту на ав-то - ма-те, не по - хаб-щи - не злоч - ных
мест - все-рос - сий-ско - му зло - му ма - ту по-ми -
наль-ный по - ста-вим крест, все-рос - сий-ско-му зло - му
ма - ту по-ми - наль-ный по - ста - вим крест!

* * *

Я мечтаю о море,
 Я молюсь кораблю,
 Чтоб веревочкой горе
 Задушить на корню!
 Наши судьбы-юдоли
 Пусть рассыпятся в прах,
 И хрусталики соли
 Заскрипят на зубах!

Пожалей ты бедняжку,
 Без меня не уйди.
 Нарисую тельняшку
 У себя на груди.
 Буду палубу драить
 И латать паруса,
 И тоска будет таять
 В этих синих глазах.

Будет ветер яриться,
 Заиграет волной.
 Будет пена светиться
 Далеко за кормой.
 Все земные приметы
 Канут, словно в туман,
 Лишь зеленого цвета
 Мировой океан!

2007

Выразительно, в темпе вальса

Я меч-та-ю о мо-ре. я мо-люсь ко-раб - лю,
 чтоб ве-ре-воч-кой го-ре за-ду-шить на кор - ню!
 На-ши судь-бы-ю - до-ли пусть рас-сы-пят-ся в прах,
 и хру-ста-ли-ки со-ли за-скри-пят на зу - бах!
 На-ши судь-бы-ю - до-ли пусть рас-сы-пят-ся в прах.
 и хру-ста-ли-ки со-ли за-скри-пят на зу - бах!

ВЕСЕЛО ЕЖУ

Солнце золотое
Катится с небес,
Позднью порою
Закатилось в лес.
Весело, весело, весело ежу.
Сам себе пою я песни,
Сам с собой дружу.

Вот над лесом встала
Бледная луна,
Как под одеялом,
В облаках она.
Весело, весело, весело ежу.
Захочу — гуляю,
Захочу — лежу.

Весело живется
Ежику в ночи.
Никто не отзовется,
Сколько ни кричи!
Весело, весело, весело ежу!
Пусть всё остается,
А я ухожу.

Весело 2006

Музыкальный фрагмент песни «Весело ежу» в нотной записи. Заголовок: «Весело 2006». Музыка написана в тональности G (двух октав), метр 3/4. Текст песни под нотами: Солнце золотое катится с небес, позднью порою закатилось в лес. Весело, весело, весело ежу. Сам себе пою я песни, сам с собой дружу.

* * *

Шел по крыше воробей.
Напевал простой мотивчик:
«Я счастливчик, я счастливчик,
Я счастливчик, воробей».

Светит, греет солнца плошка,
И не точит когти кошка,
Поживем еще немножко,
Я счастливчик, воробей».

А умру в пустой подклети,
Так никто и не заметит.
Я один на белом свете,
Я счастливчик, воробей».

Шел по крыше воробей.
Напевал простой мотивчик:
«Я счастливчик, я счастливчик,
Я счастливчик, воробей».

Петрополивно Март 2008

Музыкальный фрагмент песни «Петрополивно» в нотной записи. Заголовок: «Петрополивно Март 2008». Музыка написана в тональности Am (двух октав), метр 2/4. Текст песни под нотами: Шел по крыше воробей. Напевал простой мотивчик: «Я счастливчик, я счастливчик, я счастливчик, воробей, я счастливчик, я счастливчик, воробей».

НЕ ГОВОРите «НЕТ» МНЕ

Что из того, что поздно
Время столкнуло нас?
Сумерки у природы —
Самый волшебный час!

Скоро уже, однако,
Кончится жизни бег.
Буду я, как собака,
Нюхать последний снег,

Солнце еще не меркнет,
В небе горит звезда.
Не говорите «нет» мне,
Не говорите «да».

Брейгелевской вороной
В черных ветвях торчать,
Нищим слепцом в соломе,
Черную ночь встречать.

Трудно желать напрасно,
Зная, что не найдешь,
Но ожиданье часто
Лучше того, что ждешь!

Ну а пока что — вечер,
А под горой ручей.
Там соловей щебечет,
Как и ручей — ничей.

Как задержать мгновенье
И не помчаться к Вам?
Часто приготовленья
Лучше, чем праздник сам!

Сумерки у природы —
Самый волшебный час!
Вместе встречать восходы
Я приглашаю Вас.

Солнце еще не меркнет,
Светит моя звезда.
Не говорите «нет» мне,
Лучше скажите «да»!

10 января 2008

Выразительно, в темпе вальса

Что из то-го, что позд-но вре-мя стол-кну-ло
нас? Су-мер-ки у при-ро-ды-
са-мый вол-шеб-ный час! Солн-це е-ше не
мерк-нет, в не-бе го-рит звез-да.
Не го-во-ри-те "нет" мне, не го-во-ри-те
"да", солн-це е-ше не мерк-нет,
в не-бе го-рит звез-да. Не го-во-ри-те
"нет" мне, не го-во-ри-те "да".

ГУСИ ЛЕТЯТ НА ЮГ

Жизнь, как поезд, не ждет,
Тонко ветер поет
Мне свои невеселые песни.
Осень листья метет,
День пройдет, и вот-вот
Клин гусей поплывет в поднебесье,
За собою маня,
Будто нет у меня
Ни любви, ни семьи, ни причала.
Вянет лето в стерне,
И не верится мне,
Будто всё повторится сначала.

Мимо крестов, мимо мостов,
Мимо печальных вдов,
Мимо невест, мимо подруг
Гуси летят на юг.
Мимо озер, мимо дубрав,
Горьких поlynных трав,
Мимо измен, мимо разлук
Гуси летят на юг.

Только время придет,
И весна соберет
Всю природу в торжественном хоре,
И очистятся вновь
От ледовых оков
Ильмень, Ладога, Белое море.
Что-то вздрогнет, и пусть
Гуси вспомнят про Русь,
Повинуясь извечной присяге,
Взрезав воздух тугой,
Поплывут синевой
Древним клином из греков в варяги.

1 марта 2008

Несторопливо, свободно

Жизнь как по-езд, не ждет, тон-ко ве-тер по-ет мне сво-
и не-ве-се-лы-е пес-ни. О-сень листь-я ме-тет, день прой-
лет, и вот-вот клин гу-сей по-плы-вет в под-не-бесь-е, за со-
бо-ю ма-ня, буд-то нет у ме-ня ни люб-ви, ни семь-и, ни при-
ча-ла. Вя-нет ле-то в стер-не, и не ве-рит-ся мне, буд-то
всё по-вто-рит-ся сна-ча-ла. **В темпе вальса** Ми-мо крес-
тов, ми-мо мос-тов, ми-мо пе-чаль-ных
вдов, ми-мо не-вест, ми-мо под-руг гу-си ле-

D7 Gm Cm
 тят на юг. Ми-мо о - зер, ми-мо дуб -
 Gm D7 Gm
 рав, горь-ких по - лын - ных трав, ми-мо из -
 Cm Gm D7 Gm
 мен, ми-мо раз - лук гу - си ле - тят на юг.

Беломорские скалы

МЕЛАНХОЛИЧЕСКОЕ ТАНГО

Выразительно, в темпе танго

Gm D7
 Gm D7
 Gm G7 Cm
 Gm D7
 Gm G7 Cm Gm
 D7 Gm

2008

* * *

Т. Ф.

Долго-долго этим летом
Осень спорила с зимой.
Долго-долго зиму эту
Не пускали на постой.

Но пришла и расстелила
Свой сверкающий ковер.
И не верится, что было
Так уныло до сих пор.

И стоят березок свечки
С белой пудрой на кудрях,
И прозрачный лед на речке
Снизу в белых пузырях.

И потрескивают льдинки,
Потревоженные мной,
И колышутся травинки
Под хрустальной толщиной.

Так люби, пока не поздно,
Не дави на тормоза,
Щеки красные с мороза
И искристые глаза.

Долго-долго этим летом
Осень спорила с зимой.
Долго-долго зиму эту
Не пускали на постой.

4 марта 2008

С движением

Дол-го - дол - го э - тим ле - том о-сень,
спо - ри - ла с зи - мой. Дол-го - дол -
го зи-му э - ту не пус - ка - ли на пос -
той, дол - го - дол - го зи-му э - ту
не пус - ка - ли на пос - той.

А. Фирсов, В. Вихорев, А. Тимофеев, Б. Полоскин,
Л. Вихорева, В. Глазанов, Т. Фирсова, М. Добин. 2007

* * *

Работай для души, смирись, не жди успеха,
 Не думай, что тебя лавровый ждет венец.
 Раскрыться не спеши болвану на потеху.
 Всё сказки и обман, пойми же, наконец.

Что скажете, Рембрандт, Ван Рейн и всё такое...
 Теперь-то знаем мы — Вы гений всех времен,
 А что же Ваш талант? Ни счастья, ни покоя,
 Ни дома, ни семьи, забыт и разорен.

Всё сказки и обман, Ван-Гог, судите сами...
 А явь — из уха кровь, казенный желтый дом,
 Глумливая толпа под Вашими холстами
 Да бледная любовь под красным фонарем.

Всё сказки и обман, испив судьбу до донца,
 На смертном на одре нам скажет Левитан:
 «Зашторьте же окно!» — «Окно? Но там же солнце!» —
 «Неправда, солнца нет. Всё сказки и обман!»

И будете вы жить дробинкой на излете,
 Надежду и любовь — всё заметет пурга.
 И только лишь тогда, тогда лишь вы поймете —
 Всё сказки и обман, и больше ни фиги!

30 апреля 2008

В темпе марша

Ра - бо - тай для ду - ши, сми - рись, не жди ус - пе - ха, не
 ду - май, что те - бя лав - ро - вый ждет ве - нец. Рас -
 крыть - ся не спе - ши бол - ва - ну на по - те - ху. Всё
 сказ - ки и об - ман, пой - ми же, на - ко - нец. Рас -
 крыть - ся не спе - ши бол - ва - ну на по - те - ху. Всё
 сказ - ки и об - ман, пой - ми же, на - ко - нец.

* * *

Приснился мне сон, сон великой любви.
Она прилетела, почти бестелесна,
Воздев надо мной крылья-руки свои,
Прекрасна, как женщина, сказка и песня.

Наверно, то было началом конца,
Всё было так ясно, и смутно, и близко.
Не помню одежды, и даже лица,
Лишь чувство смятенья, восторга и риска.

И ветром виденье прижало ко мне,
Как шквалом к стене самолетик бумажный...
И мы очутились в волшебной стране,
И долго летели куда-то... Не важно.

Я понял — доселе я не был любим,
И в жизни теперь мне не будет покоя.
Еще бы чуть-чуть, и оставил сей мир,
Так и не узнав, что бывает такое.

Проснулся — собака за дверью скулит.
Я ринулся в май, я узнаю, успею!
Там листья, как я, рвутся к чистой любви
И ветви меня обнимают за шею.

Я бью по карманам, ищу телефон
И сам понимаю, как всё это глупо —
Хочу позвонить в исчезающий сон,
А мне говорят: «Абонент недоступен!»

2 мая 2008

Выразительно, в темпе вальса

При-снил-ся мне сон, сон ве-ли-кой люб-ви.
О-на при-ле-те-ла, поч-ти бес-те-лес-на, воз-дев на-до мной
крыль-я-ру-ки сво-и, пре-крас-на, как жен-щи-на, сказ-ка и
пес-ня, воз-дев на-до мной крыль-я-ру-ки сво-и, пре-крас-на, как
жен-щи-на, сказ-ка и пес-ня.

МАГОМЕТ

Если гора не идет к Магомету,
А Магомет избегает горы,
Значит, в туризме потребности нету,
Будем надеяться, что до поры.

Сладкой хурмою в июльскую пору
Снова поманит, как тысячи лет,
Снова захочет забраться на гору,
Будем надеяться, наш Магомет.

Кто же зимою попрется на гору,
Что там зимой Магомету искать?
Ну, а хурма в эту летнюю пору,
Будем надеяться, зреет опять!

Если гора не идет к Магомету,
А Магомет избегает горы,
Значит, в туризме потребности нету,
Будем надеяться, что до поры.

8 июля 2008

С движением

Аm E7
Ес - ли го - ра не и - дет к Ма - го - ме - ту.

G7 C A7
а Ма - го - мет из - бе - га - ет го - ры,

Dm Am
зна - чит, в ту - риз - ме по - треб - нос - ти не - ту,

E7 Am A7
бу - дем на - де - ять - ся, что до по - ры,

Dm Am
зна - чит, в ту - риз - ме по - треб - нос - ти не - ту,

E7 Am
бу - дем на - де - ять - ся, что до по - ры.

ПЕСЕНКА ЛЕШЕГО

Пускай они в кино глядят
И на подушке мягкой спят,
Но это дело личное,
А мне на пне привычнее.

Пускай они весь день подряд
Свое морожено едят,
Но это дело личное,
А мне грибы привычнее.

Пусть я родился не вчера,
Лицо, как старая кора,
Но это дело личное,
Так даже симпатичнее.

Пускай я, леший, нелюдим,
Но не кричите: «Леший с ним!»,
Ведь это выражение —
Ко мне неуважение!

26 января 2008

С движением

Пус - кай о - ни в ки - но гля - дят и на по - душ - ке
 мяг - кой спят, но э - то де - ло лич - но - е,
 а мне на пне при - выч - не - е,
 но э - то де - ло лич - но - е,
 а мне на пне при - выч - не - е.

С Игорем Карповым и Ибрагимом. 2008

ПЕСЕНКА ЗМЕЯ-ГОРЫНЫЧА

Меня, когда был молодым,
Боялись власти.
Летал, пускал огонь и дым
Из страшной пасти.

Дыхнешь, бывалочи, огнем,
Спалишь деревню —
К тебе с поклоном и вином
Ведут царевну.

Летал я, как метеорит,
Под самой тучей.
Теперь не то. Радикулит
Меня замучил.

И не боятся уж меня,
Зовут злодеем.
И кто ни попадя, кляня,
Плюет на Змея.

Август 2008

Рисунок Кати Матюшкиной

Выразительно, свободно

Gm

Me - ня, ко - гда был мо - ло - дым, бо - я - лись

D7

влас - ти. Ле - тал, пус - кал о - гонь и дым из страш - ной

Gm G7

пас - ти. Дых - нешь, бы - ва - ло - чи, ог - нем, спа - лишь де -

Cm

рев - ню - к те - бе с по - кло - ном и ви -

D7 Gm

ном ве - дут ца - рев - ну.

МИНУТКА

Долга декабрьская мгла,
Зима кружила как могла,
Но мы под снегом и дождем
Еще минутку подождем.

И будем радоваться мы,
Что пережили пик зимы
И что короче ночи тень
Хоть на минутку каждый день.

Ах, новогодняя пора,
Подарки, елка, мишура,
А стрелки крутятся, и вот —
Мы пьем уже за Новый год!

Друзья, гитары, суета
И пожеланья жить до ста,
И уж взгрустнуть нам с Вами тут
Ни на минутку не дадут.

И всё ж оставят нас потом
Хоть ненадолго, но вдвоем,
И тех минут уж, может быть,
Нам никогда не повторить!

30 декабря 2007

Неторопливо, свободно

Дол-га де - ка - брь - ска - я мгла, зи-ма кру-
жи - ла как мог - ла, но мы под сне-гом и дож -
дем е-ще ми - нут-ку по - до - ждем. но мы под
сне-гом и дож - дем е-ще ми - нут-ку по - до - ждем.

Соловки. 2008

* * *

Стихи Альбины Шульгиной

Из безызвестности, из массы,
 Где в безопасности была,
 Рябина вывездилось красным
 И сразу имя обрела.
 Теперь держись!
 Дрозды приметят,
 И налетят, и затрясут.
 Теперь держись!
 На бусы дети
 Домой по грозди унесут.
 Потом, и надо и не надо,
 Да заламают,
 Оберут.
 Какая горькая услада —
 Жить на юру да на миру.
 Уж лучше тихо и укромно,
 В глухом лесу,
 Красу тая...
 Но упоительна нескромность
 И щедрость дикая твоя!
 Последней кисточкой заветной
 Еще полакомь снегиря
 И погружайся
 В незаметность.
 До августа, до сентября...

Декабрь 2008

Выразительно, свободно

Из без-ыз - вест - нос - ти. из мас - сы.
 где в без-о - пас - нос - ти бы - ла,
 ря-би-на вы - звез - ди-лась крас-ным
 и сра-зу и-мя о - бре - ла,
 ря-би-на вы - звез - ди-лась крас-ным
 и сра-зу и-мя о - бре - ла.

* * *

Была бы на свете большая река,
 Как долгое лето,
 И пусть бы река называлась Ока,
 Но только не Лета.
 И лодку достать бы, и плыть бы на ней
 По воле течений,
 И так начерпать до конца своих дней
 Себе впечатлений.

Припев:

Ну, а река издалека катит водицу,
 Можно испить, можно удить, можно умыться.
 Жизнью такой, самой простой, жили лишь боги.
 Сон золотой, берег крутой, берег пологий.

И плыли б навстречу ее берега
 Так сказочно просто.
 Деревни, деревни, луга и стога,
 Кресты на погостах.
 И плыли бы звуки, родные до слез
 Над гладью стекольной:
 И стрекот стрекоз, и дыхание гроз,
 И звон колокольный.

Припев.

Тянули б пивцо у реки мужики
 С солью тараньки,
 Стелили б дымки вдоль широкой реки
 Субботние баньки.
 И голые бабы бежали б к реке,
 Мотая грудями,
 И бросили б все рыбаки на Оке
 Следить за снастями.

Припев.

Так в воду глядеться бы мне, дураку,
 И плыть долго-долго,
 Проплыть бы Оку и приплыть бы в реку
 С названием Волга.
 И плыть, как плывут облака и века,
 И думать упрямо,
 Что где-то еще есть большая река
 С названием Кама.

Припев:

Ну, а река издалека катит водицу,
 Можно испить, можно удить, можно умыться.
 Жизнью такой, самой простой, жили лишь боги.
 Сон золотой, берег крутой, берег пологий.

14 января 2009

Выразительно, в темпе вальса

Бы - ла бы на све - те боль - ша - я ре - ка, как
 дол - го - е ле - то, и пусть бы ре - ка на - зы -
 ва - лась О - ка, но толь - ко не Ле - та. И

лод-ку до-стать бы, и плыть бы на ней по во-ле те-че -
ний, и так на-чер-пать докон-ца сво-их дней се -
бе впе-чат-ле - ний. Ну, а ре-ка
из-ла-ле-ка ка-тит во-ди - пу.
мож-но ис-пить, мож-но у-дить, мож-но у-мыть -
ся. Жизнь-ю та-кой, са-мой прос-той,
жи-ли лишь бо - ги. Сон зо-ло-той,
бе-рег кру-той, бе-рег по-ло - гий.

ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ

БЫЛО...

Декабрь 1982 года. Дом творчества художников «Старая Ладога». Ветрище такой, что ночью казалось, выдавит стекла. За окном несколько голых деревьев, дальше голый заснеженный взгорок. Ветер несет снег вдоль забора, такого же тоскливого, как тот, в блокадном детстве, когда родители на весь день оставляли меня одного пятилетнего, шестилетнего.

Я сидел у окна и ждал. Сидел, кажется, в той комнатке, где потом у нас с Томой была кухня, оттуда дальше видна была дорога, возвращающая родителей с работы. Но из того же окна были видны и два страшные барака, один совсем рядом, в котором, как говорили, жили людоеды. Всё могло быть. Гулять меня не пускали, боялись — съедят. В бараках жили пришлые бедолаги, которых война согнала с обжитых мест, и даже несколько китайских семей. Многих из них арестовали, говорили — японские шпионы, но две семьи остались, Хо-шу-де и Ван-су-лины. Помню смутно, говорили о каком-то мужике с топором. Не то он кого-то зарубил, не то только грозился, но страх мой детский был велик. Я спрашивал маму: «Он к нам не ворвется?».

Совершенно не помню радости, помню несколько тяжело-унылых, а пророй и страшных видений — предчувствий. Вероятно, я болел. Помню себя в бредовом состоянии — лежу на спине, смотрю в потолок, а потолок делится на квадраты, они растут, падают и давят меня. До сих пор ощущение тошноты.

От налетов немецкой авиации отец выкопал яму — бомбоубежище во дворе, сделал ступеньки, крышу. Он отводил нас при налетах в эту яму. Скользкие глиняные ступеньки, внизу ямка для стока воды, жердочка, чтобы держаться при спуске. Свеча или коптилка.

Наша деревенька Жерновка была пригородом Ленинграда. Она находилась недалеко от военного объекта — Охтинского химкомбината, бывшего Порохового завода. Немцы часто бомбили его и даже сбрасывали на парашютах морские торпеды, начиненные взрывчаткой. Одна такая торпеда упала около нашего дома, но не взорвалась. Она была начинена железными опилками. Кто был тот русский, чех, поляк или немец, кто спас наши жизни?

Вот я и жив, у меня жена и дочь, и я смотрю, как пурга несет снег вдоль забора на даче в Старой Ладоге.

Что такое недолет,
В детстве я узнал впервые —
Если бомба в огород,
А бомбят Пороховые.

Во дворе семейный дот,
Лезть туда — ну нет желанья —
Бесполезен этот дот
От прямого попадания.

Клей столярный, да подошва,
Да лепешка-лебедя.
Не ахти, но выжить можно —
Настоящая еда.

Накрест-крест окно, и я
У окна весь день тоскую.
Погулять бы, да нельзя —
За окном детей воруют.

Сумерки, пришел отец,
Обметает шваброй ноги.
Говорит, ему мертвец
Крикнул «Здравствуй!» на дороге.

Что такое рай? Сарай,
Но наполненный дровами,
И что выжила семья —
Поклонись дровам и маме.

У моих родителей, Тимофеевых Георгия Дмитриевича и Екатерины Ивановны (в девичестве Мининой), нас, детей, было четверо. Я самый младший. Брат Георгий на девять, сестры Нина и Зоя соответственно на двенадцать и на пятнадцать лет старше меня.

Отец работал на Пороховых в гараже, был специалистом по автомобильным моторам и чинил комбинатовские машины и машины, что везли хлеб через Ладогу, гараж был ближайший у «Дороги жизни». Первую блокадную зиму вся семья жила вместе.

Мама, отец и Саша с мамой

В конце первой, самой голодной зимы сестра Нина пошла в магазин на Пороховых «отоварить карточки» на всю семью. Какой-то проходимец подошел к ней и сказал: «Я здесь работаю, сегодня привезли белый хлеб, не хотите ли вместо черного отовариться белым? Даже больше получится». Доверчивая семнадцатилетняя сестра отдала ему все карточки, он пошел за прилавок, вышел, вероятно, в заднюю дверь и был таков. Сестра пришла домой ни жива, ни мертва, всей семье грозила смерть — пропали карточки на целый месяц. На другой день отец пошел на работу и рассказал о случившемся. Начальник дал ему три бутылки спирта: «Вот всё, чем могу помочь, дальше выкручивайся, как можешь».

В тот же вечер мимо нашего дома ехали солдаты, везли в санях кости от лошади. Попросились переночевать, их пустили, дом был теплый, мы голодали, но дрова в сарае были. Солдаты дали маме что-то от конской ноги и попросили сварить похлебку. Когда все сели ужинать, кто-то сказал: «Эх, сейчас бы под такую закуску...» «А у меня есть», — сказал отец и выставил на стол бутылку спирта.

Когда солдаты уехали, мама обнаружила в снях, в мешке кости от конины. Несколько дней мать боялась тронуть это сокровище, потом отец сказал: «Вари, Катя, видишь же — они нарочно оставили, не вернуться». Мама выменяла на хлеб всё ценное, что было в доме. Дорогую дядину скрипку, серьги, кольца, даже обручальные. После блокады в доме не осталось ни одной ценной вещи, зато вся семья выжила. Старшая сестра пошла в армию, была строителем, была знакома с маршалом Говоровым, пришла с войны с орденами и медалями. У Нины был сильный красивый голос, она пела в театрах, в Музкомедии пела Сильву. Вышла замуж за военного, молодого майора. Помню, меня возили на несколько дней в Корнево, где стояла их часть, чтобы немножко подкормить. Майор погиб в первый же год войны. Сестра с концертными бригадами ездила на фронт, иногда попадала в одну группу с Клавдией Шульженко. Брат Жора подделал себе документы — прибавил года и ушел юнгой на флот, служил на тральщике, был контужен. Здорово плясал, его звали в ансамбль песни и пляски ВМФ.

В 1944 году я пошел в сельскую школу в деревне Малиновка, что рядом с нашей Жерновкой. Первые три года учился хорошо и рисовал хорошо.

Школьник Саша Тимофеев

Родители

С племянницей Альтой и сестрами Зоей и Ниной. 2001

Помню, нам дали домашнее задание по рисунку. Я карандашом скопировал картину Перова «Охотники на привале». Маму вызвали в школу и отчитали ее там, дескать, ребенок не может так рисовать. Так и не поверили, что это я нарисовал. К сожалению, рисунок не сохранился.

За деревней, там, где речка Жерновка делала крутой поворот, в самую речку упала бомба, что значительно углубило и расширило наш ручей. Мы копали дерн, делали запруды, скрепляли ее кольями. Можно было купаться и даже нырять с разбега с берега «головкой». После войны в полях валялось много патронов, артиллерийского пороха — «макарон». Мы жгли костры в дотах, взрывали патроны, жгли порох, делали «самопалы». Игрушек у детей не было, может быть, поэтому все военные дети, что называется, «рукастые». Мы сами себе делали луки, рогатки срезинкой отпротивогазов, вырезали себе пистолеты из досок. На краю деревни у пруда стояла кузница. Кузнец с удовольствием прожигал в стволах наших пистолетов отверстия, мы делали бойки и с помощью той же резины от противогазов стреляли дробью, камешками и горохом. Впрочем, горохом редко, продуктов еще очень не хватало.

После третьего класса меня перевели в пороховскую школу, а десятилетку я окончил на Ржевке.

Где-то вы теперь, Валя Симон, Леля Приймак?

После школы, хоть мне и хотелось учиться рисовать, но как-то за компанию со своими друзьями поступил в Ленинградское Арктическое училище в Стрельне. Константиновский дворец, там сейчас резиденция президента. Училище закрытого типа, морская форма, в увольнение, если не было наряда, отпускали только на воскресенья. Ходили строем, пели «Бескозырка, ты подруга моя боевая». Учили метеорологию, аэрологию, синоптику, делали геодезические съемки. Пел в хоре. Под руководством Вадима Кружкова, баяниста, составили певческое трио: Анатолий Печерей — баритон, Эдик Силюев — тенор и Александр Тимофеев. У меня был очень высокий голос, так что, когда мы пели, в зале иногда раздавались смешки. Три года училища, несколько месяцев стажировки на Балтике, присвоили офицерское звание и — на север. Мне выпал Тиксинский радиометцентр.

Курсанты

Певческое трио

С Борисом Дружининым и Леонидом Васильевым. Конец 1950-х

Что нам север, льды и холода!

Подъемные деньги выдали такие, что не прибарахлишься. В демисезонном пальто, в ботиночках и кепочке, не помню, были ли перчатки, в одной руке чемоданчик со шмотками, в другой — баян в чехле, я взошел на борт «Аннушки». Пассажирский салон маленький и не отапливается. Холодина. Небольшая остановка в Андерме, городок завален снегом по верху окон, сугробы вдоль дороги как крепостные стены. Здесь вышли несколько попутчиков, и мы полетели дальше, в Тикси.

Выпустили меня одного из самолета, как мне показалось, в голом безлюдном поле. Январь месяц, полярная ночь, небольшая метель, вдали вины огоньки. Куда идти? Пара огоньков стала приближаться, подъехал вездеход.

— Тебя в радиометцентр?

— Да.

— Садись, поехали.

Там меня устроили ночевать в холодный пустой медицинский бокс, выдали талоны на питание в столовую на несколько дней. Сказали, что через три-четыре дня будет самолет на остров Котельный, а пока осваивайся на севере. В летних ботиночках не очень-то освоишься. Три раза в день до столовой и обратно, так я до самолета и Тикси-то не видел по-настоящему.

Наконец самолет, перелет на Котельный, маленький аэропорт «Темп», из самолета что-то выгружают, опять подъехал вездеход, меня забрали и отвезли на место работы — полярная станция «О. Котельный».

Остров этот — самый большой из Новосибирских островов. Ни деревьев, ни кустов, ничего, кроме мхов и лишайников.

Кают-компания — это большое, мрачное помещение, стены и потолки которого когда-то были околочены дранкой под штукатурку, но их не штукатурили, дранка потемнела, вид неприглядный. Справа от входа в углу до потолка стоят ряды ящиков с картошкой, стена обледенела, картошка промерзла.

Встретили меня радушно, обрадовались баяну, огорчились, что не привез пива. Спирт и шампанское для праздников туда доставляют, а вот пива многие полярники не видят годами.

Впрочем, рассказ мой о конце пятидесятих годов прошлого столетия.

Началась моя трудовая деятельность в качестве техника-аэролога. Практически все, чему учили нас в училище, не пригодилось. В несколько дней научили меня надувать водородом шары, предварительно для большей эластичности вымочив их в керосине, научили запускать их при сильном ветре.

Прибор с маленьким пропеллером (радиозонд) на тросе в пять-шесть метров крепится к резиновому шару диаметром в полтора примерно метра, все это выносишь из ангара с огромными воротами. Ветер тут же прижимает шар к насту, и ты должен бежать, чтобы шар не коснулся наста (тончайшая резина лопнет) и ты должен «обогнать ветер», чтобы шар поднялся вверх и ловко отпихнуть прибор в сторону, чтобы он плавно проплыл над настом. Освободившись от удерживающей его руки, шар резко устремляется вверх, и если радиозонд не заденет земли пропеллером, запуск считается успешным. В темное время к зонду подвешивается еще и фонарик, и нужно бежать в будку под открытым небом к теодолиту, чтобы фиксировать скорость ветра и направление, а в это время в доме у приемника твой напарник принимает сигналы с данными о температуре, давлении и влажности. Потом по этим данным чертишь графики, кодируешь их и бежишь в радиорубку для отправки в радиометцентр.

Работа наша имела большое значение для обслуживания полетов самолетов и первых спутников. А на большой земле синоптики вычерчивали карты с изотермами и изобарами и по ним рисовали прохождение атмосферных фронтов и составлялись прогнозы погоды.

В доме на отшибе были установлены пара дизелей для обеспечения станции электроэнергией, и их работа была слышна и днем и ночью. Из развлечений — шахматы да кино. Когда крутили кино, работал «Ветряк» — большой пропеллер на высокой металлической мачте тоже приносил электроэнергию.

Питались мы довольно однообразно. Помню надоевшие рисовые каши и рисовые котлеты, сдобренные томатной пастой, целая бочка которой стояла на камбузе. Все скучали по мясному, поэтому с наступлением весны начиналась охота, сначала на куропаток, а потом на диких оленей, которые по последнему льду переходили на остров с большой земли.

*На охоте. 1960**С полярниками острова Котельный. 1960*

Из начальников станции запомнился знаменитый полярник, впоследствии много раз возглавлявший экспедиции и в Арктике и в Антарктике Арнольд Будрецкий.

Наш механик Саша Коньков держал собачью упряжку, на которой по весне мы ездили собирать чайчьи яйца или за почтой в «Темп». Но чаще почту нам сбрасывали в мешках прямо с самолета.

Раз в год к берегу подходил корабль с оборудованием, соляровкой и продуктами.

На острове, кроме полярников на станции и аэродроме, были еще охотники на песцов, в основном якуты. Их избушки тянулись вдоль берега моря на расстоянии километров в десять друг от друга. Летом в свободные дни мы с Коньковым иногда ездили на вездеходе на другой берег острова, и в одну из таких поездок я нашел бивень мамонта. Половина его была уже гнилая, но килограммов двадцать сохранились в целости.

Вот там, на «полярке», я и начал резать по кости заточенным надфилем.

Всему приходит конец, вот я и распрощался с «поляркой», оставил там свой баян, а в чехле от него привез домой бивень мамонта да моржовые клыки. Надо было устраиваться на работу. В цехе игрушки Охтинского химкомбината, в гараже которого в войну работал отец, я показал свои изделия из кости, и меня взяли гравером. Проработал я там четыре года. Рядом со мной работал Саша Потапов, мастер спорта по альпинизму, он позвал меня с баяном на Приозерские скалы в компанию альпинистов и художников «Парнас». О талантности «Парнаса» говорят такие имена, как полярник Леонид Говоруха, строитель и певец Леон Косококов, художник Виталий Тюленев, бард Валентин Вихорев... Всех не перечислишь.

Начались поездки на Приозерские скалы, летом на карельские озера, зимой на Карпаты в местечко Есеня — горные лыжи. Там я и встретил свою будущую жену Тамару Тетеровскую, студентку Академии художеств. Посмотрела она на мои рисунки и говорит: «Тебе учиться надо». Договорилась в группе на первом курсе с преподавателями, и я стал ходить на занятия «вольнслушателем», а через год, в 1966 году, без всякого художественного образования поступил на живописный факультет института им. И. Е. Репина Академии художеств СССР.

Тамара Тетеровская и Валентин Вихорев. Скалы, 1960-е

Владимир Цветков, Аркадий Разживин, Сергей Колотиллов, Леон Кособоков, Владислав Шимелис. Пятидесятилетие А. Тимофеева, 9 ноября 1986 г.

С маленькой Катюшей

С Тамарой. 1970-е

На первых двух курсах учиться было сложно, рядом со мной были сокурсники, окончившие художественную школу и художественное училище — готовые уже художники. Но с третьего курса у меня пошел рисунок, так что в каждый семестр в фонд забирали по паре работ, а потом «пошла» и живопись. В мастерской И. А. Серебряного, где его помощниками были Б. М. Лавренко и Б. В. Корнеев, я защитил дипломную работу картиной «Резчик по дереву». На защите выступали профессор, академики и народные художники: Левитин, Моисеенко, Мыльников.

А. А. Мыльников поздравил мастерскую И. А. Серебряного с рождением художника.

На выставке дипломных работ художественных вузов СССР в Москве работа «Резчик по дереву» была награждена дипломом Академии художеств, что сейчас равняется недавно введенной серебряной медали. В 1982 году меня приняли в Союз художников СССР.

В 1976 году у нас с Тamarой родилась дочь Катя, которая как-то прямо с детства стала здорово рисовать.

У Тamarы и Екатерины есть особый дар, такой был у немногих художников, им, чтобы рисовать, не нужно иметь перед собой предмет, или человека, или животное. Они видят это как бы внутренним зрением и быстро исполняют на бумаге свои видения.

Несколько рисунков Тamarы и Кати напечатаны в этой книге.

К своим двадцати годам Катя уже оформила массу книг в больших издательствах Москвы и Санкт-Петербурга. А когда поступила учиться в Институт культуры, то со своей подругой Екатериной Оковитой они решили и написать, и оформить книгу сами. И вышла целая серия популярных детских книг «Лапы вверх». Сейчас Екатерина уже одна и пишет тексты, и оформляет свои книги как художник, а в качестве поэта в текстах ее книг присутствует папа.

— Эх, папочка, — как-то сказала мне Екатерина, — вот ты рисуешь уже тридцать лет, и тебя никто не знает, а пописал стихи три ночи — и тебя узнала половина детей в России.

И действительно, тираж ее книг приближается к миллиону.

Может быть, мои стихи к Катиным книгам были одним из толчков к новым песням, и детским и взрослым. Первые песни я написал в самом начале шестидесятых. В Жерновке у меня был друг Володя

Чистяков¹, он учился на геологическом в университете, писал стихи, печатался в университетской газете. На стихи Чистякова я и сочинил несколько песен. Уже в 1963 году мы с Валентином Вихоревым выступили в кафе «Восток». А потом был большой перерыв в написании песен, пока я учился в Академии на художника и становился им. Снова я стал писать песни с 2006 года, вероятно, еще одним поводом стало посещение Соловецкого фестиваля авторской песни.

В кафе «Восток», на «четвергах у Сталины», на квартире у Вихорева в дни его рождения я познакомился со многими авторами и исполнителями. Я просил их позировать мне и написал целую галерею портретов, все они представлены в этой книге.

В 2001 году у Катюши родилась дочь, моя внучка Настенька. Тоже рисует, что-то выйдет из нее?

С 2001 года я как будто вернулся в свою полярную молодость — стал ездить на этюды на острова и в села Белого моря с организатором этих поездок Николаем Сьюлгиным и группой талантливых художников Геннадием Правдиным, Борисом Забирохиным, Владимиром Прошкиным, Александром Каштановым и другими.

Если жить тебе непросто,
Жизнь не сахар и не рай —
В Белом море есть Кондостров,
Вот туда и поезжай!

Метет, метет пурга, несет снег вдоль забора в Старой Ладоге, замечает прошлого следы мои. И пусть больший кусок жизни остался за забором этим, но всё же кажется мне, что лучшая картина моя еще не написана и лучшая песня моя не спета еще.

1982–2008

¹ Чистяков Владимир Гаврилович (1937–1979).

Тамара Тетеровская. Из цикла «Друиды»

Тамара Тетеровская. Из цикла «Друиды»

Рисунки Кати Матюшкиной к ее книгам для детей

ВЛАДИМИР ЧИСТЯКОВ

История с крупинкой, буквально связанная с моим другом Володей Чистяковым, превратилась в анекдот. Володя работал по контракту в Университете в полевой геологии. Контракт закончился, его перевели в «морскую геологию». Там изучали песчаные отложения морского дна. Особая тема, песочные взвеси, формирование прибрежных кос, дюн и прочее. Это важно для судовождения.

Работали с ситами. В мелкие сита просеиваются песчинки с определенным весом. В связи с этим строились всякие математические модели. Так было всегда, но Чистяков заметил, что песчинки в некоторых местах не круглые, а продолговатые, и в мелкое сито проваливаются, хотя и весят много больше круглых. А посему математические модели не верны. Чистяков написал об этом министру геологии.

В Университете работали, пили кофе, шутили, трепались, хлопали Чистякова по плечу — свой парень, Володя и Володя.

Через пару недель в Университет пришло письмо от министра на имя Владимира Чистякова. С этого дня его стали звать Владимир Гаврилович.

Кстати, Володя утверждал:

— В морской геологии столько белых пятен, можно сделать столько открытий! Можно стать доктором наук, академиком. А наш руководитель выброшенные морем доски себе на дачу таскает.

* * *

Сидит Чистяков в Усть-Нарве на берегу. Подплывает лодка с рыбаками и миногой.

- Мужик, ты миногу ешь?
- Нет, не ем.
- Почему?
- Миноги нету!

Посмеялись.

— Давай, — говорят, — посуду под рыбу.

Володя разводит руками:

— Посуды нет, только крышка от лодочного мотора.

Приволок на базу полмешка миноги.

1990-е

С Владимиром Чистяковым. 1973

АНДРЕЙ ЕФРОН

«Нас строили в одну шеренгу, поворачивали кругом и заставляли снять штаны».

С Андреем Ефроном познакомил нас с Томой Володя Чистяков. Они с Ефроном были геологи, работали в Ленинградском университете.

Известная фамилия — Ефрон!

Еще в школе Андрей увлекся иностранными языками, овладел немецким, стал изучать английский.

В армию попал в самом конце войны. Служил в качестве переводчика с немецкого. В разгромленной оккупированной Германии у американцев были свои кафе. Чтобы потренироваться в английском, Ефрон стал посещать их в свободное время. Через несколько таких посещений он был вызван к командиру части. Тот дал ему пакет с приказом отнести в комендатуру.

В комендатуре пакет вскрыли, тут же сорвали с Андрея погоны и засадили в тюрьму как американского шпиона. Ефрон рассказывал, что на его счастье там сидел настоящий шпион, который все наши законы и порядки знал назубок. Он-то и провел с Ефроном «политзанятия». Рассказал, в чем можно сознаваться, если ты даже этого не делал (в чем-то сознаваться все равно придется), а в чем категорически нельзя. Это и спасло Ефрона, и вместо расстрела после долгих пересылок попал он в Сибирь на золотодобычу.

— Работа с драгой тяжелая, — рассказывал Андрей, — осенью и весной особенно, когда приходится часто лезть в ледяную воду. Костер горит, но тот, кто часто подходит обсушиться, а после снова в воду, быстро простужается и умирает.

Раз в сезон приезжала медицинская комиссия. Нас строили в одну шеренгу, поворачивали кругом и заставляли снять штаны. Врач шел вдоль шеренги и смотрел на наши зады. Те, у кого ниже крестца, там, где ягодицы, еще оставалось какое-то мясо, считались годными.

Мне повезло с моей конституцией. Сам-то я чувствовал себя еще сносно, а сзади — одни кости. Списали на более легкую работу — лесоповал.

А там снова повезло. Начальство решило, кроме рубки леса, организовать еще какое-то производство.

И Ефрон вызвался гнуть дуги для гужевого транспорта. Толкнул сосед по шеренге локтем:

— Пойдем, мало ли что не умеем, хоть отдохнем, пока разберутся, а то подохнем.

Иногда спасали жизнь незначительные вроде бы случаи. Так, когда уже совсем «доходил», шел мимо столовой, из окна камбуза мне выбросили миску с кашей.

И все же Андрею Ефрону повезло к концу жизни: вышел на волю, и закончил институт, и работал в Университете. Не мечтал уже о встрече с женщиной. Завел собаку, гулял с ней, познакомился с такой же «собачницей» на прогулках, молодой женщиной. Разговорились. Она созналась, что хочет ребенка, но тоже не надеется уже встретить мужчину. Долго ли, коротко ли встречались они, но «сообразили на двоих». Родила. Сказала:

— Андрей, я ни на что не претендую, но давай распишемся, чтобы у ребенка был отец.

Расписались, и полюбили друг друга, и были счастливы.

А нам с Тamarой Андрей подарил два прекрасных камня. Один из них — редкий. В кристалле прозрачного кварца (или хрустала?) величиной с кулак — пучок золотистых нитей. «Венерины волосы».

2007

М. М. ЕРМОЛАЕВ

В 1983 году в поселке на берегу Ладоги я писал портрет старейшего полярника, доктора геолого-минералогических наук профессора М. М. Ермолаева. Погода стояла хорошая. Я писал портрет на фоне бревенчатой стены несколько сеансов, и однажды Михаил Михайлович рассказал, как молодым ученым с большой группой полярников, представленных к правительственным наградам, получил свой первый орден Трудового Красного Знамени в Кремле.

Полярников ввели в зал, где находились члены правительства. Орден вручал «Всероссийский староста» М. И. Калинин.

Когда дошла очередь до М. М. Ермолаева, из дальнего затемненного конца зала раздался голос Сталина:

— Такой молодой, и уже орден?

Рука Калинина, готовая было уже пришить орден к груди полярника, повисла в воздухе и мелко затряслась. Минуту продолжалась мучительная пауза, казавшаяся бесконечной.

— Ну ладно, ладно! — донеслось из дальнего конца зала, и Калинин с силой и облегчением пришил орден к пиджаку и коже Ермолаева.

Почти все награжденные полярники и сам М. М. Ермолаев в 1937 году получили и потом отсидели долгие сроки.

2008

ВИТАЛИЙ ТЮЛЕНЕВ

МОНОЛОГ

Старик, ты помнишь, какой я был? Пол-России пешком или на байдарке, ночью в стогах или в палатке... В общем, мир стоял на месте, а я — мимо него!

А вот теперь я вынужден заняться огородом. Сажу здесь на месте, копаюсь в земле, а мимо меня облако плывет, бабочка порхает, муравей былинку тащит...

И знаешь, старик! Ощущение ничуть не хуже нежели!..

Начало 1990-х

ДРАКА

Пристрастились мы с моим приятелем Вячеславом Набатовым в шахматы играть. Пятиминутки, с часами. Сыграем партии три, выпьем по стопочке коньяку, закусим и снова за шахматы.

Заигрались. Посмотрели на стенные часы. Батюшки, уже половина второго ночи. Жена у Набатова строгая, ждет, наверно, психует. Что делать? Пойдем такси ловить. А времена были советские, такси не то что ночью — днем не поймаешь. Помните песню Высоцкого «В Ленинграде-городе...»? Ловили, ловили, все-таки остановили машину. Пока мы, пьяненькие, прощались-обнимались, подбежали

трое молодцов, оттолкнули нас, сели, шелкнули дверьми и укатили. Ах, ах, как же так!

Вернулись в мастерскую, выпили с огорчения еще по стопочке и залегли спать. Назавтра звонит Тюленев:

— Как дела, старик?

Я отвечаю:

— Годы идут, сдавать позиции не хочется, но что же делать, драться, что ли?

— Слушай, старик, — усмехается Виталий, — я тебе случай расскажу. — Еду я как-то в трамвае. Сажу, а надо мной какой-то амбал навис, держится за ручку с ремешком, смотрит на меня в упор и раскачивается. И видно — ну не нравлюсь я ему! И начинает он ни с того ни с сего мне хамить и поносить меня всячески. Я говорю: «Помолчи, мужик, хуже будет!» Помолчит немного, потом снова начинает. А у меня внутри всё закипает, ну, думаю, сейчас будет остановка, я его из трамвая выброшу.

(А Тюля здоровый был, рост метр девяносто, в баскетбол и волейбол играл, ладони как лопаты.)

— Остановка, — продолжает Тюля. — Я встаю, беру его за плечи... И тут у меня сердце прихватило. И вот я стою, держусь за него и думаю: «Только бы он никуда не ушел!»

1980-е

* * *

Звонит Тюленев.

— Шурик, у тебя в ЛОР НИИ врачи знакомые есть? Мне нужно полипы из носа выдирать, а то уже дышать тяжело.

Я говорю:

— Приходи, отведу тебя прямо к директору института, он лучше знает, к кому тебя направить.

— Мужчина или женщина?

— Мужик.

— Это хреново.

— Какая тебе разница, операцию-то не он будет делать.

— Да я не про то. Просто к женщине можно подойти с цветами или коробкой конфет, а к мужику — с водкой, что ли?

— Ведь у тебя книжка вышла только что, вот и подари ему. Он, наверно, будет доволен.

На другой день я отвел его к директору института Борису Сергеевичу Крылову.

Мы распрошались. Дня через два звоню Тюленеву:

— Ну как, сделали операцию?

— Всё в порядке, старик, сделали, и такой хороший врач попался, что почти безболезненно. Но я в панике!

— Что такое?

— Да знаешь, весна, снег тает, капель с крыш, а я ничего не чувствую. Обонянье потерял. И что еще хуже — цвета не вижу! Я и не думал, что две эти вещи так взаимосвязаны.

— Терпи, Тюля, — советую.

— Пройдет!

Вероятно, он уехал на дачу, связались по телефону мы только месяца через два.

— Ну как, Виталий, — спрашиваю, — цвет видишь?

— Вижу, — вздыхает, — но чувствую, что полипы снова выдирать придется!

Посмеялись. А до того, через несколько дней после операции, останавливает меня в коридоре института Борис Сергеевич Крылов и говорит:

— Этот ваш приятель, художник, Тюленев, кажется. Он мне книжку свою подарил. Я посмотрел — странный какой-то он! Мальчишки по проводам ходят, люди под лошадьми и коровами... Непонятно!

Я отвечаю:

— Ну, объяснить довольно просто. Он, например, любит поэзию Есенина и пытается поэзию и свои ощущения передать средствами живописи. Ассоциации там, гиперболы...

Вячеслав Набатов

— Ну, — иронически усмехается Борис Сергеевич, — в поэзии Есенина-то как раз всё просто и понятно, какие гиперболы?

Я возражаю:

— А что вы скажете о такой фразе: «ежедневно молясь на зари желтый гроб, кандалы я сосал голубыми руками...»?

— Ну, ну, да, да, — сказал Крылов, хмыкнул и удалился.

А чуть позже встретил я заведующую институтской библиотекой Зинаиду.

— Саша, — говорит Зинаида, — Борис Сергеевич тюленевскую книжку-то с именной надписью в библиотеку передал.

1980-е

После смерти Тюленева вдова художника Ирина сделала очень много выставок Виталия, и искусствоведы в один голос заговорили о том, что это был гениальный художник.

АЛЁХОВЩИНА

В восьмидесятые годы едва ли не каждую осень мы с Тюленевым на его машине дня на четыре, а то и на недельку отправлялись к северу — Белозерье, Вепсия, Алёховщина, Онежское озеро. Разговор был всегда примерно такой:

— Шура, поехали завтра. Ты готов?

— Готов.

— Слушай, старик, я отвезу тебя в Алёховщину, покажу такую речку — рыбу можно доставать как из аквариума. Только никому в Союзе не говори. Узнают, налетит толпа, конец рыбалке!

Назавтра отправились. Алёховщина — холмистый край, речки каменистые — то быстрые, то плесы.

Был сентябрь месяц, в полях убирали картофель. Мы свернули с шоссе, проехали немного лесной дорожкой, выехали к картофельному полю, уже убранному, и поехали прямо по нему, благо машина «Нива» позволяла. Так мы доехали до реки, нашли на берегу заросли погуще, чтобы, когда уйдем на рыбалку, машину и палатку не видно было, и остановились.

Нетерпение порыбачить было так велико, что едва поставив палатку, даже не перекусив с дороги, мы стали готовиться к рыбалке.

Я взял с собой резиновую лодку и стал надувать ее, а Виталий стал натягивать только что купленный гидрокостюм, с ног до шеи непроницаемый для воды.

Я справился раньше. Спихнул лодку в воду, залез в нее, выгреб на середину реки, бросил камень на веревке и забросил удочку. Поплавок ушел под воду мгновенно. Дернул — впечатление такое, что зацепил за корягу. Дернул посильнее и оборвал всю снасть: крючок, грузило и поплавок. Поводки-то у меня были запасные с собой, а вот поплавок не было.

Кричу:

— Тюля, у тебя нет лишнего поплавок?

— Нет, у меня только свой!

Пришлось вернуться на берег. Оторвал от сосны кусочек коры, привязал его на узел к леске, привязал поводок с крючком, насадил червяка и забросил в воду.

Поплавок с бульком ушел под воду. Тяну, что-то тяжелое.

Кричу:

— Тюля, опять что-то большое!

Он советует:

— Поводи, поводи, не спеши, старик!

Я поводил, выудил большую рыбку с килограммчик.

Показываю Виталию.

— Что же это за рыба? — спрашиваю.

— Это голавль, старик. Рыба вкусная, давай, давай!

Спустился в воду в своем гидрокостюме и пошел вверх по реке.

Как я ни старался, больше ни одного голавля не поймал. Видно, пока ездил туда-сюда, распугал стаю.

Зато поймал хорошей плотвы, окуней. Стало смеркаться, я выбрался на берег, кричу: «Тюля, Тюля!» Не откликается. Заготовил дров для костра, стало совсем темно. Где же Тюля, думаю.

Пошел его искать. Прошел вверх по берегу, на поворотах реки боны, заколоченные большими булыжниками, видимо, весной лес по реке сплавляли.

Камни в реке в черной слизи. Как же, думаю, он ходит здесь в своем гидрокостюме, как бы не убится.

Прошел с полкилометра, кричал, кричал — бесполезно. Совсем темно стало, вернулся на стоянку, разжег костер, стал чай кипятить. Приходит Тюля.

— Не хотел, — говорит, — возвращаться, пока голавля не поймаю.

Принес такого же голавля, шуку, плотвы и окуней. Решили плотву жарить сейчас, а с остальным разобраться завтра, голавля и хвосты голавлей — в уху, остальное жарить.

— Эх, говорит Тюленев, муки-то я не взял, чем обвалить рыбу?

— У меня манная крупа есть, — отвечаю, — какая разница?

Поджарили замечательно.

Так на одно и то же место мы приезжали дважды. Во второй раз, когда пришло время возвращаться, я предлагаю:

— А что это мы всё по картофельному полю ездим? Поехали лесом, найдем какую-нибудь лесную дорогу и выберемся на шоссе.

Поехали. И действительно наши лесную дорогу, выехали на шоссе, на самом перекрестке стоит большой щит с надписью большими буквами «Заказник. Нерестилище лососевых. Ловля любой рыбы строго запрещена. Штраф...»

— Эх, Шура! — вздохнул Тюленев, — зачем мы с тобой лесом поехали? Не знал бы я об этом, ездил бы сюда и дальше! А я ведь, когда в гидрокостюме бродил, лесника встретил. Спросил у меня — как рыбалка? Поговорили. Ушел, ничего про заказник не сказал.

1980-е

ФЕРАПОНТОВО

Однажды мы долго ездили от озера к реке, от реки к озеру... Тюленев посмотрел на карту и предложил:

— А ведь здесь Ферапонтов монастырь совсем недалеко. Может, заедем?

— Давай, давно не был, может, удастся Дионисия посмотреть.

Поехали. На горюшке напротив монастыря стояли кемпинги, гостиница какая-то нерусской архитектуры с остроконечными крышами. Грохотала музыка; эхо, отражаясь от стен монастыря, превращало ее в какую-то какофонию.

Мы вышли из машины, пару минут посмотрели на это безобразие, плюнули, сели в машину и уехали. Всю дорогу молчали...

1980-е

ПОРТРЕТ

Виталий не любил говорить о своих болячках, а если говорил, то с шуткой и некоторой иронией.

Был случай, я писал с него портрет на другой день после выхода его из больницы. Ему оперировали ногу. Чувствовалось, что ему еще больно, он менял положение ноги, но позировал хорошо. Отсидел он передо мной часа полтора и говорит:

— Ну, хватит, старик! Если бы каждый художник мог писать натуру, сколько захочет, все музеи были заполнены одними портретами.

Этот маленький портрет Виталия Тюленева, который выставлялся в двух городах на выставке «Москва — Санкт-Петербург», был написан за полтора часа.

1980-е

* * *

Два-три раза ездили мы с Тюленевым зимой на Чудское озеро, на рыбалку. Остановливались у старенькой деревенской учительницы Нины Васильевны. Утром, еще в темень, отправлялись на озеро, проходили несколько широких трещин во льду, идущих параллельно берегу.

Позади удалялся, уменьшаясь, берег. Куда мы шли? Он, наверное, знал.

Шли на лыжах: у Тюли сзади на веревке настоящий рыбацкий ящик с полозьями, у меня за спиной рюкзак со складным стульчиком. Рыбачили мы не каждый день, успевали и рисовать, а зимние дни короткие.

1980-е

КРАЖА

Разговор с Тюленевым по телефону.

Он:

— Что такой грустный, старик?

— Да знаешь, Виталий, обокрали мастерскую, радоваться нечему.

— Да? И что взяли, старик? — голос веселый и не без удовольствия.

— Взяли холстов пятнадцать маленьких, в хороших рамах, взяли пару холстов покрупнее. Ну, еще краски иностранные копил (их в Союзе художников по записи продавали), думал, вот, шедевр буду писать, использую... кисти, мелочь всякую.

— Ну что же, поздравляю, старик!

— ?

— Понимаешь, пару лет назад меня тоже обокрали.

Теперь уже я с неподдельным интересом:

— Да? И что взяли, старик?

— Взяли дубленку, аудиотехнику, взяли дорогие хорошие книги по искусству... И хоть бы один этюд. Что уж я, как художник, совсем говно, что ли?

Посмеялись.

Так мог пошутить над собой только большой художник.

1990-е

ВЫСТАВКА

В 1994 году у Виталия была выставка в Союзе художников, в двух угловых залах, где обычно выставляются графики.

Тюля попросил меня помочь с развеской. Привезли работы на машине, подняли наверх, расставили вдоль стен.

Виталий, хотя выставка и небольшая, подошел к ней очень серьезно. Он загодя точно измерил стены в обоих залах, начертил, где окна, где двери, и даже в примерном масштабе сделал «квадратики» картин и тронул их акварелью, чтобы утрясти общую композицию работ в цвете.

Расставили мы работы по нужным местам. Ходит Виталий, смотрит на свои работы и резюмирует:

— Какой позор, что я привез! Стыдно смотреть! Хоть назад увози.

Я ему:

— Чего, Виталий, плакать. Привезли, так давай развешивать.

Приволокли лестницу, повесили работы довольно быстро. Пару работ он все-таки поменял местами. Посмотрел на развешанные холсты, повеселел и сказал:

С группой «парнасовцев» на последней выставке Виталия Тюленева

— Слушай, старик, а вроде ничего!»

Я подвёл итог:

— Может быть, это редкий случай в жизни, когда висит лучше, чем стоит!

Посмеялись!

20 января 2008

КОНСТАНТИН ИВАНОВ. АНАТОЛИЙ ЛОБОДА. ВАЛЕРИЙ АГАФОНОВ

Звонил я недавно моему приятелю, художнику Константину Иванову. Он здесь, в Питере, в своей мастерской. Говорит, в деревне не был уже около года, да и ехать нет смысла. Все старики и старухи ушли из жизни, дома обворовывают, грабят, провода оборвали, электричества нет, деревня пуста.

А в конце восьмидесятых и в девяностые годы мы часто ездили с Костей на недельку в его деревню Долгое, что всего в трех

километрах от станции Бологое-2. Собственно, ездил я по очереди то к Константину Иванову, то к нашему приятелю художнику Анатолию Лободе в деревню Остров под Красными Стругами.

Скучно в деревне одному, да и хлопотно. Напилить, наколоть дров, принести, растопить печку, приготовить еду, помыть посуду, подмести, сходить в лес за грибами... На живопись времени не остается. Вдвоем и быстрее, и веселее.

У меня не было своей дачи, вот они меня и звали наперебой.

Причем, каждый хвалил свою вотчину. Лобода утверждал:

— Ну, что там, у Костюшки, пойти некуда. В одну сторону пойдешь, упруешься в деревню Починки, а там и станция близко, завод, шпалы какой-то дрянью пропитывают. В другую сторону — упруешься в озеро, тоже от пути близко. Рыбы нет, грибов нет, всё исхожено, а у меня простор: там река Люта, за ней клюквенные болота, в другую сторону пойдешь — цепь озер, рыбалка, грибы, ягоды. Глушь, заблудишься — неделю лесом до жилья выходить будешь. Красота!

Константин возражал:

— Я бы никогда не купил там дом. Деревня какая-то неприветливая, люди угрюмые, до воды далеко, искупаться негде. А у меня огород в озеро упирается. Свои мостки. Вода питьевая, вся деревня берет воду из озера. Утром пойдешь с ведром за водой, заодно и искупаешься. В деревне все люди приветливые, хоть поговорить можно. Банька своя. Нет, у меня лучше!

У Толика Лободы баньки, действительно, не было, но он купил в лесничестве несколько осин на корню. Ждал зимы, чтобы срубить и вывезти, поил тракториста водкой.

Несколько раз звал к себе лесника, договаривался с ним, чтобы спилить осины потолще и повыше — больше бревен будет. Поил лесника водкой, угощал. Лесник пил водку, закусывал салом и огурцом, смотрел на меня мутным глазом и спрашивал:

— Ты кто?

— Художник, — отвечал я, — вот приехал, пишу этюды.

— И за сколько ты их продаешь?

— Не продаю, — говорю.

— А зачем планты сьмаешь, если не продаешь? Ты что кончил?

— Академию художеств.

— Ерунда! Вот у меня сын ПТУ заканчивает. Большим начальником будет. Я ему уже машинку подарил.

Лесник смотрел на нас как на недоразвитых, свысока. На мягких ногах он добрел до машины — ехать домой. Мы с Анатолием не решились отпустить его одного, сели в машину провожать. Лесник кое-как вырулил из деревни на большую дорогу и, проехав немного, въехал в кювет.

Мы с Анатолием перетащили лесника на заднее сидение, вытолкнули машину на дорогу. Анатолий, тоже выпивший, сел за руль и кое-как довез лесника до дома. Когда-то в молодости Анатолий был знаком с трактором.

Деревья, действительно, приволокли толстые и длинные. Мы строили баню, обдирали кору, Лобода лебедкой подтаскивал отпиленные по размерам бани бревна к фундаменту, ходил на болото с мешком за мхом, я рубил топором. Самые толстые бревна клали вниз. Они были толсты, чтобы подогнать их один к другому, приходилось вырубать лунку размером с приличное бревно. Три венца положили — полбани готово.

Сосед, милиционер на пенсии, пришел посмотреть, восхитился:

— Это не баня, а крепость какая-то!

У него-то у самого баня из жердочек и пол земляной. Вся деревня ходила смотреть на нашу баню.

Анатолий любил тогда подурочить соседей. Как-то лето было засушливое, картошка уродилась мелкая, копаем мы с Толей картошку, за забором соседка-бабка тоже копает. Анатолий бросит камень в пустое ведро, ведро гремит, а Толик кричит:

— Посмотри, Сашка, какая картошка! Просто с лошадиную голову!

«У, леший, у, колдун», — ворчит бабка за забором. И то сказать, Лобода одним из первых в деревне построил парник и стал выращивать помидоры. Раньше там сажали, в основном, картошку да капусту.

Вечерами после рюмки водки Лобода впадал в благостное состояние. Вспоминая свое детство в украинской хате, своих родителей и бабушку, речку, что протекала близ деревни, он заявлял мне:

— Ну, что ваш Пушкин? Салонный поэт, писал стишки дамам в альбомчики. То ли дело наш Тарас Шевченко! «Как умру, похороните...» Здорово ведь!

— Да, — подтверждал я, не желая спорить, — мысль могучая.

Иногда он подначивал меня:

— Ну, Сашка, мальчишка, что загрустил? Давай я тебе девку приведу.

На краю деревни жили две сестры — девяностолетние старухи, никогда не бывавшие замужем. Их в деревне так и звали — девки.

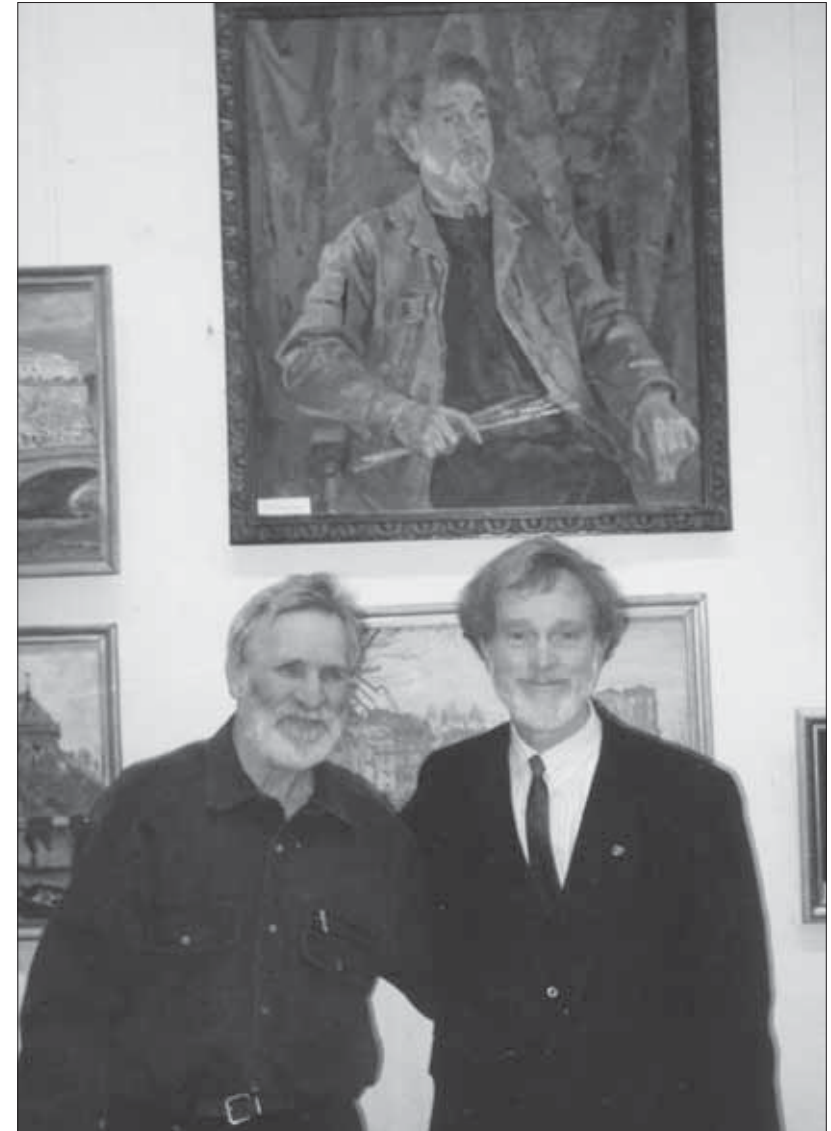
Константин тоже строил у себя в деревне, но он строил церковь. Сын священника высокого ранга, с детства привыкший к молитве и службе, он деревенский клуб перестроил в церковь. Прорубил потолок, сделал «шатер», расписал «небо», сделал резные царские врата, украсил церковь подаренными иконами и иконами собственного письма. Чрезвычайно талантливый живописец и иконописец, в строительстве своей церкви он проявил столько выдумки, вкуса, такта!

Любую резную планку от выброшенного шкафа он превращал в изящный резной орнамент над дверью, на столбах или стенах. И всё это было выдержано в каком-то одном удивительном стиле.

На крыше, как и положено — луковка. Рядом с церковью он соорудил колокольню. Колокола и старые, и новые (один колокол из нержавеющей стали отливали ему в подарок в «Рубине», там, где подводные лодки проектируют), а были вместо колоколов и две латунные гильзы от снарядов в диаметре сантиметров по 12.

Бологовский батюшка освятил церковь и дал благословение Константину на исполнение «общественной молитвы», то есть Константин не мог только исполнять обряды крещения, венчания и отпевания. В очередной приезд свой в деревню Константин назначал службу в день какого-либо религиозного праздника, объезжал на велосипеде окрестные деревни, иногда заезжал и на станцию, оставлял на щитах для объявлений свои приглашения. Когда велосипед украли, мы ходили по деревням пешком. В лучшие времена собиралось в церкви человек 15—20, а то и больше, когда приезжал батюшка из Бологого и крестил детей. Я помогал Константину, как мог, топил печку, следил за углями, подбрасывал угольки в кадило. Подпевал Костя «Спаси, Господи, люди Твоя», «Богородице, Дево, радуйся», «Отче наш». Часто Костя после службы приглашал всех отобедать, а уж если приезжал батюшка — обязательно. Иногда нас с Костей приглашала к себе на ужин старая деревенская учительница, поклонница Костиного таланта, Анна Константиновна.

Костя — великолепный рассказчик, умеет и любит пофантазировать, пофилософствовать.

С Константином Ивановым

Вот мы с тобой пишем картины на заказ для клубов, заводов, школ, детских садов. А какой срок жизни у наших холстов, ты знаешь? Пять, десять лет. И всё! Сколько лет директорствует человек на предприятии? Пять, десять лет. Или уходит на пенсию, или его переводят по службе выше. Приходит новый директор. Что он делает в первую очередь? Ремонт. Здесь подштукатурить, там подкрасить, это побелить, то сменить...

— Пал, Палыч, но там у нас картины висят.

— Ну, снесите пока в кладовку.

Кладовка и без этого переполнена, их запихивают между стульев и столов с отломанными ножками, между каких-то щитов с гвоздями... И забывают их там. Года через два назначают инвентаризацию. А это у нас что такое? Картины. Но они все в пыли, промяты, порваны, багет на рамах осыпался.

— Что будем делать?

— Списать!

Вот и все! А ты говоришь — творчество!

После Академии Константин долго работал на большой должности директора СХШ (средняя художественная школа при Академии Художеств СССР).

Ты знаешь, откуда берутся у нас такие искусствоведы, такие архитекторы? Вот закончил он СХШ. Приходят ко мне его папа-мама.

— Константин Кириллович, ну как же быть, ведь он способный, надо его пристроить как-нибудь!

— Да какой способный! По искусству одни двойки!

— Константин Кириллович, ну поговорите с кем-нибудь. С Орешниковым, Угаровым.

— Да, хоть с самим Мыльниковым! Бесплезно говорить, по рисунку и живописи одни двойки!

— Но, Константин Кириллович, вот у него пятерки же по общеобразовательным предметам. Русский язык, математика. Может, в архитекторы?

— Ну, давайте попробуем в архитекторы!

Вот откуда у нас такие безликие дома, эти вышки.

Эти люди к творчеству не способны! И вообще, у нас перепроизводство художников. Картины никто не покупает, мы никому не нужны, а художественных школ меньше не становится. Наоборот, открывают новые! Я еще когда в СХШ работал, это говорил.

Так я и ездил по очереди то к Косте Иванову, то к Толику Лободу. Интересно, что Лобода, детство свое проведший в украинской деревеньке, свой дом обклеил по-городскому — обоями, а Константин, всю жизнь проживший в городе — по-деревенски. Сломал перегородки, ободрал обои, трещины в темных тесаных бревнах заделал под цвет пластилином. Потолочную балку подпер брусом. Печка у него с аккуратной плитой, дров ест не много, а нагревает помещение без перегородок быстро. Из коридора напротив двери в дом есть дверь в пристроенную к дому мастерскую. Туда надо спускаться по причудливой лестнице (как из Берендеева царства), украшенной древесными грибами и всякой старой деревенской утварью. Хорошо было у Кости. Вечерами, в сумерки, мы часто совершали длительные прогулки. Как-то мы шли по полю, было начало мая, а навстречу нам летел пух. Я удивился, откуда в мае тополиный пух? Когда мы подошли к островку леса между двумя полями, то увидели двух дерущихся зайцев. Зайцы колотили друг друга лапами, пух от них летел, как из порванной перины. Они так были заняты дракой, что заметили нас, когда мы были уже в нескольких шагах от них. Зайцы остановились, что-то соображая, потом кинулись в разные стороны.

Константин рассказывал мне, как еще в юности, студентом, он познакомился со вдовой знаменитого белорусского художника Бялыницкого-Бируля Еленой Алексеевной. Они с несколькими приятелями, тоже студентами художественного училища, подолгу жили на даче художника.

Огромная двухэтажная дача, где приходилось топить более десятка печей, называлась «Чайка» и стояла на берегу того самого озера Удомля, где Левитан написал свою известную картину «Над вечным покоем».

Сейчас там построили Калининскую атомную станцию, воду для которой берут из озера, и озеро, конечно, загубили. Жутковатое сочетание понятий, не правда ли, — атомная станция и вечный покой?

Наступили тяжелые времена начала девяностых годов. Предприятия встали, разорились. Заказчиков никаких. В Союзе художников сама собой лопнула система гарантированного авансирования, рухнул комбинат живописно-оформительского искусства, где художники зарабатывали себе на жизнь. Когда после гайдаровских реформ в «Лавке художника» ввели налог на вывоз современной

живописи, приравняв ее к антиквариату, покупки прекратились совершенно. Раньше иностранцы хоть как-то покупали наши работы. Художникам грозил голод. Казалось, впереди не будет ничего хорошего, всё в прошлом.

Мы бродили с Константином по каким-то нереальным покинутым полям, по какому-то несегодняшнему лесу, где на осинах еще висели ветхие скворечники-долбленки, кем-то когда-то с любовью сделанные. Казалось, скворцы никогда уже больше не прилетят в эту нашу распадающуюся жизнь. Здесь и там попадались нам гниющие поленицы дров, кем-то заготовленные и забытые. Эти едва заметные приметы вымирания холодили сердце.

В деревнях говорили:

— Ну, мы-то выживем на наших огородах, а в городах помрут.

Однако и в деревне старушек одну за другой Господь стал прибирать к себе.

Павел, сосед Кости слева, по пьянке сгорел вместе с домом. У соседа справа, тоже Константина, сын по пьянке попал под поезд, жена умерла от пьянки же.

Сосед справа заскучал. Пришел сосед справа к Константину Кирилловичу и просит:

— Костя, нарисуй мне голую бабу.

— Не голую, а обнаженную, — учит его Костя.

— Ну, да один хрен!

Пожалел Костя соседа справа, сделал подрамник, натянул холст, проклеил, загрунтовал, стал писать обнаженную. По памяти, конечно. В училище и Академии во время учебы он много обнаженных написал. Константин человек талантливый, халтуру делать не привык, Даная получилась хоть куда. Жалко и отдавать.

Понес Костя картину заказчику. Заказчик посмотрел, одобрил:

— Ничего, — говорит. — Куда бы мне ее присобачить?

Пошел в кладовку, пошарил там, вернулся с топором и гвоздями и прямо сквозь холст и подрамник огромными гвоздями «присобачил» произведение к стене. На века.

У Константина был шок. Он ушел, отказавшись от вознаграждения — стакана водки.

Летом за мизерную плату подрядился я построить дом в Белоострове. Собственно, не дом, а пристройку, но фокус был

в том, что надо было строить ее из шпал.

Догадитесь с трех раз, где работал заказчик? Правильно, на железной дороге. Шпалы были пропитаны креозотом и облеплены смолой, песком и галькой. И, прежде чем рубить дом, надо было их очищать от всего этого. А какое было лето! Как сверкали листья деревьев в контражуре, как блестела река Сестра!

А я должен был возиться с этими черными шпалами. Но я работал с раннего утра до ночи и построил дом за полтора месяца. От фундамента до крыши — полы, потолки, двери, окна, веранда, крыльцо, и еще обшил дом вагонкой снаружи и внутри. Жена с дочкой этим летом в последний раз были в пионерском лагере у Валентина Вихорева. Тамара подрабатывала там — вела кружок рисования.

Заработанные деньги я привез ей. В конце пионерского сезона в лагере оставались неизрасходованные продукты, их продавали сотрудникам. Тамара купила масла, круп, сахара, сухофруктов на зиму.

Анатолий Лобода позвал меня осенью к себе в деревню. Там мы нанялись в неразвалившийся еще колхоз копать картошку. Условия такие: семь мешков собираешь для колхоза, восьмой — себе. Я заработал два мешка картошки. Мы с Анатолием ходили за грибами, засушили грибов на печи, и даже засолили по ведру белых грибов. Я немного успокоился, как-то на зиму продуктами семья была обеспечена.

Пионерлагерь «Салют». Начало 1980-х

Тома познакомилась с художниками-ларечниками, стала брать у них на роспись матрешек и балалайки, Катюша подросла, училась в колледже, потом в Институте культуры, стала в театральных студиях брать заказы. Мы клеили из поролона и расписывали гномов, котов, тигров, лошадей в натуральную величину. Клей «Момент». Отрава страшная, когда долго клеишь.

Чтобы не варить ворон и кошек,
Чтобы сохранить детей и мать,
Стали мы расписывать матрешек,
Балалайки лаком покрывать.

Лобода раскопал большую плантацию, посадил картошку, капусту, сделал парник, весной мы с ним обтягивали его пленкой. Деньги он зарабатывал кладкой печей и каминов. Тяжелая работа, особенно зимой, когда глина мерзлая.

Как выживал Костя? У него были обширные знакомства, а в тяжелые времена люди чаще обращаются к Богу. По-моему, у него были частные заказы на иконы. Но в это время он совершенно добровольно и бесплатно написал огромное количество икон для Троицкого собора, там же сделал царские врата из оргалита с имитацией резьбы по дереву, иконы для Казанского собора, Ораниенбаумского храма. Я называю только те храмы, где я присутствовал на освящении икон. В это же время мы все писали холсты и выставлялись в Союзе художников. Анатолий Лобода больше не имел возможности летать на свой любимый Дальний Восток, к Тихому океану, и пользовался своими талантливо, цветно и сурово написанными старыми этюдами.

Костя Иванов стал экономить на всем. Анна Константиновна научила его сушить «хвостики» — корешки от овощей — зимой в суп. Как-то Константин позвонил мне:

— Поедем, — зовет, — я купил селедки, тушки мы пожарим к картошке, а головы я перемолол и сделал из них котлеты.

Ел я эти котлеты, на вкус они похожи на толченное стекло.

В деревне стали «пошаливать». Летом еще ничего, народу много, а зимой ломали замки, выдавливали стекла, залезали в дома, выносили все, что покажется ценным. Константин загодя

вывез в Ленинград семейный обеденный сервиз, проигрыватель, пластинки с классикой. Но всего-то не вывезешь, пришлось делать «схрон». В его мастерской под самым потолком расписал я стену, имитируя бревна, одну из фанер мы отодвигали и в образовавшееся пространство под крышей убирали посуду, кастрюли, тазы, электроплитку. Всё равно двери зимой взломали и кое-что унесли, в том числе из погреба ведро с грибами, которые мы засолили. Да, скучнее стало в деревне у Кости. А как здорово было там еще несколько лет тому назад!

Тогда у Константина часто гостили его друзья-художники, бывал у него и Виталий Тюленев. Это он, позавтракав, говорил Косте:

— Ну пока, старик, я надолго, меня не жди! — и пропал до вечера.

А я на этюды особенно далеко не ходил, возвращался к обеду, к трем часам дня. У Константина уже был готов обед, мы читали молитву, Костя расставлял красивую посуду, иногда ставил на проигрыватель пластинки с Бахом, Бетховеном, Чайковским, Шаляпиным. Или Знаменские напевы. Мы выпивали по стопочке...

Однажды в чудесный летний день, когда в настезь открытых окнах ветерок играл с занавесками, Константин pokrutil ручку транслятора, и зазвучал старинный русский романс. Дивный голос пел так, как, казалось мне, спел бы я сам этот романс, будь у меня такой голос. Никакой вкусовщины, никакого налета консерваторской заученности. Импровизация. Это был Валерий Агафонов.

Валерий Агафонов

— А знаешь, Костя, ведь я знал Агафонова. Мы с Леоном Кособоковым пели ему бардовские песни, и он пел нам романсы, что-то хулиганское, и даже просил меня списать ему слова моей антиалкогольной — «Спать на ступенях было жестко и уныло», и даже был у меня дома в мой день рождения.

И тут Константин рассказал мне удивительную историю. У его знакомого художника Юрия Межирова жена пианистка. Они любили время от времени устраивать у себя на квартире музыкальные вечера и приглашать на них знаменитостей. Много перебивало у них актеров, музыкантов, певцов. Теноры, баритоны, сопрано... Константин тоже был вхож в их дом. И вот в один из вечеров, когда певцы уже спели свое и занялись пересудами и анекдотами, гитару взял какой-то незнакомый губастый человек и запел. Все певцы и певицы были заняты собой, и никто его особенно не слушал, и получилось так, что единственным слушателем, для которого он и пел, был Константин.

— Меня поразил его голос, его исполнение. Мы познакомились, я пригласил его к себе в мастерскую.

Надо сказать, что за несколько лет до этого шел Константин по городу Бологое и увидел, что из Дома культуры, который хотели ликвидировать, рабочие выносят груды одежды и прочего театрального реквизита и бросают всё это в кучу. Вероятно, в ДК была театральная студия, и вещи были «списаны», а значит, по советским законам должны быть сожжены. Там были уникальные вещи. Костя подошел к рабочему и спросил:

— Я — художник, мне нужен реквизит, можно, я что-нибудь возьму?

— Бери, — ответили ему, — пока начальство не видит.

— Я выбрал, — рассказывал Костя, — казачью фуражку, еще что-то и потрясающий черный касторовый фрак.

Агафонов явился к нему в мастерскую в брюках и свитере.

— А в чем ты выступаешь со сцены? — спросил Костя Валеру Агафонова.

— Да вот в этом самом и выступаю.

— Как можно в этом петь старинные русские романсы? Подождика, у меня для тебя кое-что есть.

И Костя принес ему этот самый черный фрак. Агафонов стал было возражать, но Константин сказал:

— Никаких разговоров, теперь он твой.

— И знаешь, — вспоминал Костя, — в этом моем фраке потом пел он на каждом концерте, и в этом фраке его похоронили.

2008

* * *

20 января 2000 года. Звонит Костя Иванов, приглашает двадцать третьего числа слушать его рассказы в Михайловском замке.

— Приду, — соглашаюсь. — А кроме нас двоих там еще кто-нибудь будет?

Смеется.

— Да я уже позвонил по сорока одному адресу.

В старой Академии художеств за рисунки выставляли ученикам оценки. Лучший рисунок — первый номер, худший — сороковой и так далее. Я у Кости в табели о рангах сорок второй. Художнику до конца жизни выставляют оценки. Да, вероятно, и после. Впрочем, у Кости свой счет. Шутка.

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Может быть, Костя прав, не стоит заводиться с книгой.

— Ну что, — говорит Костя, — я сделал свою книгу. В мастерской лежит тысяча экземпляров. Продавать их в два раза меньше себестоимости глупо, а иначе их никто не купит. Так и лежат, хоть на помойку выноси!

Да, пришлось бы взять на себя слишком большие обязательства. Надо будет написать в оплату массу холстов для картографической фабрики, втягиваться в череду встреч, разговоров, выпивок, для меня и моего ремесла совершенно не нужных, а в это время выставляться в Союзе художников, как-то зарабатывать семье на жизнь, влезать в долги, не зная, на что купить краски, кисти и холсты. Таскать

с помойки старое дерево, пилить вручную его вдоль и поперек, делать из дерьма подрамники и рамы и при этом держать улыбку на лице и водку на столе, будто у тебя всё в порядке. А дома жена болеет, дочка учится в колледже, внучка отнимает половину дня, что приятно, конечно, но время... Да эти пустые выгулки собаки (спихнули на меня) — посчитал, триста часов в год — это сколько никому не нужных холстов можно было бы написать!

Да еще эти поездки на север с огромным грузом, который таскать-то уж не под силу. Пустячок — болотные сапоги. Я должен их купить, носить с собой в рюкзаке весь месяц, чтобы использовать их пять минут — зайти в воду и вытолкнуть лодку на берег. И вся дорога, продукты, переезды — на свои деньги, да еще я задаром должен написать несколько портретов мне совершенно не нужных, может, неприятных даже...

И держать лицо, и делать вид, что всё это мне под силу, и жизнь хороша, и денег у меня достаточно, и при случае я могу скинуться на вино и выпить это с противным удовольствием, похваливая при этом своих коллег.

Лазить по кручам и скалам, забираться на сопки, кормить уйму комаров и мошек, быть укушену клещом, написать несколько бездарных этюдов, просушивать их под дождем, беречь их, окантовывать и укладывать в никуда, чтобы они не смазались и не слиплись.

Явиться с этим грузом домой, если, конечно, не утонешь на обратном пути, и потом превратить эти этюды в большие холсты, чтобы сделать выставку в Союзе, которую, кроме тебя, никто смотреть не будет. Вот это жизнь! Куда я влип?

А ведь я хотел написать пару больших композиционных холстов.

И всё же книжка нужна. Я хотел открыть ее — новую, красивую, пахнущую свежей типографской краской, посмотреть на себя как бы со стороны, со вздохом захлопнуть ее, подумать хорошенько и начать совсем новую живопись.

Иногда нужно подводить итоги. Но за это время много воды утечет, а жизнь и обстоятельства могут повернуть куда и не предполагаешь. Да так и жизнь пройдет.

18 июня 2002

ГЕННАДИЙ ПРАВДИН

Читаю о Левитане или Коровине, как они ездили на этюды: крестьянская подвода, а то и две, на передней художники и возница, на задней палатка, скарб, принадлежности для живописи, вино, закуски... В наши дни зачастую приходится всё носить в рюкзаках и руках. А если это Север, Белое море...

В 2001 году по инициативе Николая Ивановича Сюльгина, члена Союза журналистов и фотографа, группа художников из Санкт-Петербурга отправилась на этюды на Белое море. Набрать группу поручили художнику Геннадию Правдину, он меня и пригласил. С тех пор, хотя состав группы постоянно меняется, мы с Геннадием регулярно один-два раза в год бываем в этих краях. Связывает нас многое: и любовь к природе, и тяга к перемещениям, и этюды на пленэре, и шахматы, и песни.

Геннадий — человек непростой, колкий, ершистый, иногда мягкий с коллегами, иногда довольно едкий. Ну да кому нравится пресная жизнь? В поездках приходится жить в палатках и в домах с не отапливаемыми комнатами, часами сидеть за этюдом в мороз на холодном ветру, поэтому мы вынуждены брать с собой палатку, спальный мешок, пенку, зимнюю и летнюю одежду и обувь, резиновые сапоги. Да еще этюдник с красками, холсты, картоны, складной стульчик — много чего, далеко на себе не унесешь. До места добираться на поездах, автобусах, катерах, лодках. К приключениям мы вовсе не стремимся, но они как-то сами преследуют нас. Побывали мы во многих селах Беломорья, на его островах, в том числе довольно крупных, таких как Кондостров и Каткана, а также на больших озерах Топозере и Пяозере и на их островах.

Поселились мы однажды в прибрежном селе Сумпосаде. Было начало июня, только что прошли дожди, вода по реке шла большая, а село — у самых порогов. Черно-синяя вода срывалась вниз, взбиралась по камням и обрушивалась с них бело-оранжевой пеной. К цветку воды примешивался цвет неба и цветущих берегов. Красота необыкновенная. Успел я написать четыре этюда, и тут Геннадию захотелось съездить в покинутый поселок Юкково, где он когда-то был и где, как он уверял меня, потрясающе красиво. Неохота было мне расставаться с порогом, да вдруг в Юкково действительно красивее? Договорились с рыбаками съездить туда на три-четыре дня. Закупили

продукты, бутылку коньяка на случай холодов и четыре бутылки водки для рыбаков к обеду на каждый день. Рыбаки сели в большую лодку с дизельным мотором, сзади привязали лодку из пенопласта (они хотели распилить стену дома и привезти в этой лодке дрова), а за ней на еще более длинном канате шла третья лодка, в которой разместились мы с Геннадием со всем нашим грузом. Когда отплыли из Сумпосада, погода была солнечная и тихая, но через полчаса нагнало облаков, подул ветерок, появилась волна. Рыбаки пристали к одному из островов и попросили водки. Выпили. Поплыли дальше. Погода портилась всё больше. Рыбаки еще два раза приставали к островам и каждый раз требовали водки. Так вот мы от острова к острову, от бутылки к бутылке продвигались к Юкково.

Волна разыгралась нешуточная, пустая лодка перед нами стала рыскать из стороны в сторону, потом зарылась носом в волну и затонула. Рыбаки на баркасе вовремя отрезали канат. Чертыхаясь и матеря волны, дождь, лодку и нас, они пристали к острову и допили последнюю бутылку водки и до Юкково шли уже прямым ходом. Лодку ввели в маленький залив, где было потише. Три дня штормило, и дождь лил не переставая. Продуктов рыбаки взяли немного в надежде на сети и рыбу, но в шторм сети ставить невозможно, поэтому продукты были съедены быстро. Рыбаки решили плыть назад, стали заводить мотор, но дизель не заводился, обнаружилась крупная поломка.

Рыбаки жили в единственной сохранившейся теплой избе, а мы с Правдиным — в покинутой, промокшей избе с выбитыми стеклами. Вечером в воскресенье рыбаки пришли к нам.

— Ребята, здесь больше делать нечего, по морю путь отрезан, мы решили идти до дороги по болоту. Мы, конечно, за вами пришли бы на лодке, но сколько продлится шторм, мы не знаем. Может быть, с неделю. Если пойдете с нами, выходить надо сейчас, завтра утром будет автобус, а следующий пойдет в Сумпосад только через четыре дня. Так что нужно торопиться.

Куда же оставаться на неделю, если еда закончилась? Мы быстро собрали свои вещи и пошли.

— А сколько идти по болоту?

— По прямой двенадцать километров.

Так в десять часов вечера мы отправились в путь через болото. У рыбаков были высокие болотные сапоги, за спинами пустые емкости

С Геннадием Правдиным на острове Каткана. 2003

для рыбы. У Правдина — рабочие ботинки, у меня — короткие резиновые сапоги, а за плечами у каждого из нас по огромному рюкзаку и в руках связки холстов и картонов.

Рыбаки налегке быстро ушли от нас, и мы двинулись по их следам по раскисшему от дождей болоту со своим тяжелым грузом. По прямой, по следам рыбаков, идти не получалось, мы проваливались, приходилось обходить трясины и глубокие места, заполненные водой. Сперва мы шли довольно бодро, но постепенно переходы становились всё короче, привалы всё длиннее. Мы постоянно проваливались и, бросив холсты на кочку и вцепившись в нее руками, вытаскивали себя с рюкзаком из болота. Это особенно выматывало силы. Шли в воде по колено, но вязли глубже. Ноги ломило от ледяной воды. При отдыхе сбрасывали рюкзаки на мокрые кочки, вещи в рюкзаке отсыревали, рюкзаки тяжелели с каждым часом. К тому же, на месте стоянки в пустых домах мы нашли кое-какую красивую утварь для живописи, и бросить ее было жалко.

У кого-то из бардов в песне о болотных геологах написано: «Рубахи промокли от пота». Никакого пота давно нет, горло пересохло, во рту пожар. Часа в четыре ночи мы набрели на место, где

на шатающихся кочках среди глубокой черной воды стояли давно засохшие хилые березки. Превозмогая усталость, наломали веток, на кочке развели костерок, зачерпнули в котелок коричневой жижи и сварили «чай». Пока горел костер, я снимал сапоги то с одной, то с другой ноги и, стоя на одной ноге в воде, другую грел у костра.

Попили горячего — полегчало. Пошли дальше. Когда по нашим расчетам до дороги оставалось километра три, силы, казалось, покинули нас окончательно. Мы уже стали думать, да бог с ним, с этим автобусом, отдохнем, как-нибудь доберемся до суши, найдем воду... У Геннадия сил осталось побольше, он всё же моложе меня на двадцать шесть лет, ему удалось найти четыре прошлогодних клюквинки и принести их мне. Каждая ягодка, попавшая в рот, взрывалась там новой жизнью и, как будто вливалась прямо в кровь мою.

Мы встали и пошли. И дошли. По расписанию автобус должен был уйти полчаса назад, но и он, к счастью, опоздал. Молодой парень согнулся под тяжестью моего рюкзака, пытаюсь помочь мне внести его в автобус.

Итак, двенадцать километров по болоту мы шли двенадцать часов с неподъемным грузом за спиной, в ледяной воде, притом никто из нас не простыл, не заболел.

Принесли мы из Юкково всего несколько этюдов — дождь не давал писать сколько хотим. Но какую же ценой они дались нам!..

Были и другие удивительные приключения. Как-то на том же Белом море пошли мы из поселка Гридино на дальний мыс. При отливе он отделен от суши низинкой, пройти можно. Был вечер, заходящее солнце золотило скалы. Мы заработались, и когда закончили свои этюды, оказалось, что прилив отрезал нас от суши. Ночи в августе на севере холодные, и мы уже собрались куковать всю ночь у костра в ожидании отлива, как увидели, что по заливу в море в полукилометре от нас идет катамаран под парусами. Мы с Правдиным забрались на скалу повыше и, обнявшись, запели «Раскинулось море широко...». Смотрим, катамаран разворачивается и идет к нам. В катамаране оказался приятель Геннадия, который каждый год проводит отпуск на Белом море.

— Ребята, а ведь вам отсюда до утра не выбраться!

— Знаем, — говорим.

Он сошел к нам на камни с небольшим угощением. Мы выпили, закусили и поднялись на катамаран. Добрались до села уже в полной темноте, едва не перепутав между островами проливы, которых было несколько.

Как хорошо, что в сложных жизненных ситуациях рядом со мной оказывался надежный друг Гена, и видно, не такие мы с ним великие грешники, если в критические минуты Бог посылал нам то четыре клюквинки, то катамаран!

2009

ГЕНЫ ЧЕРНОГО КВАДРАТА

Взяться за эту статью заставляют меня вопросы, которые я выслушиваю на протяжении многих лет:

— Что такое абстракционизм?

И особенно:

— Что такое черный квадрат?

Не хотелось бы принимать на себя роль критика. Вспомним как «великий критик» Стасов распинал действительно великих художников Врубеля и Малявина. И всё же личную симпатию или антипатию скрыть будет, вероятно, сложно.

Так что же в них общего, в этих совершенно разных художниках — Василии Кандинском и Казимире Малевиче?

Оба, начав с отображения реального мира, постепенно, но последовательно отказывались от материального и шли к беспредметному.

Проследим: были ли аналогии в истории? Изобразительное искусство всегда считалось отражением религиозных взглядов, начиная с пещерных и наскальных рисунков первобытного человека, в нем присутствует Мифическое и Магическое. Как пишет Формозов: «Наскальные рисунки — это не произведения искусства, а всего лишь материальный след колдовского акта».

Где можно встретить отрицание материи? На Востоке от Испании до Индии в первые века христианства и до средних веков помимо мировых религий — христианства, ислама, буддизма, иудаизма появлялась масса антисистем, менявших в религии знак плюс на минус, менявших местами Бога и дьявола, разрушавших религию изнутри.

Гностики в Византии, манихеи в Иране, маркеониты, павликиане, выступившие на борьбу с византийским православием в союзе с мусульманами, богомилы в Болгарии, катары в Западной Европе. Несмотря на значительную разницу в концепциях всех этих сект, их объединяет одно — неприятие материального мира. Манихеи проповедовали оргии и разврат для умерщвления плоти, браки запрещались. Павликиане объявили негласную войну церкви, власти, человеку. Они убивали людей только за то, что человек материален, они похищали юношей и девушек и продавали их в рабство арабам.

Оказывается, забота о душе при отрицании материального может привести к страшным последствиям.

А. Н. Иезуитов в своей книге «Философия взаимодействия» говорит:

«Взаимодействие двух начал в принципе исключает всякую «односторонность». Взаимодействие материального и духовного начал составляют существо реальности во всех своих проявлениях и на всех уровнях, то есть поистине “всего”».

В поэзии арабов, ставших не по своей воле странниками пустыни, Лев Гумилев насчитал больше двадцати размеров стиха, по количеству аллюров верблюда. При таком количестве размеров стихи по большей части превращаются в некую арабеску, где из слов, как бы цепляющихся друг за друга, вьется некое кружево, некий орнамент.

А восточные сказки? Это бесконечный орнамент в обращении — о великий султан, свет очей моих... — и т. д. на полстраницы.

У древних евреев и арабов было запрещено изображение человека, поэтому они так преуспели в орнаменте.

Вспомним персидские ковры — орнамент, орнамент в книжной графике, стены храмов, минаретов сплошь покрыты орнаментом, вспомните храмы Грузии и хачкары Армении (надгробные, межевые камни) — это чудо орнаментализма.

Абстракция — это бессистемный орнамент, и он мог прийти в голову только восточному человеку. А Кандинский интересовался Востоком. Индуистские религии, теории Блаватской, теософское общество. Прабабка Кандинского была монгольской княжной, а если учесть, что на протяжении нескольких столетий монголы владели полумиром от Китая до Испании, то можно представить, сколько кровей здесь намешано.

Вот тут-то генетика и дает о себе знать. У Кандинского есть вещи с названиями: «Арабы 1», «Арабы 2», «Арабы 3», «Восток 1», «Восток 2», «Восточное»...

Любопытно высказывание Штейнера, в 1912 году порвавшего с теософским обществом: «Пассивное отрицание материальной субстанции Востоком не подходит к активному по сути, преобразующему материю Западу».

Итак, Кандинский постепенно избавляется от материального, оставляя чисто духовное. У него есть парные работы, такие как «Все святые». На одной пятна по-детски обрисованы силуэтами людей, на другой несколько изменена композиция, силуэты отсутствуют, оставлены только пятна. Признаюсь, второй вариант выглядит более художественно. Это он называет «растворением предмета» или «чистой абстракцией».

В 1911 году он пишет: «Наконец, сама наука в виде самых ее положительных областей — физики и химии — доходит до порога, на котором написан Большой Вопрос — «Есть ли материя?»

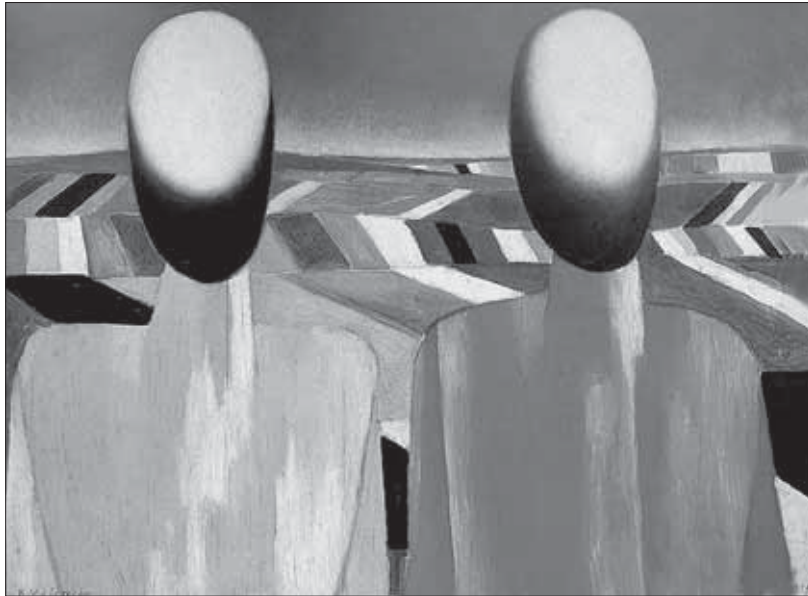
Но Кандинский не считает свою систему единственно возможной, он писал, что возможен другой путь — сгущение материи и называл это «чистая реалистика».

Как художник скажу, что в его картинах цвет гармоничен, они музыкальны, хорошо компонованы и имеют хорошую культуру поверхности холста.

Постепенно от материального освобождается и Малевич, но он пошел в своих экспериментах дальше. В его человеческих головах — яйцах, разделенных надвое вертикально и покрашенных в два цвета, без носов, ртов и ушей, он отказывает человеку во всем духовном. Но его апофеоз — «черный квадрат», это отказ как от духовного, так и от материального. Вот такой Гностик.

Перефразируя слова известного критика-искусствоведа Федорова-Давыдова — «живопись в черном квадрате Малевича пыталась покончить самоубийством».

А вот что по этому поводу сказал один из самых замечательных, на мой взгляд, критиков-искусствоведов Осип Манделштам: «Совсем другое дело сознательное разрушение формы. Безболезненный супрематизм. Отрицание лица явлений».

К. С. Малевич. Крестьяне. 1913 г.

Самоубийство по расчету, любопытства ради. Можно разобрать, можно и сложить: как будто испытывается форма, а на самом деле гниет и разлагается дух».

Малевич создает художественную систему — супрематизм. Написал программу-манифест, где прямо не провозглашает себя новым мессией в искусстве, но из текста это видно отчетливо. Вот отрывки из текста:

«...Книги у нас еще нет. Но она нужна, необходима. Новое Евангелие... Подобно Христу, заключившему себя в эту книгу тысячелетий, без этой книги заперты были бы ворота к небу. Но мы отпираем другое, мы раскроем на земле то, что не раскроется в небе. Христос раскрыл на земле небо, создав конец пространству... Мы же пойдём мимо тысячи космосов...»

Нормальному человеку читать это трудно, это похоже на «зажигательные» речи безграмотных передовиков-пролетариев «Котлована» Андрея Платонова. Да он и был солдатским

комиссаром по искусству. Черным квадратом Казимир Малевич как бы окончательно, до нуля, разрушает старый мир искусства и говорит, что квадрат станет первочастицей нового искусства. Но ведь буквы А, Б и т. д. тоже являются первочастицами письменности, а следовательно, и прозы, и поэзии. Кому придет в голову нарисовать букву А и объявить ее произведением искусства, чтобы Пиотровские и Гусевы покупали ее за миллионы долларов?

Были у него еще два основных кита — черный крест и черный круг. Но круги, квадраты и кресты присутствуют во многих геометрических орнаментах, как восточных, так и западных. Что же здесь изобретено Малевичем?

Поскольку сам Малевич ставил знак равенства: квадрат = 0, следует считать «Черный квадрат» не произведением искусства, а в лучшем случае философской категорией. А вернее, просто знак.

С таким же успехом можно было бы поместить в музей дорожный знак «кирпич».

Дайте любому толковому искусствоведу фото небольшого фрагмента любой картины, пусть это будет несколько виноградин из натюрморта, фрагмент одежды, руки, лица, пейзажа, и он скажет вам, какой это век, направление живописи, а часто и имя художника, а уж уровень мастера — обязательно. Дайте искусствоведу два фрагмента — черной стены, крашеной масляной краской и фрагмент квадрата Малевича, и он будет в растерянности. Нет уровня — нет и художника, нет произведения искусства.

В 1920-е годы авангардисты оказали мощное давление на реалистическое искусство. И всё же расположить к себе основную массу учащейся молодежи не смогли. В 1923 году Н. Ромадин поступил на живописный факультет Вхутемаса. Вот что он писал: «Неправильно называть Вхутемас формалистической школой, это была школа свободная. Любой ученик мог выбирать себе учителя по своему желанию. Но характерно — в мастерской Щербиновского занимались 105 человек, в мастерской Штеренберга — 6—10 человек».

Первый, графический «квадрат» был выполнен в 1913 году, второй — в масле — в 1915 году. Это было время необычайно мощного взлета всего русского искусства. В поэзии — серебряный век, в живописи — еще работают великие передвижники Суриков и Репин.

Только что, в 1910 году, ушли из жизни Врубель и Куинджи, работают талантливейшие ученики Куинджи — Рылов, Рерих, Богаевский, Борисов, Пурвит, Рушиц, Вроблевский.

Работают «мирискусники» Бенуа, Бакст, Сомов, Добужинский, работают Коровин, Нестеров, неоклассицисты — Яковлев, Шухаев, Петров-Водкин, «бубнововалетчики» Куприн, Машков, Кончаловский открывают натюрморт для русского искусства, работают в романтическом ключе представители «Голубой розы» Кузнецов, Сапунов, Судейкин. Русское искусство начинает, как сейчас бы сказали, завоевывать мировой рынок.

В 1900 году на Всемирной выставке в Париже нашему великому колористу Филиппу Малявину за дипломную работу «Смех» хотели дать гран-при, но дали золотую медаль. Через год после смерти Врубеля в Париже — его посмертная выставка, один художник подолгу простаивает перед его работами — это Пикассо. В это же время Пабло Пикассо проводит первые опыты с кубизмом. Уверен, что наш Михаил Александрович Врубель с его демонами — предтеча кубизма, потому он так и поразил Пабло Пикассо. Русский балет во главе с Дягилевым завоевывает Париж.

«Черный квадрат» был вброшен в отлаженный часовой механизм русского искусства как квадратная шестеренка вместо круглой. «Идеологическое воздействие иного этноса на неподготовленных неофитов действует подобно вирусным инфекциям, наркотикам, массовому алкоголизму. То, что на родине рассматривается как обратимое и не существенное отклонение от нормы, губит целые этносы, неподготовленные к сопротивлению к чужим завлекательным и опьяняющим идеям». Так писал Л. Н. Гумилев.

И действительно, сколько способных художников сложили свои таланты на этом тупиковом пути. А то, что это тупиковый путь, говорят высказывания многих и многих больших русских художников за последние полтора столетия. Начиная с Венецианова. Саврасов, Куинджи, Левитан, Серов, Рылов, Нестеров, Ромадин и многие другие так или иначе говорили, что надо учиться у природы, только она может дать импульс к новым открытиям, только ее великая красота спасет от идеи мироотрицания.

А. М. Комашка указывал, что основой репинского учения в Академии художеств была одна истина, которую И. Е. не уставал

повторять: «Лучший учитель и наставник художника в постижении прекрасного — это сама природа».

Художник волен работать так, как он считает нужным, как подсказывает его генетика и эстетические привязанности. И весь мой пафос направлен не против художника, а против политиканов-искусствоведов, даже через сто лет «раскручивающих» черный квадрат, прекрасно понимая, что ложные ценности разрушительны для любого искусства.

И еще один аспект. Искусство, обращенное к человеку, рассчитано на восприятие как сердцем (душой), так и головой (интеллектом).

Так вот, в славянском искусстве доминантой является душа, а в восточном — интеллект. Что лучше, что хуже? Что нужно? И то, и другое.

Хорошо сказала по этому поводу И. С. Болотина: «Не следует впадать в грех «прогрессизма» — новое лучше старого, новое отрицает старое, старое существует ради нового, эволюция — лестница вверх, абстрактное выше изобразительного. Но нельзя не признавать развитие там, где оно есть».

И еще немного об учителях и учениках.

У Малевича были преданные ученики: Лазарь Лисицкий, Вера Ермолаева, Нина Коган, Давид Якерсон, Юдин, Рождественский, Лепорская... Они сделали несколько копий черного квадрата. Малевич отобрал их и приватизировал, поставив свою подпись.

У великого русского пейзажиста А. И. Куинджи были ученики (учившиеся в мастерской или считавшие себя таковыми): Пурвит, Рушиц, Богаевский, Рерих, Крымков...

Ученики И. Е. Репина: Кустодиев, Серов, Малявин...

Какие имена! А кто знает имена учеников Малевича?

Из мертвого семени не прорастет живой росток.

Закончить я хотел бы так.

В 1889 году в Париже открылась Всемирная выставка в честь 100-летия Французской революции. Великий французский художник-импрессионист Огюст Ренуар пошел туда со своим приятелем, который повел его в отдел японской гравюры.

Ренуар пишет: «Здесь было много красивых вещей, не спору. Но, выходя из зала, я увидел кресло времен Людовика XIV, покрытое маленьким и что ни на есть простым гобеленом —

я был готов расцеловать это кресло. Японские эстампы, конечно, необыкновенно интересны именно как японские эстампы, при условии, что они остаются в Японии. Народ, если только он не хочет надеть глупостей, не должен присваивать себе то, что чуждо его национальному духу... Будучи французом, я хочу быть сыном своей страны».

И я с этим полностью согласен.

2003

* * *

Тома принесла домой гипсы для рисования — шар, куб, конус, труба, усеченная пирамида. Собственно, это и все геометрические фигуры, которыми оперирует человечество много веков. Ну, колесо, ну еще что-нибудь. Мы с Виктором Лукьяновым писали натюрморт с раками. Я спрашиваю у него:

— Ты одну геометрическую фигуру от другой отличить можешь?

— Конечно, могу.

— А почему же тогда у тебя раки получаются длинные, как жуки?

Представь, что раки — это определенные геометрические фигуры.

— Посмотри-ка, — говорит, — а ведь правильно.

В академии Панаркин «круглил» человеческие фигуры. Туловища, головы, руки, ноги — как шары и трубы. Неприятно. Его учили:

— Ищи в рисунке плоскость, работай над переломами, не кругли.

Ребенок играл, играл мячом, надоело, стал играть в кубики.

Примитивно рассуждая, Пикассо надоело все круглое — хочу квадратного — придумал целое направление в искусстве — «кубизм», стал гениальным художником.

1990-е

НА КОНДОСТРОВЕ

Часа два писал этюд, смотрел в ту сторону. Закончил, посмотрел в другую сторону. Боже, какая красота!

Может, я не туда живу?

2003

* * *

Вот ворона. Обычная серая ворона. Не орел, не фламинго, не страус. Не. У нее своя грация, она полна чувства собственного достоинства.

Умна. Очень. Другие птицы заняты делами — пища, гнездо, потомство. Ворона тоже, но ей этого мало. Любит поиграть, иногда до драки. Способна посмеяться над кем-нибудь, подурачить. Не суетлива, расчетлива. Она способна приземлиться в двух шагах от собаки и взлететь, когда собака, прыгнув, уже празднует победу.

У вороны хорошая память. Я видел, как ворона буквально издевалась над собакой, летая в полуметре от ее спины и норовя клюнуть собаку в затылок. Мстила за что-то.

Способна на коллективные действия. Мы с женой сплавлялись на плоту по реке Мане, притоку Енисея. Я удил с берега рыбу, в основном, пескарей, и за неимением ведра или пакета бросал рыбу

На этюдах в селе Кереть. 2001

на берег подальше от воды. Через часок пошел посмотреть, сколько наловил. Смотрю, что за черт, клевало хорошо, а рыбы совсем мало. Пошел опять к воде, ловлю, а сам незаметно поглядываю, кто это там ворует нашу рыбу. Вороны приземляются от рыбы вдалеке, метрах в десяти, идут к рыбе пешком, хватают ее в клюв и пешком идут обратно, взлетают с рыбой только вдалеке. Если бы взлетали тут же над рыбой, я бы услышал и заметил, а так они воровали ее у меня около часа.

Ворона любопытна. Любит блестящие предметы. В гнездах ворон находили кольца, броши, серьги.

Коллекционер. Только она коллекционирует чужие вещи, не зная им цены, а мы, художники, поэты коллекционируем свои холсты и стихи, тоже часто обманываясь в их стоимости.

Грацией ворон любовались многие художники. Серов. А какие вороны среди черных ветвей деревьев на фоне снега у Питера Брейгеля!

2000

* * *

Первого сентября, в понедельник, внучка моя Настенька, которая всегда называла меня дедушкой, пошла в школу в первый класс. В пятницу мне уже стало ясно, что учеба стала приносить свои плоды:

— Дед, а дед, а школы были всегда?

— Да, Настенька, всегда.

— А давно, когда ты был маленьким, тоже были школы?

— Да, Настенька, были. Война не война, а учиться надо.

— Да, дедушка, школы были всегда. Школ не было, когда было еще очень давно. Когда люди шерстяные ходили.

2008

С Геннадием Правдиным, Дарьей Гасюн, Василием Акатновым, Борисом Забирохиным и дочерью Катей на выставке. 2001

С Константином Ивановым и Геннадием Правдиным. 2008

С группой художников в Доме журналиста. 1990-е

На персональной выставке в музее-квартире А. С. Пушкина. 2002

ЛЕОН КОСОБОКОВ

Снова спусков шлейфы снежные
И особенный жаргон,
Вечерами песни нежные
Под баян и самогон.

Л. Кособоков

Своим потрясающе красивым и сильным голосом он перекрывает шум толпы, шум электрички. Как-то шел я от станции к озеру Ягодному, где в конце августа наша компания «Парнас» всегда собирается на день рождения к Леону Кособокову. Попал я на незнакомую тропу и заблудился. Иду, иду, по времени вроде бы должно быть озеро, а его нет. Слышу где-то справа голос, прислушался — Леон поет! Пошел на голос, дошел до озера, озеро широкое, на другом берегу в леске палатки, костер и «Парнас» поет. Но слышно только Леона.

Он подошел, ощерив рот,
Кося в плечах сажени,
И содрогнулся весь народ
От крепких выражений.

Я достал баян, заиграл его любимую «Я по тебе соскучилась, Сережа...» — слышу на той стороне радостный рев. Это я услышал Кособокова в лесу, где хвоя и листва поглощают звук примерно за километр.

Бывало, в шестидесятые, семидесятые годы в вагон электрички или «паровичка» до Приозерских скал набивалось сразу несколько певческих компаний. И начиналось соревнование, кто кого перепоеет. Но чтобы перепеть Кособокова, надо петь на пределе возможностей. А он поет спокойненько и говорит: «Пускай, пускай, они скоро устанут».

И действительно, часто ребята бросали соревнование и присоединялись к нам.

Женщины влюблялись в его голос мгновенно. Были случаи, когда девчонки бросали своих ребят и, как за дудочкой из известной сказки, шли за Леоном, куда глаза глядят.

Ирина Костриц и Леон Кособоков. Скалы, 1960-е

Все знают, какой сильный и красивый голос был у Валеры Агафонова. Нас познакомил с ним Григорий Кирилкин. Мы все были с инструментами, Агафонов и Кособокое с гитарами, я с баяном. Агафонов пел романсы и что-то хулиганское. Потом мы пели с Кособоковым. Агафонов был в шоке. Он ходил вокруг Леона и восклицал: «Какой голос, какой голос!»

Хорошо про Леона Кособокова сказала Аида Лихтерман: «Когда Леон пел, у него было такое обаяние, что он мог голосом повести за собой армию!»

Леонид Иванович!

«Нас осталось мало», но мы еще споем!

2008

ВЫСОКО И СТРОГО

С Аидой мы познакомились в середине шестидесятых годов. Жила она в ту пору в доме на Фонтанке, как раз напротив БДТ. Мы часто бывали у нее в гостях, и когда мы с женой Тамарой шли к Аиде вечером после занятий в Академии Художеств, на мосту у театра всегда спрашивали лишний билетик.

Встречала нас Александра Ивановна, мама Аиды, остроумнейшая женщина со светлыми добрыми глазами. Аида только что окончила институт и весь их выпуск оставили в образовавшемся конструкторском бюро при Политехе.

В большой комнате с роялем под красным абажуром собирались молодые интеллектуалы-физики, приходили Тамара и Юрий Кондратьевы, подруга Аиды Лена Устюгова, иногда поэт и геолог Володя Чистяков и тогда уже известный бард Валентин Вихорев. Было много шуток, поэтических импровизаций, много музыки. За роялем царил Аида. Она пела какой-то удивительной красоты песни и романсы. Казалось, она находит где-то совершенно незнакомую мне классику, тем более что эти романсы перемежались с известными произведениями.

Спалив бригантину султана,
Я в море врагов утопил...

С Аидой, Тамарой, Виталием Бубенцовым и Алексеем Узбеком

пелось на мотив «Раскинулось море широко», мотив вроде бы тот да не тот.

Позже я был поражен, узнав, что музыка на стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Суркова, а также многих зарубежных поэтов — написана Аидой.

Иногда в ее доме появлялись совершенно фантастические фигуры, такие как Артем Гуман — человек с широкой палитрой интересов. Он был и профессором математики, и медиком-исследователем, и биологом, и композитором-импровизатором.

В одной из поездок в Карпаты с питерской художественно-альпинистской группой «Парнас», где были такие известные личности, как Леонид Кособоков и Валентин Вихорев, Аида познакомилась с художником Виталием Тюленевым и собирателем записей бардовских песен Михаилом Крыжановским. Позже она стала посещать семинары при Союзе Композиторов, участником которых в свое время был Евгений Клячкин.

Романсы Аиды исполняют в концертах профессиональные певцы.

В ее творчестве поражает большая культура мысли. Сколько нужно иметь вкуса и такта, чтобы вот так раскрывать музыкой образ стиха и делать это высоко и строго, никогда не впадая в ложную народность.

Сейчас мне представляется, что в те далекие годы я не ошибался относительно музыки Аиды, и многие из ее песен и романсов со временем действительно станут классикой.

2006

АРТЕМ ГУМАН

Аида Лихтерман познакомила меня и Тому с Артемом Гуманом и его молодой женой Марианной. Похоже, он был старше нас лет на 15—20. Позже я узнал, что он был старше нас на 30 лет! Выглядел он молодо, был легок в движениях, глаза блестели по-юношески. Мы как-то сразу перешли с ним на «ты». Вениамин Безруков, поэт из Чебоксар, заговорил с ним на «Вы», Артем остановил его:

— Мы творческие люди, давай на «ты».

Показался он мне сначала странным, говорил вещи неправдоподобные. О чем с ним ни заговоришь, он везде крупный специалист. Заговоришь о травах и цветах — он ботаник, заговоришь о музыке — он композитор, и даже выступал в больших залах со своими импровизациями, и ноты вышли в продажу. Заговоришь о технике — он изобретатель. Он медик, лечит рак. Он физик, он математик, он... Все это было похоже на шарлатанство. Он восхищался моими мелодиями на стихи Владимира Чистякова, он смотрел мои такие слабые работы в живописи (я учился тогда на первых курсах Института имени И. Е. Репина) и хвалил их, заливался восторгом: «Гениально!» Что он там видел? Всё это настораживало. Да понимает ли он что-либо в искусстве?

Как-то Аида привезла Артема с Марианной к нам в Жерновку в самом начале лета. У нас был бревенчатый дом, яблоневый сад, сарай с дровами. Погода чудесная, мягкое солнце под вечер, цветет сирень. Я предлагаю:

Артем Гуман

— Что это мы в комнате сидим? Полезли на крышу сарая, у нас там одеяла расстелены.

Забрались, сняли рубашки, чудесно. Прямо за сараем большой куст сирени, ветки с цветами лезут прямо в лицо. По двору идет моя любимая племянница, красавица-девочка Альта. Я кричу:

— Люля, залезай к нам на крышу!

Она залезла, увидела Гумана, поздоровалась с ним, назвав по имени-отчеству, покраснела и спрашивает:

— А Вы как тут оказались?

Он отвечает:

— Так же, как и Вы — по лестнице.

Удивившись, я поинтересовался у племянницы:

— Люля, ты-то откуда Артема знаешь?

— Ну, как же, — удивляется она, — он профессор, зав. кафедрой математики у нас в институте.

(Альта училась тогда в Лесотехнической академии).

— Вот дела, — думаю, — хоть одно сошлось.

У моей дочери Катюши была крестная — Наталья Ивановна Моисеева, профессор, доктор медицинских наук, подруга Натальи Петровны Бехтеревой. И работала она в Институте экспериментальной медицины, директором которого была Бехтерева. Как-то мы заговорили с Натальей Ивановной о неизлечимости рака.

Я говорю:

— У меня есть приятель, который утверждает, что лечит рак! — и назвал фамилию Гуман.

— Гуман? — слышу в ответ, — он хлопчет в Министерстве здравоохранения, чтобы ему предоставили лабораторию, а то он у себя дома прямо в ванной опыты с кроликами делает. В однокомнатной квартире. Ему надо собрать подписи нескольких академиков. Он был у Натальи Петровны, показывал свои материалы, Бехтерева дала ему свою подпись. Ему еще двух академиков обойти надо.

— Ну, — думаю, — и здесь всё сходится, придется верить всему, что Гуман о себе говорит. Но это просто невероятно!

Забегая вперед, скажу, что он добился-таки своего. Он собрал нужные подписи академиков и получил отделение раковых больных в больнице имени 25 Октября, где лечил своими препаратами самых

тяжелых больных. Есть подтверждения многочисленных выздоровлений. (Кстати, он вылечил от рака своего брата.)

Онколог Ольга Никонова, работавшая в то время в больнице, рассказала:

— Встретили мы его как самозванца, а потом увидели, что он осведомленнее нас и глубже нас разбирается в вопросах онкологии.

Многие видные деятели науки и искусства заинтересовались его работами и поддержали его. Среди них такой известный писатель, как Даниил Гранин.

В то время Аида познакомилась с приехавшей в Ленинград на симпозиум по микробиологии доктором наук Софьей Николаевной Кладницкой и рассказала ей о многочисленных талантах А. К. Гумана. Софья Николаевна слушала ее с недоверием. Аида сказала, что, в частности, Артема заинтересовали некоторые работы по микробиологии, и он хотел бы встретиться с автором. Оказалось, что это работы С. Н. Кладницкой. Она согласилась встретиться с Артемом Константиновичем, и он ездил к ней в Москву. Аида рассказывала, что после этой встречи ей позвонила Софья Николаевна и воскликнула:

— Аидочка, он настоящий ученый!

Потом мы бывали у него дома, видели эту ванну с кролика-ми. Коридор, кухня, комната — всё было уставлено стеллажами с книгами вдоль стен, так что передвигаться приходилось бочком. Он играл нам свои импровизации, я видел большой ящик под роялем, провода от которого шли прямо под клавиатуру. Нотозаписыватель.

— Иначе, — объяснял он, — импровизацию бывает трудно вспомнить, не то что записать.

Он показывал нам тетрадь вышедших из печати нот. Всё, говорит, раскупили, у меня остался один экземпляр.

Как-то он приехал к нам с Тamarой в Жерновку только для того, чтобы показать записанную на листе бумаги математическую формулу. Говорил о проблеме больших чисел. Я говорю:

— Тёма, я в математике ничего не понимаю!

— А ты посмотри, — слышу в ответ, — на эту формулу с точки зрения графика, красота какая!

Большой жизнелюб, он умел восхищаться жизнью, необычной ситуацией. Бывало, рассказывал:

— Иду мимо пивной, два мужика подбегают: «Третьим будешь?» Ну, думаю, хорошо, значит, я от народа еще не оторвался!

У нас в Жерновке выпили однажды в день моего рождения, и один мой друг приревновал его к своей жене. Побить хотел. Гуман отвел меня в сторону, я думал, будет оправдываться, а он:

— Ну, какая прелесть! Значит, я еще вполне ничего, если меня приревновать можно!

На его похоронах были ученые, и один из них, Юрий Александрович Воронов, сказал:

— Позже мир узнает, кого мы потеряли!

Да, он умел восхищаться. Умел похвалить песню, удачную шутку, живописный этюд. Как он отличался этим от современных моих собратьев по живописному цеху, которым легче в дверях одно место прищемить, чем сказать доброе слово другому художнику!

1990-е—2008

Много лет прошло с тех пор, как ушел из жизни Артемий Константинович Гуман. И вот совсем недавно звонит мне Аида Лихтерман:

— Шура, я вчера была у Марианны (вдова А. Гумана), перебирала фотографии, материалы. У него такая богатая биография!

Оказывается, его отец, Еремеев Константин Степанович — старый большевик-революционер из круга, приближенного к Ленину, нелегал, жил под несколькими вымышленными фамилиями, поэтому сыну дали фамилию матери, Ольги Васильевны Гуман (из немок). Отец Артема вместе с Подвойским был одним из редакторов газеты «Правда» и основателем журнала «Крокодил». Сам Артем рано проявил свои блестящие способности и по представлению школы уже в 15 лет стал студентом физико-математического факультета Политехнического института. По окончании его в 1931 году преподавал математику, физику и радиофизику во многих институтах.

Доцент Политехнического института, декан Ленгорпединститута, зав. кафедрой физики в Ветеринарном институте, зав. кафедрой математики и теоретической механики Ленинградского Высшего Общевоевского командного училища им. С. М. Кирова и прочее.

У Гнесиных учился композиции, знал несколько иностранных языков, свободно говорил на немецком и французском. В начале войны его, как немца, эвакуировали из Ленинграда в Казахстан, но в 1942 году он с двумя чемоданами, в одном книги, в другом продукты, по льду Ладожского озера, навстречу потоку эвакуированных блокадников, вернулся в Ленинград. На детских фотографиях можно видеть Артема Гумана рядом с академиком Орбели и знаменитым укротителем Дуровым.

2008

МИХАИЛ АНЧАРОВ

С Михаилом Анчаровым мы познакомились на 50-летнем юбилее его большого приятеля Вячека Лысанова, который стал прообразом главного героя «Большого» (его играл Вячеслав Невинный) многосерийного фильма по сценарию Анчарова («День за днем»).

Договаривались ехать в Москву мы вместе с Валентином Вихоревым, но он не смог, и поехал я с женой Томой и десятилетней дочкой Катей. Прихватил с собой баян.

Вячек умеет устраивать праздники. Он соорудил длиннющий стол с винами и многочисленными обильными закусками. Народу много. Я оказался в комнате один с инструментом. После возлияний и возъеданий меня попросили спеть что-нибудь из Анчарова. Какой-то шутник попросил:

— Спой «Девчоночку фабричную».

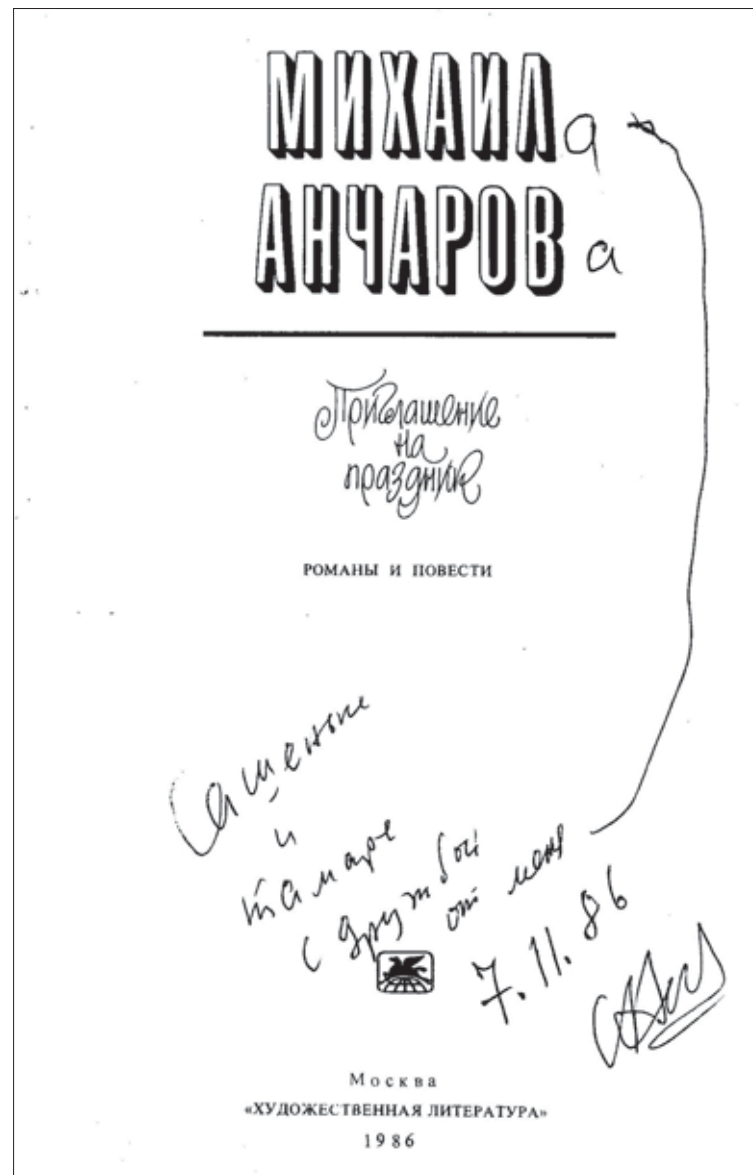
Я отказался и спел «Органиста».

По-моему, Анчаров оценил мой выбор. Потом я спел несколько своих мелодий, мы уже сидели рядом с Анчаровым, и он сказал мне странную фразу:

— Нас убивают и убивают, а мы воскресаем...

Дамы требовали песен, мои кончились, и я запел Визбора. Одна из песен Визбора — «Ах, какая пропажа, пропала зима...» так понравилась Михаилу Анчарову, что он в течение вечера пару раз потребовал ее повторить:

— Как же я ни разу не слышал этой песни? Ведь мы с Визбором в одном доме жили. Ну, конечно, так он ее спеть не смог бы.

Вообще в этот вечер Анчаров наговорил мне много полу-заслуженных комплиментов. Я знал, что он учился живописи в Институте имени Сурикова, показал ему натюрморт, подаренный мной Вячеку. Он заметил:

— Ты больше этого натюрморта.

Было уже поздно, Анчаров засобирился домой, мы с Томой и Катей пошли его провожать. Он пригласил нас к себе. Дома Анчаров вытащил откуда-то с десяток своих старых холстов и показал нам. Искусствоведам и художникам знакомо это чувство, когда по живописи на холсте виден как бы «калибр» художника. Несмотря на некоторую, как мне показалось, эскизность, видно было, что, займись он вплотную только живописью, он стал бы крупным художником, но он хотел сразу всего: песен, музыки, киносценариев, повестей, романов, живописи, конного спорта... Да еще на его долю выпала война. Помните его песню о десанниках? Анчаров достал из стопки книг толстый том в красном переплете и попросил меня прочитать вступительную статью. Наверное, я был в ударе и прочитал незнакомый текст достаточно артистично. Анчаров подарил нам с Томой романы и повести со своей подписью. Поговорили о проблеме «художник — общество». Он заявил:

— Они не дождутся, чтобы я как все!

А еще он добавил:

— Саша, у меня стихи еще идут, а музыка от меня ушла. А у тебя музыка. Что, если я пришлю тебе стихи, а ты напишешь на них мелодии?

Я с готовностью согласился. Договорились, что свяжемся через Вячека, он часто ездит в Питер. Когда мы стали прощаться, он вздохнул:

— В жизни меня больше ничего не интересует, кроме судьбы моего сына.

Рядом сидела молодая красивая жена. Мы вернулись к Вячеку Лысанову. Вячек сообщил:

— Он почти не встает с дивана, всё лежит, и работает лежа.

И я понял, что Анчаров «щелкнул выключателем». Вскоре его не стало. Почему я тогда же не попросил у него несколько стихов? Может быть, потому, что он уже полулежал на своем диване.

Катюша до сих пор вспоминает, что первым мужчиной, который поцеловал ей руку, был Михаил Анчаров.

2008

Академики МАИСУ А. Тимофеев и В. Вихорев
с В. Лысановым и Т. Тетеровской. 22 ноября 2002 г.

С Александром Городницким. 1998

На концерте в клубе «Восток». 9 февраля 2009 г.

С Сергеем Ильиным. 13 сентября 2008 г.

НЕНАПИСАННЫЙ ПОРТРЕТ

В 1985 году в ДК имени Первой пятилетки был вечер Булата Окуджавы. Приехал он в Питер с молодой красивой женщиной Натальей Горленко. Окуджава много пел один, пела и Наталья что-то на испанском, пели Окуджава и Горленко дуэтом «две дороги, та и эта...» Пели вдохновенно, особенно Наталья, чувствовалось, что поют они о себе. Вел концерт Михаил Кане. Зал был битком, поэтому мы с женой Тamarой слушали у рояля за кулисами, как и все барды. То есть, видели мы Окуджаву несколько в профиль и с затылка.

После концерта были посиделки. В отдельном зале был накрыт стол с вином и закусками. Пили, ели, произносили тосты. Когда были подняты бокалы «за милых дам», я сказал, что за столом есть именинница, моя жена Тамара. Окуджава выпил за Тамару. Это было второе апреля — ее день рождения. Потом наши ленинградские барды по очереди пели Окуджаве свои песни. Окуджава слушал довольно беспристрастно, лишь, когда Валентин Вихорев спел свою «У августа, мой друг», Окуджава сказал:

— Bravo! Конечно, судить трудно с первого раза, но, по моему, песня хороша. Bravo!

Когда все встали из-за стола, моя предприимчивая и бесшабашная Тамара остановила Окуджаву в коридоре, благо он пил за ее здоровье, и предложила ему написать его портрет. В 1985-м году Тома была привлекательной женщиной, у Окуджавы загорелись глаза, и он практически согласился. Тогда Тома подозвала меня, стоящего в нерешительности от них в нескольких шагах и представила:

— Вот мой муж, талантливый художник, портретист, он будет писать ваш портрет.

Кстати, несколько портретов к тому времени у меня были закуплены музеем, Министерством культуры и Дирекцией выставок.

Глаза у Булата несколько потускнели. Надо сказать, что на протяжении вечера, вероятно, стараясь казаться моложе перед Натальей Горленко, Окуджава несколько раз обрывал обращающихся к нему: «Что вы всё меня по имени-отчеству? Зовите просто Булат». Помня об этом, я подошел и говорю:

— Да, Булат, я действительно очень хотел бы написать ваш портрет. У меня уже есть портреты нескольких бардов, — и назвал имена Валентина Вихорева, Евгения Клячкина, Михаила Крыжановского.

Окуджава замялся и ответил:

— Вы знаете, вы в Ленинграде, я в Москве, всё это так сложно, я никогда не позировал.

Я настаиваю:

— А как же Алик Худяков пишет и выставляет ваши портреты?

— Ну, он же по фотографиям...

Я объясняю:

— Он пишет в романтическом ключе. Плоская поверхность холста, летят осенние листики, и из всего этого выступает чуть прорисованное ваше лицо. А я хотел бы написать более реалистичский, более кондовый, что ли, портрет.

— А вы что, считаете меня кондовым мужиком? — спросил Окуджава.

Тут уж я перешел на имя-отчество.

— Да нет, — говорю, — Булат Шалвович, что вы, я имею в виду только манеру живописи. Я приеду в Москву на несколько дней, у меня там есть где остановиться.

— Нет, — решил Булат Шалвович, — всё это очень сложно, я никогда не позировал и буду чувствовать себя неловко.

Тут я вспомнил, как Нестеров уговаривал Льва Николаевича Толстого написать его портрет, а Толстой отказывался. Тогда Нестеров сказал Льву Николаевичу, что всё равно напишет его портрет, только если тот не будет ему позировать, то портрет выйдет значительно хуже.

Но Окуджава еще раз отказался, поблагодарил меня за приглашение, мы пожали друг другу руки и расстались.

2008

БРОДЯГА, ПОЦЕЛОВАННЫЙ АНГЕЛОМ

Сними ремни с усталых плеч,
Смотри: над лесом гребень скал.
Здесь перекресток наших встреч,
Я по нему так тосковал.

Вихорев романтик. Все они, шестидесятники, исключая, возможно, Галича и, частично, Анчарова, были романтиками. Все мечтали о дальних побережьях, синих перекрестках, алых парусах. Но сначала — вырваться из города. Альпинизм, туризм пеший

и водный — самые любимые виды спорта. Геолог — самая популярная профессия. В геологические партии шли рабочими и поварами, шли, чтобы побродить по свету. Байдарки, плоты, ласты, палатки, спальные мешки, ледорубы, шлямбуры, костры, гитары — вот элементы лексики того времени.

Я плыву по асфальтовой речке,
Впереди — день ненужных хлопот...

А где-то полыхают сосны,
Сгорая на кострах рассвета...

Мы ушли от родного порога —
Так для нас и верней, и нужней...

Вот целенаправленное движение из города на природу. Бегство. Да и было от чего. От ненужной бесперспективной работы с соцобязательствами и соцсоревнованиями (пишу эти слова — самому противно), от профсоюзных собраний с фальшивыми речами, от лжи генсеков, от ложной идеологии с обязательным ежегодным изучением истории партии. От всей этой вакханалии и тягототины — в чистоту.

Давным-давно Вихорев определил то место, куда стремится его душа.

Там, где мой дом, — пахучий лес,
На плесах зарево заката,
Держа дожди наперевес,
Идет июль по перекатам.

Красиво, не правда ли? Не зря эту песню так любит петь Борис Полоскин. Только когда автор освобождается от груза городских забот, и рождаются такие шедевры:

По утрам всё туман за околицей,
На росистой траве — следы.
Тишина птичьим посвистом колетя...

Позванивает тишь в июльский колокольчик...

Какие строки! Жемчуг.

Валентин много путешествовал по стране. Средняя полоса России, Карелия, Хибинь, Белое море, Карпаты, Черное море, Кавказ, Урал, Тихий океан. И всюду он оставлял свои репертапесни.

Наступает отпуск, и Вихорев с друзьями-подводниками едет на Белое море, и песня «На Соловецких островах» становится гимном Соловков. Закончен пионерлагерный сезон, и Валентин едет в Пушгоры. Рождается удивительный «Пушкинский» цикл.

Его всегдашняя мечта — уйти, уплыть, уехать. «Идут на скалы странники»; «Усталому путнику дверь отворите»; «Чтобы сверху увидеть полсвета, мы пришли в эти горы с тобой»; «Обилье ягод и грибов, идем без накомарников».

Давно уже написана песня — «Кто сказал, что я сдал, что мне рук не поднять...», а Вихорев и сейчас неугомонен, и по-прежнему рождаются в поездках такие шедевры, как «Серая цапля» или «Усталый клин скользнул к воде».

Вот и теперь — январь 2006 года, а он «ночует в облаке» где-то на Урале, мой друг Валентин Вихорев, вечный странник, бродяга, поцелованный ангелом.

2006

О ГРАФИКЕ ВАЛЕНТИНА ВИХОРЕВА

То, что наш известный бард, автор многих замечательных песен, Валентин Вихорев занялся графикой, для меня не было неожиданностью.

Вспоминаю красоту его ружей для подводной охоты, ножей с ручками, будто облегающими ладонь, были и попытки работать в мелкой пластике — кольца с замысловатыми завитушками — монограммами.

Все виды искусства имеют общие корни. Ведь говорят про живопись — музыкальна. Говорят про архитектуру музыки. В поэзии, как и в графике, есть свои ритмы, паузы, кульминации.

Однако иллюстрации к поэзии — дело особое.

Представляется невозможным проиллюстрировать такие строки Вихорева:

На юбилее Валентина Вихорева

Первый снег несмышленный запоздалой брусничкой
Сердобольная осень кормит с зябнущих рук.

Или, например, такую строку:

Дохнуло сентябрем от пролетевшей птицы...

На мой взгляд, автор нашел для этого единственно правильный путь — язык символов.

Наиболее часто повторяются у него изображения солнца, луны, окна, огня (свечи), чаши, лебедя. Автор как бы обращается к нашей генетической памяти времен давних, языческих, когда явления природы мнились делами божеств, когда обычные предметы имели еще и обрядовый, культовый смысл.

Ведь солнце — божество жизни, тепла и света, луна — символ жизненного цикла от рождения до смерти, отсчета времени и, вместе с тем, символ загробного мира. Огонь, вода — одни из основных четырех стихий (еще земля и воздух).

Окно — граница земного с потусторонним миром. Птица — лебедь — владелица живой воды и молодильных яблок.

Вот почему два-три знака-символа, сплетенные вместе какой-то удивительной пластикой, перетекающие один в другой, разрывающие пространство и заключенные в красивый, изящный контур, вызывают у нас неоднозначные, сложные ассоциации, верное ощущение поэтической ситуации.

И это очень важно, чтобы в графике, как и в песне, был еще и второй план, свое подводное течение.

А кажущаяся простота обманчива, ведь изящная простота и есть признак таланта.

Октябрь 2000

* * *

Радостно видеть, как человек, имеющий несомненный музыкальный талант, тонко музыку чувствующий, не успокаивается на взятых рубежах, ищет, экспериментирует, усложняет и разнообразит аккомпанемент, очищает его от ненужного, работает над красотой образа.

А. Копосов и А. Тимофеев. 2007

Радостно видеть, как он разбирает каждую музыкальную фразу, расставляет акценты, находит кульминацию, выдерживает паузы, работает над дыханием музыки, над ее пульсацией.

Как ищет главное в исполнении — чтобы сама природа музыки вошла в резонанс со слушателем.

Ведь метроном придуман для больших оркестров, чтобы избежать разнобоя, а музыка не терпит раз и навсегда заданного ритма. Музыка — это пульсация. Возможно, одно и то же произведение звучит по-разному оттого, солнце или дождь сейчас, какое атмосферное давление, какова солнечная активность, да и мы пока всего и не знаем, можем только что-то чувствовать.

Радостно видеть, как певец работает над голосом, фразеологией, дикцией, выразительностью речи.

И слушатель понимает это и благодарен музыканту за уважительное отношение к себе, за то, что творец верит во взаимопонимание и как бы вовлекает слушателя в сотворчество.

Всё это я говорю про Александра Копосова.

2008

На персональной выставке А. Тимофеева в музее-квартире А. С. Пушкина.
1 ноября 2002 г.

С Галиной Севостьяновой и Аллой Левитан. Август 2008

С Н. Граховым, В. Вихоревым, В. Федоровым и В. Шемиученко.
«Росбалт», август 2008

Открытие IV Соловецкого фестиваля авторской песни. 10 августа 2008 г.

С Борисом Щегловым

С Юрием Васильевым

С семьей Лопаткиных

Концерт членов жюри и гостей Соловецкого фестиваля. 2008

Татьяна Зорина, Валентин Вихорев, Галина Севостьянова
на юбилее Александра Городницкого. 2008

Дочь Катя

С женой Тамарой и Валентином Вихоревым

ГАЛЕРЕЯ БАРДОВ

Вечер. Песня. Х., м. 145×140. 1979

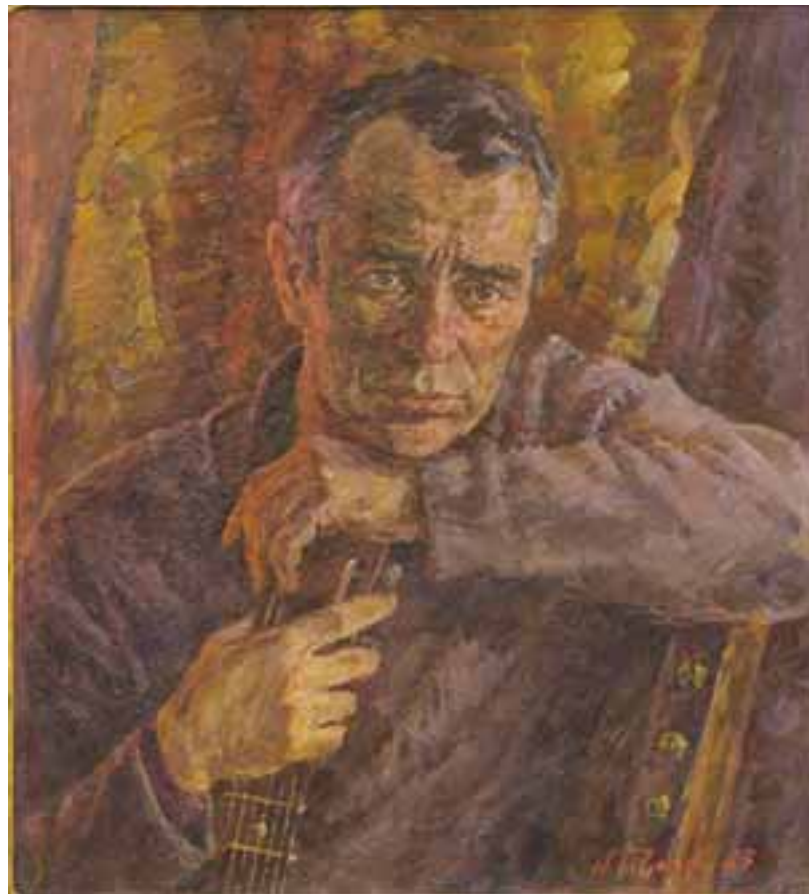
Александр Городницкий. Х., м. 59×39. 1998

Натюрморт «Летний». Х., м. 53×44. 1997

Сирень в туюсе. Х., м. 62×63. 2004

Валентин Вихорев. Х., м. 64×58. 1987

Евгений Клячкин. Х., м. 87×65. 1985

Цветы сирени в тазу. Х., м. 60×70. 2004

Пионы в кувшине и фрукты. Х., м. 70×56. 2006

Михаил Крыжановский. Х., м. 47×51. 1985

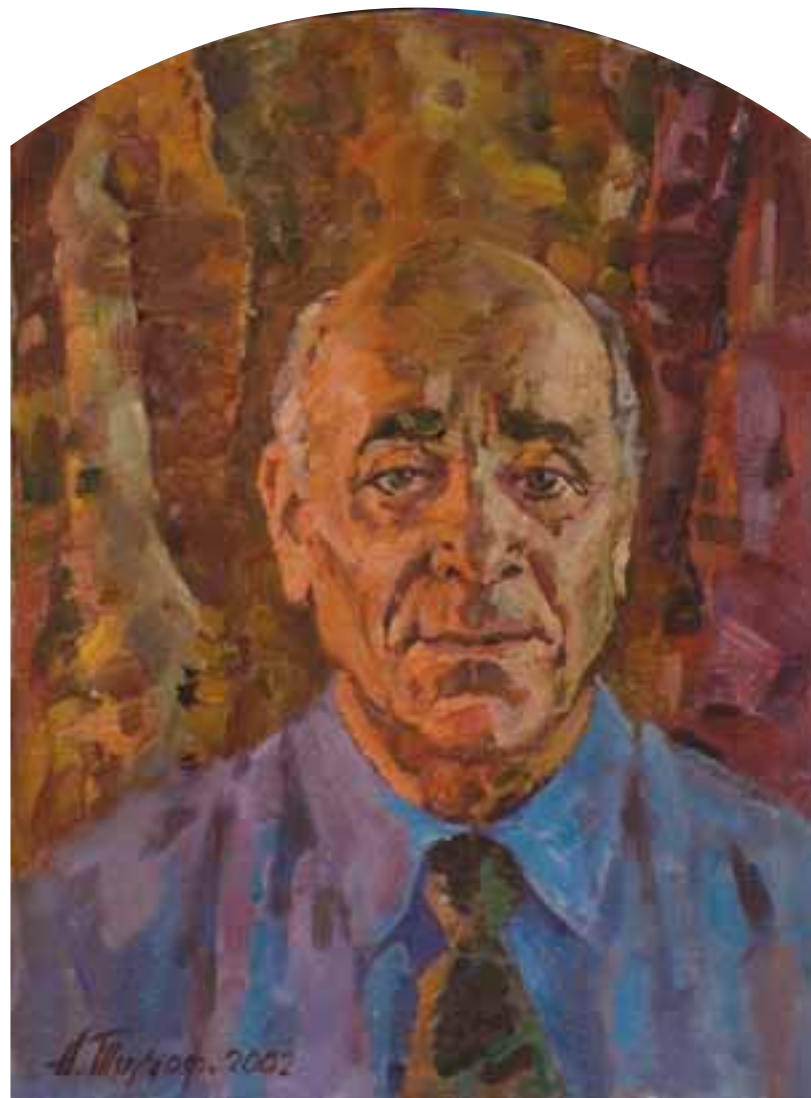
Георгины из Аргентины. Х., м. 70×50. 2006

Валентин Глазанов. Х., м. 42×32. 1986

Сирень на окне в Жерновке. Х., м. 77,5×60,5. 1976

Александр Дулов. Х., м. 56×42. 2002

Пионы и гипс. Х., м. 69,5×62. 2005

Виталий Шабанов. Х., м. 50×38,5. 2002

Астры в стеклянном кувшине и яблоки. Х., м. 70×50. 2005

Борис Полоскин. Х., м. 44×54. 1997

Георгины и персики. Х., м. 69,5×59,5. 2005

Борис Щеглов. Х., м. 65×42. 2006

Скоро осень. Х., м. 65×68. 1997

Александр Городницкий. Х., м. 75×60. 1998

Михаил Крыжановский. Х., м. 90×86. 1985

Полевые цветы. Х., м. 46×34. 1996

Сирень на мокром столе. Х., м. 69×59. 2001

Юрий Кукин. Х., м. 48×41. 1997

Александр Генкин. Х., м. 80×64. 2000

Сирень и незабудки в медном ковше. Х., м. 59,5×80. 2006

Гвоздики и ноготки. Х., м. 60×49. 2005

Валерий Боков. Х., м. 50×40. 2002

Натюрморт с колокольчиками и ромашками. Х., м. 55×44. 1997

Леон Кособоков. Х., м. 84×72. 1981

Осенний натюрморт. X., м. 62×52. 2004

Альфред Тальковский. 2002

Владимир Шемиченко. Х., м. 50×41. 2002

Цветы в зеленом кувшине. Х., м. 68×56. 2005

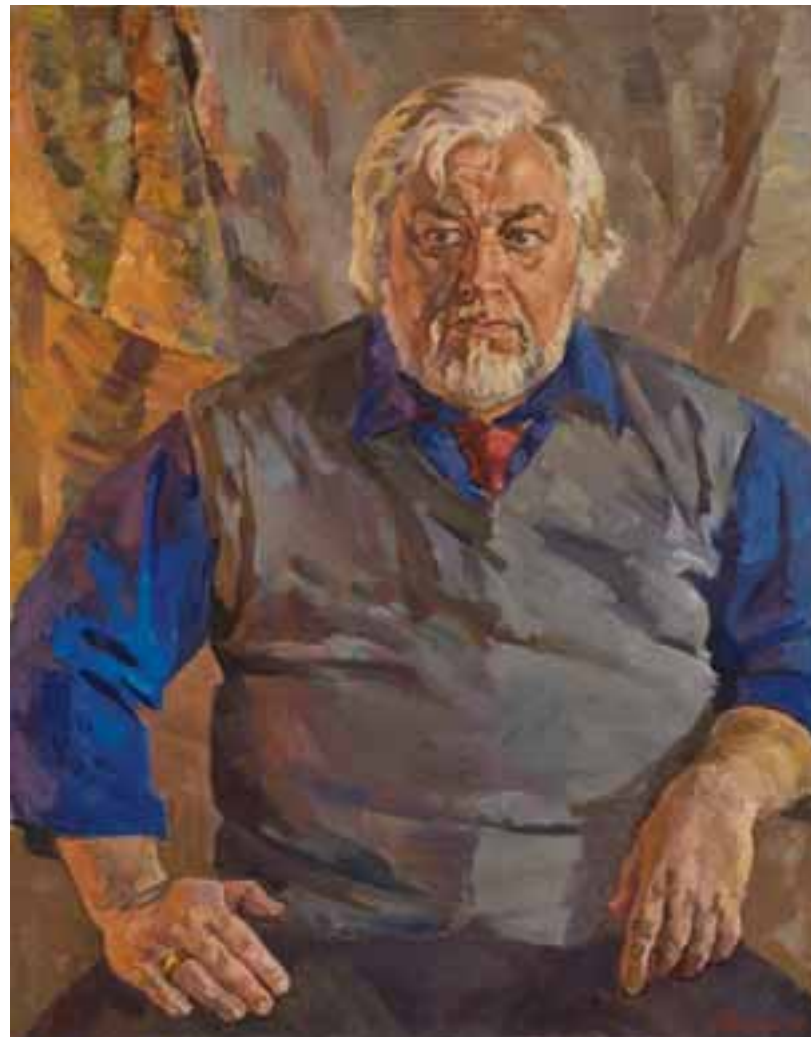
Автопортрет «Отчий дом». Х., м. 93×90. 2000

Прошлогодние цветы. Х., м. 91×73. 2006

Флоксы на красном. Х., м. 66×72. 2005

Борис Алмазов. Х., м. 90×71. 2004

Осенние цветы, укроп и петрушка. Х., м. 65×78. 2007

Александр Копосов. Х., м. 89,5×65. 2006

Виктор Федоров. Х., м. 100×65. 2006

Сирень в медном чайнике. Х., м. 64×57. 2005

Прошлогодний букет. Х., м. 77×56. 2006

Александр Лобановский. Х., м. 90×75. 2007

Михаил Семенов. Х., м. 71×62. 2004

Пионы в стеклянном кувшине. Х., м. 70×60. 2005

Феликс Суркис. Х., м. 75×56. 2004

Сирень в мастерской. Х., м. 62×62. 1997

Михаил Кане. Х., м. 75×56. 2004

Александр Генкин. Х., м. 45×50. 1997

Алла и Марк Левитаны. Х., м. 82×82. 2004

*Николай Грахов.
Х., м. 50×38. 2007*

*Вячеслав Лейкин.
Х., м. 36×25. 1982*

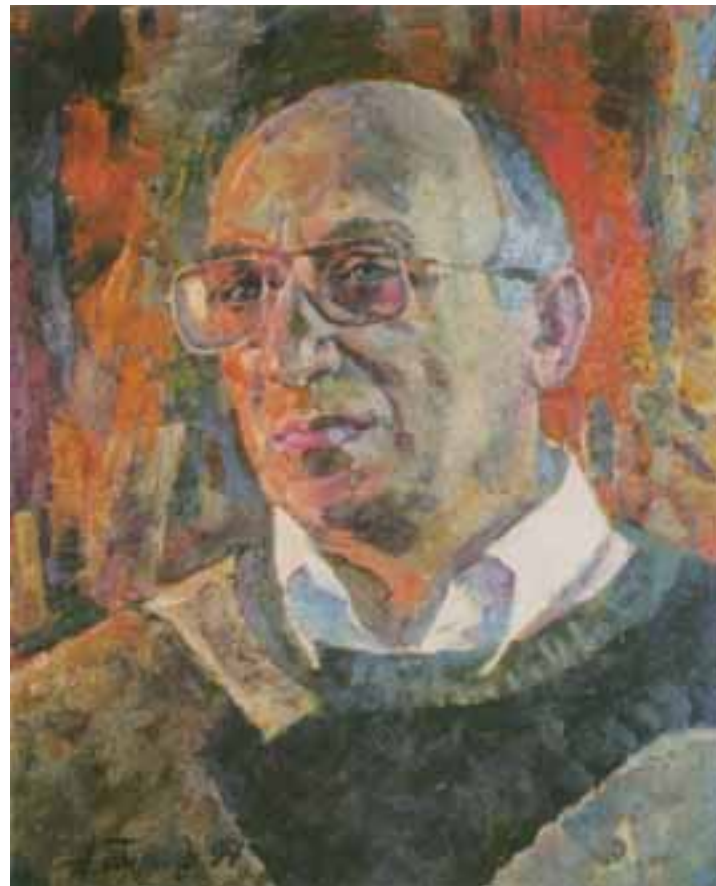
Михаил Трегер. Х., м. 52×58. 2004

Виталий Сейнов. Х., м. 47×53. 2000

Белый шиповник. Х., м. 63×44. 1997

Леонид Левин. Х., м. 55×40. 1997

Игорь Малыгин. Х., м. 56×53. 2006

Юрий Визбор. Бивень мамонта, дерево. 1980-е

Валентин Вихорев. Бивень мамонта, дерево. 1970-е

*Александр Галич.
Бивень мамонта, серебро. 1980-е*

*Александр Городницкий.
Бивень мамонта, серебро. 1980-е*

*Владимир Высоцкий.
Бивень мамонта, серебро. 1980-е*

*Валерий Агафонов.
Бивень мамонта, дерево. 1980-е*

1983

1987

1997

2000

Валентин Вихорев. Портреты разных лет

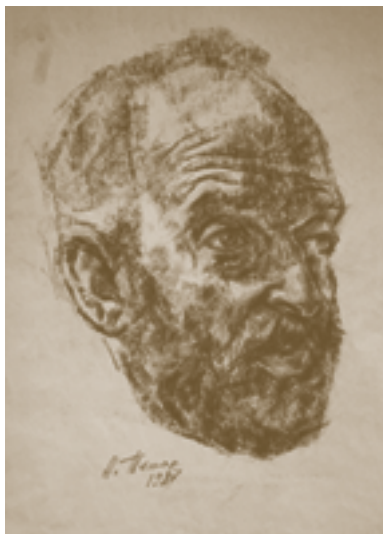
Александр Городницкий. 1987

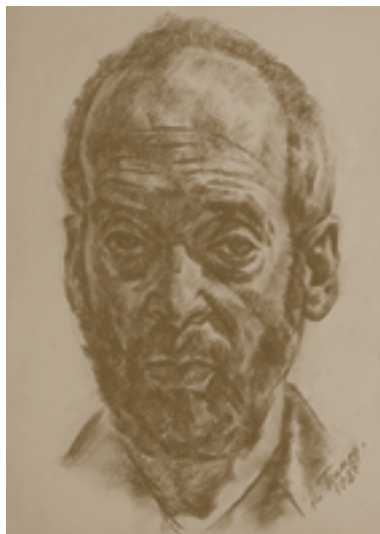
Борис Вахнюк. 1987

Борис Щеглов. 1987

Леонид Замятнин. 1987

Владимир Туриянский. 1987

Сергей Ильин. 2009

Виктор Федоров. 2008

Александр Копосов. 2008

Владимир Чистяков. 1970-е

Аида Лихтерман. 1970-е

ДЕТСКИЕ СТИХИ

В этот раздел вошли стихи, которые я написал для детских книг моей дочери Екатерины Матюшкиной «Лапы вверх!», «Ага, попался!», «Носки врозь!» (созданных ею совместно с Екатериной Оковитой); а также из ее книг «Кот да Винчи»: «Улыбка Анаконды», «Ограбление банки» и «Пираты Кошмарского моря»; «Ага, влипли!», «Веники еловые, или Приключения Вани в лаптях и сарафане». Сюда включены и мои стихи из многочисленных «Школ Кота да Винчи», а также Катины рисунки. Надеюсь на то, что дети, прочитавшие книги Кати, смогут приобщиться и к живописи.

* * *

Зачем во тьме крадется Кто?
Его никто не знает!
Скрывает что, и прячет что,
И что-то затевает?

Зачем стоит за дверью Кто?
Шуршит, сопит, вздыхает.
Зачем стучится Кто в окно,
А кто, не отвечает?

И кто копает там и тут?
Под кем скрипят ступени?
Куда ползут, зачем растут
И двигаются тени?

2004

* * *

Что нам нужно для работы,
Чтоб расследовать дела?
Пистолеты, пулеметы,
Слежки, стычки да пальба?

Нет, ребята, всё иначе,
Это всё поднимет шум —
Нужен чуткий нюх собачий
И кошачий нужен ум!

2004

Катя Матюшкина

* * *

До чего полезно, братцы
(Каждый зверь обязан знать),
Догонять, кусаться, драться
И за хвост друзей таскать.

А потом — костыль под мышкой
(Тут уже не до красы),
Синяки, ушибы, шишки
И разбитые носы.

2004

* * *

Разве еще сомневается кто-то —
Лучшая в мире — сыскная работа!

Бандитам я скажу: «Ребятки,
Со мной вы не играйте в прятки;
Могу я быть и слеп и глух,
Но у меня хороший нюх,
И всё в порядке!»

Я сыщик просто экстра-класс,
Куда б ни спрятался от нас,
Поймаю вора!
Он будет бледный вид иметь
И неприятности терпеть
Довольно скоро!

Я лучший в мире следопыт,
Пусть поторопится бандит
Придти с повинной!
Иначе, встретившись со мной,
Пойдет он, руки за спиной,
Дорогой длинной.

2004

* * *

Путешествие или шествие —
Не могу пропустить происшествие.
А уж если чего-то украли —
Пропущу я такое едва ли!

2006

КРОТ В ГОСТЯХ

— Что за хата? Нету тута
Настоящего уюта
И, как любят все кроты,
Настоящей темноты.

Я сейчас уют устрою —
Всё сломаю и зарюю.
Дом расчищу для ребят,
Пусть крота благодарят!

Свету — нет! Снесу на свалку
Я любую зажигалку,
Свечки, лампы, фонари
И снаружи, и внутри.

И окошкам тоже — нет!
В окна проникает свет.
Пол сломать, насыть ходов,
Раз, два, пять — и дом готов!

Подавайте мне, кроту,
Темноту!

Всё отлично, дом готов!
Никаких тебе углов,
Стекол, ламп и железяк.
Мрак!

2004

* * *

Бывает на свете везучий народ —
 Куда ни пойдешь, попадет в переплет!
 Какое же это мученье,
 Когда в жизни нет приключения!
 Судьба моя горько влачится,
 Со мной ничего не случится.

2005

* * *

Если вам уют не в радость,
 Вот совет полезный всем —
 Можно мебель переставить,
 Можно выкинуть совсем.

Что пропало — не жалеите!
 Коль тоска терзает грудь,
 Срочно что-нибудь разбейте,
 Поломайте что-нибудь!

Станет пусто, гладко, гадко,
 Невозможно дальше жить,
 Можно снова в вашу хатку
 Всякой бяки натащить.

2004

* * *

Что ты, заяц, скучный-грустный?
 Что пропало — не жалеи!
 В брюхе пусто, ешь капусту,
 Жажда мучит — воду пей!

Всё предвидеть не пытайся,
 Больше смейся, не тужи!
 Солнце в небе — подымайся,
 Звезды в небе — спать ложись!

2004

ЖАЛОБА

С посланьем к Вашей милости,
 Едва пришедши в чувство, я
 Взываю к справедливости,
 Надеюсь на сочувствие.

Веревкой туго стянутый,
 Голодный, не проспавшийся,
 Я, вышеупомянутый
 И нижеподписавшийся.

Что получил в итоге я
 За все труды-старания?
 Вытягиваю ноги я
 На грани вымирания.

Ограбленный, обманутый,
 Не сломленный, не сдавшийся,
 Я, вышеупомянутый
 И нижеподписавшийся!

2004

ЖАЛОБА КРОЛИКА

Хорошо живет кукушка,
 И не скучно ей одной.
 У кукушки деток много,
 А заботы никакой.

По чужим расселись гнездам,
 Не свое жуют и пьют.
 Только клювы раскрывают,
 Только песенки поют!

Бедный кролик, я под солнцем
 Не нашел себе приют.
 И своим не обзавелся,
 И чужого не дают!

2004

КРОТ

Когда-то были у крота
Кайло, лопата.
Мое такое ремесло —
Копать, ребята.

А без лопаты крот не крот,
Кому он нужен?
Я без лопаты — антрекот
Лисе на ужин.

А что такое для крота
Его лопата?
Лопата — всё: жильё, питье,
Еда, зарплата.

Трудились все, учились все,
Все пили, ели.
Теперь стою я в стороне
От общей цели!

2004

* * *

Как приятно бывает подраться,
Кой-кому тумачков надавать!
Но куда как приятнее, братцы,
Другу в драке советы давать.

Мастерством я могу поделиться.
Изучил я, рискуя собой,
Самбо, бокс, тхэк-вандо, джиу-джитсу
И обычный тупой мордобой.

Но хочу вам сказать по секрету,
Честь спортсмена молчать не велит:
Тот, кто слушает много советов,
Тот обычно бывает побит!

2004

* * *

У нас режим, уют, тепло
И градусник под мышкой.
И вот, как будто бы назло,
Сбежала мышка!

Сбежала, дождик бьет в стекло.
Забыла зонт-то,
А небо всё заволокло
До горизонта.

Промокнет мышка до костей,
До селезенки.
Нужны повязки ей скорей,
Бинты, пеленки.

Прилипнет хворь, со мной не спорь —
Коклюш, ангина,
Бронхит, холера, язва, корь
И скарлатина!

Найти, поймать, скорей в кровать,
В постель беглянку!
А снимут стресс тепло, компресс,
Горчичник, банки!

2004

* * *

Раз, два, три, четыре, пять,
Ночью еж ходил гулять,
Но на это нам, ребята,
Совершенно наплевать!

2006

* * *

Люблю, когда на небе
Блеснет луны пятак,
В порыве вдохновенья
Забраться на чердак.

Летучей тучей мысли
У вас над головой,
А звезды в щелях крыши —
Дотронуться рукой.

И улетают мысли
Далёко-далеко,
И рифмы, точно искры,
Рождаются легко.

2005

* * *

Какой денек!
К чему тетрадки, книжки, перья!
Я прыг, я скок,
Чуть что — за дверь я!

Пенек, не стой,
Косясь так мрачно на дорогу!
Иди за мной,
Узнаешь много.

Как хороши
Цветы и травы, лес и поле.
Пой от души
И прыгай вволю!

2004

* * *

В краях я многих побывал,
Постранствовал по свету.
Не верьте, если скажут вам,
Что выхода здесь нету.

Всегда открыто что-нибудь,
Подумайте немножко —
Окно на первом этаже,
Чердачное окошко.

А там вас ждет подземный ход
Пошире и поуже...
Везде есть лестница внутри
И лестница снаружи.

Есть черный ход, окно в подвал,
Решетки, лазы, люки.
В краях я многих побывал,
Я знаю эти штуки!

2004

ПЕСЕНКА ЛОСЯ

Любите кусты, любите цветы!
Любите, любите природу!
И наши кусты, и наши цветы
Топтать не давайте народу!

Топчу я цветы и ем я кусты,
Но долго рыдаю потом я!
И грустный стою, и ночью не сплю,
Себя ощушаю кустом я.

2004

КРОЛИК

Пусть мир жесток. Лиса и волк
Наверно, существуют.
А кролик прыг, а кролик скок,
Бежит и в ус не дуется!

Блестит река. Поля, луга
Засеял тополь пухом.
И жизнь легка, и жив пока,
И чешется за ухом.

Мне не понять тоску зверей,
Когда в желудке пусто.
Среди полей есть лук-порей
И заячья капуста!

2005

КРОЛИК ИЩЕТ НОСОК

Меня, наверно, спутал бес,
Защекотал до колик.
Зачем пошел я ночью в лес,
Слегка трусливый кролик?

От страха можно умереть —
Бьют по глазам иголки,
Здесь каждый куст тебе — медведь,
А кочки точно волки.

И почему-то шерсть дрожит
И сердце не в порядке...
Над ухом крикнет птица выпь —
Душа уходит в пятки!

Толчками кровь стучит в висок,
И зубы ноют тупо.
В такую ночь искать носок
В лесу, конечно, глупо!

2005

НОСОК ИЩЕТ КРОЛИКА

Возле болота сосновый лесок.
Кролика по лесу ищет носок.

Страшно в лесу, одиноко носку,
Волчий концерт навевает тоску.

Мне на стиральную доску пора,
Каши давно уже просит дыра!

Что за хозяин, стыд просто и срам,
Вечно теряет меня по кустам!

— Кролик, ты где? — еле шепчет носок.
— Здесь я, носок! — слышит он голосок.

2005

* * *

Я очень спортивный,
Подвижный, активный
И быстро так бегаю кросс,
Что часто бывает —
Я перегоняю
На финише собственный хвост.

В далекой Канаде
На Олимпиаде
Запрыгнул я так далеко,
Что долго искали,
Кому дать медали.
Найти не могли никого!

Я зря не болтаю,
Я вас уверяю:
Хоть сила моя не видна,
Я зайца быстрее,
Я тигра смелее
И много сильнее слона!

2005

* * *

Чем дальше от забот и бед,
Тем мысли выше.
Живет художник и поэт
Под самой крышей.

Здесь ты один, здесь ты ничей
Здесь дышишь вольно —
В высокой башне, в каланче,
На колокольне.

И улетает далеко
Душа в отваге,
И рифмы сыплются легко
На лист бумаги.

2005

КРЫСС

Я корень зла, ботва порока!
Всех уничтожу раньше срока!

2005

* * *

И в труде, и в спорте первый,
Я мечтаю об одном:
Кем я, кролик, быть хотел бы?
Ну, конечно, бегуном!

Быть отважным, сильным, смелым,
Не бояться, не дрожать,
А когда дойдет до дела...
Можно просто убежать!

2005

* * *

Нынче я стою на страже!
Что разбойник, что бандит,
Чем страшней, тем лучше даже!
Только сунься — будешь бит!

Я вам прямо заявляю
Изобью, поколочу,
Искусаю, изваляю.
Что с ним будет... Я молчу!

2004

ЛОСЬ

Лес хоть редкий, хоть густой,
А без лоса лес пустой.
Лось и лес почти родня,
Друг без друга мы ни дня!
Лес недавно даже вырос
На макушке у меня.

2004

КРОТ

У меня такая хата!
Только слишком длинновата,
Кривовата, узковата,
Вся засыпана землей.

Только я не унываю,
Всё копаю и копаю,
Потому что счастье, дети,
Лишь в учебе и труде.

2004

Восьмилетняя Катя за пианино

БОБЕР

Вот все говорят — я не очень умен,
И хатка моя без дверей и окон.
Зато в ней запасов немало,
Зато ничего не пропало!

Что толку иметь десять пядей во лбу,
Да не во что лапы зимою обуть,
Пальто — на заплате заплатата!
И вся проморожена хата.

И не на чем спать, без перины кровать,
И ходят к соседу, чтоб соли занять,
И щи уже в миске прокисли,
Зато в голове у них — мысли!

2004

* * *

Я думал, вмиг его найду,
За сорок верст почую!
А он все время на виду
И днюет и ночует!

Я сам себе понавредил,
Уж звери смотрят косо.
Преступник за нос всех водил
У сыщика под носом!

Да, что же делать, признаюсь,
Я сильно одурачен.
Но трубкой дедушки клянусь —
Преступник будет схвачен!

2004

ПРИВИДЕНЬЕ

Тренируйся хоть лет до ста,
Привиденьем стать не просто.
Чтобы в этом преуспеть,
Нужно кой-чего уметь:

Раз. Уметь греметь костями
Два. Уметь звенеть цепями
Если спится вам, уметь
Половицами скрипеть.

Или для проверки слуха
Громко сзади гукнуть в ухо
И, чтоб люди пали ниц,
Искры сыпать из глазниц.

В жутком белом одеянье
Проходить сквозь стены зданий
И пугать ночных гуляк
Ради шутки. Просто так!

Ночью, как во все эпохи,
Издавать глухие вздохи
И светиться изнутри
От зари и до зари!

2006

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ПРИЗРАКА

Спи, прозрачный призрак мой,
Глазки блеклые закрой!
Забирайся в белый кокон.
Бледный месяц мимо окон
Проплывает в облаках
С белой лилией в руках.

2006

* * *

Корни как-то с кроною
Чуть не подрались:
Корни лезут в землю,
Крона — в небо, ввысь.
Дерево не хочет в дальние края,
Где душа у дерева, знаю только я.

2006

* * *

Ах, как хочется мне быть счастливой!
Вместе с ветром по веткам летать,
И расчесывать дереву гриву,
И из тучки его поливать!

2006

* * *

Добрее нет, известно нам,
Людей, чем мамы наших мам:
Накормят и напоят,
Уложат и укроют!

2006

* * *

Ель, терновник, колкий мох,
Пни, репы, чертополох —
Искололись все как есть!
Дайте что-нибудь поесть!

Ох, намучились, бедняги!
Всю одежду о коряги
Ободрали дочиста!
Очень кушать хочется!

2006

* * *

Весь народ поет и пляшет.
За столом накрытым нашим
Ради праздника такого —
Пирог и самовар.

Ради праздника такого
Буду я хорошим снова,
Укуси меня корова,
Забодай меня комар!

2006

* * *

Опять вползает Он из тьмы.
Шуршит, ворчит, хохочет,
Скрипит дверьми, вздыхает и
Топочет среди ночи.

Не спите вы — и Он молчит;
Лишь только вы уснули —
В стакане ложкою стучит
И двигает кастрюли!

2006

* * *

— Привиденье, привиденье,
Ты чего?
— Я ничего.
— Ты кого теперь пугаешь?
— Что пристал-то,
Сам ведь знаешь —
Не пугаю никого.
— А чего ты?
— Ничего.

2006

* * *

Мы идем ловить — кого?
Сами плохо знаем.
Не боимся мы его,
Мы его поймаем.

Хоть мы все за одного,
Всякое бывает.
Если вдруг не ты его —
Он тебя поймает!

Верят мне мои друзья —
Клятвы не нарушу!
Не показываю я,
Что немножко трушу.

2006

* * *

С братьями грустно девчонке бывает:
Что-то мальчишки всегда затевают,
Сзади увяжешься — их не догонишь,
Будешь подглядывать, скажут — шпионишь!

2006

* * *

На земле и там и тут
Звери глупые живут.
Только все растения,
Безусловно, гении.
Потому что все кричат,
А растения молчат.

2006

* * *

Не сажайте под замок,
Я исправлюсь, дайте срок!
Напоите, накормите,
Не гоните за порог!

Зло я делал как в бреду
Сам себе же на беду.
Не губите, отпустите,
Я на цыпочках уйду!

Я по правде буду жить,
Буду дружбой дорожить.
Не губите, отпустите,
Буду с мухами дружить!!

Я хороший, не шучу.
Математику учу.
Не раскаюсь, так ругаюсь —
Всем хвосты пооткручу!

2006

* * *

Плывут капитаны, матросы
Туда, где растут абрикосы.
И юнги стремятся в те страны,
Где есть ананасы, бананы...

А чтобы вас ветром не сдуло,
Чтоб в море не съела акула,
Держитесь покрепче, матросы,
За шкоты, рангоут и тросы!

2007

* * *

Не зная ни верха, ни низа,
Парю я над скопищем крыш.
Ведь днем я обычная Зыза,
А ночью — летучая мышь!

Ты спишь? Ты спишь?
Я ночью летучая мышь!

Во мне есть могучая сила:
Могу я, когда захочу,
Съесть ваше дневное светило,
И звезды потом проглочу.

Ты спишь? Ты спишь?
Я ночью летучая мышь!

И если, правителю мира,
Вы все не поклонитесь мне,
Как в сыре, как в сыре, как в сыре,
Наделаю дыр на луне!

Ты спишь? Ты спишь?
Я ночью летучая мышь!

2006

* * *

Сидят все куры
На яйцах в яме,
А я не дура —
Несусь статьями.
Остановись!
Один момент!
Я — журналист.
Корреспондент.

2006

СКВОРЕЦ

Скворец — звезда.
 Поет всегда,
 В любое время.
 Чуть что, поверь,
 Скворцу за дверь
 И ногу в стремя!
 Что было сил,
 Я голосил
 Повсюду в мире:
 И во дворе,
 И в кабаре,
 И на квартире!

Скворец трень-брень
 И в ясный день,
 И в непогоду.
 Готов помочь
 Вам перевозмочь
 Свою невзгоду.
 Приход весны
 Я возвещу
 Веселым свистом.
 Исчезнет грусть,
 Когда пройду
 По всем регистрам!

Свистеть везде,
 Свистеть всегда,
 И в дождь, и в стужу!
 Всё ерунда,
 Я никогда
 Не сяду в лужу.
 Всегда со мной
 Большой толпой
 Мои фанаты.
 Готов я петь,
 Пусть платят треть.
 И без зарплаты!

2006

* * *

Опасайтесь, звери, стресса,
 Находясь под прессом прессы!

2006

* * *

Шагать, шагать, не отставать,
 Ведь Зыза где-то рядом!
 Никто, никто не должен знать,
 Что мы идем за кладом.

Враг где-то рядом, не зевай,
 И он отнюдь не прост.
 Повыше лапы поднимай,
 Держи ровнее хвост!

Закон простой: иди, не стой,
 Не ввязывайся в бой.
 Пусть даже кот идет с тобой,
 Ты думай головой.

Мы знаем, как один герой
 Решил ввязаться в бой,
 И нужно помнить нам о том,
 Что стало с ним потом.

Шагать, шагать, не отставать,
 Ведь Зыза где-то рядом!
 Никто, никто не должен знать,
 Что мы идем за кладом.

2006

* * *

Я не хуже всяких прочих.
 Не пройдет, друзья, и дня,
 Пусть не сразу, пусть не очень —
 Вы полюбите меня.

Потому что в каждом звере
 Зыза есть в какой-то мере,
 И в какой-то мере я —
 Друг вам, брат вам и родня!

Может быть, я обижаю —
 Это всё по простоте.
 Я гуляю, щеголяю
 С пышным бантом на хвосте.

Потому что я хороший
 Относительно галоши.
 И не так мой голос груб,
 Как у толстых медных труб.

2006

ЗА КЛАДОМ

Идем который день подряд,
 Прошли уже немало.
 Зачем нам клад? Нам нужен склад,
 Где много-много сала!

Всем нужен клад, и каждый рад
 Искать его по миру.
 Зачем нам клад, нам нужен склад,
 Где много-много сыру!

Мы стерли пятки и хвосты
 В кустах поободрали.
 Отыщем клад, а в нем еды
 Найдем себе едва ли!

2006

КЛАД

По лесам и по болотам,
 При жаре и под дождем
 Нас ведут искать чего-то.
 Неизвестно, что найдем!

Не ищите клад, ребята,
 Пусть поищут дурака!
 Давят спины нам канаты,
 Лом, лопата и кирка.

По всему по белу свету
 Ковыряют там и тут.
 Если точной карты нету,
 Клад искать — напрасный труд!

Даже если точно знаешь,
 Где закопан медный грош,
 Все равно ты потеряешь
 Втрое больше, чем найдешь!

2006

* * *

Должны вы понять и на лбу записать:
 Я — Зыза, меня никому не поймать!
 Я — Зыза, я самый великий актер.
 Я котика носик утер!

Я — Зыза. Я первый всегда и везде.
 Не дружишь со мною — тогда быть беде!
 И зуб мой остер, и язык мой остер,
 Я котика носик утер!

И то, что я взял, никому не отнять.
 Достаточно вам на судьбину пенять:
 Владею по праву, не тать и не вор.
 Я котика носик утер!

2006

ПЕСЕНКА МЫШЕЙ

Темной ночью, страшной ночью
 Не ходите, звери, в лес.
 Темной ночью, это точно,
 Звезды падают с небес.

Топ-топ, шлеп-шлеп,
 Обойдем планету.
 Лишь бы Зыза не узнал,
 Что нас дома нету!

Для прогулок ночь — не время,
 Не ходи. Не будь дурак —
 Упадет тебе на темя
 Овен, Рыба или Рак!

Топ-топ, шлеп-шлеп!
 Обойдем планету.
 Лишь бы Зыза не узнал,
 Что нас дома нету!

2006

* * *

Одним махом взлетаю на ель я,
 Легким пухом по кедру кружу.
 Я вяжу из грибков ожерелья,
 Из орешков я бусы вяжу.

2006

* * *

Я измерила кота
 От усов и до хвоста.
 Хоть гони меня взашей —
 Ровно двадцать пять мышей!

2006

* * *

На пиру и на охоте,
 И в крапиве, и в болоте,
 В молоке, в воде, в компоте —
 Мышь нигде не пропадет.
 Потому что ей поможет,
 Ведь иначе он не может,
 Обязательно поможет
 Гениальный супер-кот!

2006

* * *

Море зеленое, Белый прибор. Носим соленые Робы с тобой	Бросили сушу — Была не была, Выбелим души Себе добела!
---	---

2006

* * *

Ба-ба-бах! Вот это дело!
 Так ударила сова,
 Что едва не отлетела
 Спутник тела — голова!

2006

* * *

Вот, друзья, вам мой совет:
 Не надейтесь на прыгучесть,
 На дергучесть-царапучесть.
 Незавидна ваша участь —
 Сильных много, умных нет.

2006

* * *

Мы очень, очень, очень
Отчаянный народ,
Уж если мышь захочет,
Она везде пройдет.

Идем не в одиночку,
Ведет нас храбрый кот.
А если мышь захочет,
Она везде пройдет.

Купи замки потолок,
Прикрой плотнее дверь,
Но если мышь захочет —
Пройдет в любую щель.

И днем, и темной ночью
Злодея мышь найдет.
Ведь если мышь захочет,
Она везде пройдет!

2006

* * *

Мне загадки нипочем.
Очень, очень я учен!
Всё решу моментально я,
Голова гениальная!

2006

ЕЖ

Мне пора бы на покой.
Стал забывчивый такой:
Нюх не тот, глаза не те —
Плохо вижу в темноте!

2006

ФИТЬ-ФЬЮТЬ

Я певец-скворец, фить-фьють,
Распеваю песни.
Что бы ни было, фить-фьють,
Я пою, хоть тресни!
Все друзья вокруг, фить-фьють,
Распевают хором.
Даже псы, и те, фить-фьють,
Воют под забором.

Мне приходится, фить-фьють,
Что же, каюсь, грешник,
Как вернусь, опять, фить-фьють,
С бою брать скворечник.
Разъезжаю я, фить-фьють,
По заморским странам,
Этой музыки, фить-фьють,
Не понять баранам.

2006

ФЬЮТЬ-ФИТЬ

Приятно быть скворцом, фьють-фить,
Во фраке, в черных перьях.
Весну ребятам приносить,
Фьють-фить, одним из первых!

Но зачастую так, фьють-фить,
Пока ты был на юге,
Дом заселили воробьи
И их, фьють-фить, подруги.

Но воробей, он может жить
В застрехах, в щелях, в дырах,
А нам, скворцам, нужны, фьють-фить,
Приличные квартиры.

2006

ЗЫЗА

Была я мышь бегучая,
Теперь я мышь летучая.
Летаю выше тучи я
И крыльями машу.
Погода нелетучая,
Но все равно я лучшая,
Прекрасная, могучая!
Не веришь — укушу!

2007

* * *

Я искал по лесу гриб,
Так орал, что весь охрип!

2006

* * *

Сгрыз от злости злюка Зыза
Дом от окон до карниза.
Нервный Зыза очень,
Зыза зубы точит.

2006

* * *

Вот еще, я помню, было —
Рыба-молот-меч-пила
Наш корабль распилила,
Поколола на дрова.
Не хочу я больше встреч
С рыбой-молот, рыбой-меч!

2007

* * *

Машинам, им нужны всегда
Хорошие дороги.
А нам дороги — ерунда:
В пути нас выведут всегда,
Нас к цели вынесут всегда
Выносливые ноги.

Что нам горючее — пустяк!
Друзья, судите сами:
Шофер заполнит бензобак,
Всегда заполнит бензобак
Горючими слезами!

Так что ж, вперед! Звезда зовет
Пройти пешком полмира.
Идем, друзья, не налегке:
Всегда найдется в рюкзаке,
Да, да, найдется в рюкзаке
Для нас головка сыра!

2006

* * *

Пираты сотню лет назад
Разграбили полцарства!
В их крытых медью сундуках —
Несметные богатства!

Таких сокровищ, ясно, мы
Не видели ни разу.
Рубинов красные огни,
Сапфиры и алмазы.

Здесь самоцветами блеснят
И кольца, и браслеты,
И тусклым золотом горят
Старинные монеты!

2007

* * *

Что ушли, ребяташки,
От родимых хат? Фьють!
Рваная тельняшечка
Да морской бушлат.

Что груstim, соколики?
А мы не груstim. Фьють!
И родился голеньким
И умрешь таким.

Отдавай-ка денежки,
Облегчи карман! Фьють!
Никуда не денешься —
Море-океан.

Эх, заморская земля,
Волны до небес. Фьють!
Грабим не богатства для,
Важен сам процесс!

2007

ПИРАТСКАЯ

Мы ребята спокойные,
Покудова сыты.
Мы совсем не разбойники,
Так, немного бандиты.

Отправляем купцов на дно,
Контрабандистов.
Мы живем очень медленно,
А едим очень быстро.

Животам нашим голодно,
То, что было, не помнят.
Отдавай-ка нам золото,
Или будешь покойник.

2007

Внучка Настенька, декабрь 2008

* * *

Срослись с лопатой они.
Должны все звери знать:
Пирата хлебом не корми,
Дай только покопать!

Пусть снег и дождик на дворе,
В руках до ломоты
И на заре, и в январе
Копают, как кроты.

Клянёт он ремесло свое,
Ему он сам не рад:
Не спит пират, не ест, не пьёт —
Закапывает клад!

И тут и там, во всех морях,
В поту, в грязи пират
На океанских островах
Закапывает клад!

2007

* * *

Мне, мышата, вот что жалко,
Я открою вам секрет:
Ведь у Зызы есть смекалка,
А у вас смекалки нет.

Каждый встречный вас обманет.
Без смекалки не житье!
Так что, чуть смеркаться станет,
Мы пойдем искать ее.

2007

СОВА

Я со всеми соглашаюсь, мол, «угу!».
Привечаю, помогаю, как могу.
Раздала друзьям такую денег тьму!
Почему меня не ценят — не пойму.

Я поила и кормила всех подряд.
Скучновата, жадновата, говорят.
Я их всех гораздо выше по уму,
Почему меня не слышат, не пойму!

Я запру, Угуха, двери на замок,
Занавешу плотно окна и глазок,
Заберусь в свою квартиру, как в тюрьму.
Почему меня не любят, не пойму!

Без движенья, выраженья, в тишине.
Муравьи уже скитаются по мне!
Собирать бы мне цветочки на лугу.
Нет меня. И хватит, точка. Ни гу-гу!

2006

* * *

Будьте хорошими ныне и впредь,
Предупреждаю заранее.
Париться в баньке полезно, заметь,
Только в хорошей компании.

Мыться с плохим, это сущий кошмар.
Если в ком есть червоточина,
То не помогут ни веник, ни пар —
Банька, считайте, испорчена.

2008

ПЕСЕНКА МЕТЛЫ

Где меня ни забывали —
И в опилках, и в грязи.
Мной ворота подпирали,
А теперь еще — вози!

До чего старуха злая,
Ночью ездит, днями спит.
Всё! Я больше не летаю —
У меня радикулит.

Ведь могла бы прогуляться,
Если б не было меня.
Не ахти какая цаца —
Обойдется без «коня».

Мой хребет погоду чует.
Как бы веником мне стать?
Веник, он в сенях ночует,
Ближе к печке, так сказать.

2008

* * *

Ты, Иван, людей не слушай,
Их слова — змеиный яд.
Это ж просто вянут уши,
Что про бабку говорят:

Мол, косая и кривая,
Неулыбчивая.
Мол, и вредная, и злая,
Неуживчивая.

А я вовсе не такая,
Это всё вранье, навет.
Я вообще-то молодая,
Мне от силы триста лет!

2007

БАБА-ЯГА — КОЩЕЙ

Ох, минуло столько лет-то,
Сколько зим!
Не таскаешь свой скелет-то
В магазин?
Открываешь, проверяешь
Сундуки?
Ну, а сам-то всё тощаешь
От тоски.
Ты, Кощей, напрасно злато
Бережешь.
Разменяй, купи мяса-то,
Ведь помрешь!

Тут Кощей куриной шеей
Покачал.
Ни жиринки на Кошее —
Отощал.

— Ты, старуха, про деньгу-то
Ни гу-гу!
Всё равно я в пост рагу-то
Не могу.
У тебя самой не очень
Бодрый вид.
От тебя, смотри, Ивашка-то
Сбежит.
У другого — те соломинка
Видна,
У себя в глазу не видишь
И бревна!

2007

ПЕСЕНКА КОЩЕЯ

Никого я не люблю,
Я пошел в свою родню,
А родня любила,
Чтоб уныло было.

Вечно я девчонок бил,
Вечно бил посуду.
Никого я не любил
И любить не буду.

Малых деток я боюсь,
Не люблю их очень.
Ведь люблю я скуку-грусть,
А они хохочут.

Бабку-Ёжку не терплю.
Тоже мне, особа!
Никого я не люблю,
А её особо!

Протекли сквозь решето
Счастье и удача...
Не любил меня никто,
Ну а я — тем паче!

2008

* * *

Пусть все болеют и стареют —
Таков закон.
Ты никогда не будешь, верь мне,
Таким, как он!

Не верь ему, скачи беспечно
И там и здесь.
Ты будешь вечно, вечно, вечно
Таким, как есть!

2004

* * *

Нависли над крышею кроны,
Хозяева леса не спят:
Снуют деловито вороны,
Сороки трескуче кричат.

Судачить с утра и до ночи
Сороки, вороны не прочь:
— У Бабки-Яги есть сыночек,
Нет, все-таки, кажется, дочь!

А в небе поют жаворонки,
За лесом скрипит коростель.
Из мха у девчонки пеленки,
Солома в корзине — постель.

Январь 2008

* * *

Кто, скажите, с дураком
Не знаком?
Не удержишь дурака
Под замком.
Не лежится на печи
На боку.
Снятся битвы да мечи
Дураку.

Может, в чашу он забрался
Со сна?
Он ведь может заплутать
В трех соснах.
Видно, так уж повелось
На веку,
Что остаться дураком
Дураку.

Чтоб не лез дурак с оглоблей
 К быку,
 Приучали дурака
 К верстаку.
 Только толку, что с быка
 Молока.
 Ну, да что с него возьмешь,
 Дурака?

То спасает он царевну
 За так,
 То гоняет по деревне
 Собак.
 Не найдет себе он дела
 Никак,
 Ну, да что тут будешь делать —
 Дурак!

2008

* * *

Царь-Кощей объелся щей
 И заkis до срока.
 И построил наш Кощей
 Замок кособокий.

Переходы, чердаки,
 Залы да подвалы...
 Сам тощает от тоски,
 Выглядит усталым.

Позавидуешь судьбе
 Тех, кто хоть немножко
 В деревянной жил избе
 На куриных ножках.

2008

СТРАШИЛКА ВОДЯНОГО

Дом мой — тихие омуты.
 Ни на что не похож.
 Не доедешь до дому ты,
 Если в омут нырнешь!

А нырнешь опрометчиво,
 Так не плачь и не ной.
 Здесь останешься вечно ты,
 Как и я, водяной.

Точно бревна, на дне его
 Отдыхают сомы.
 Доплывают до берега
 Лишь русалки да мы.

Так что лучше не пробуйте
 Побарахтаться тут.
 Все останутся в омуте,
 Если в омут нырнут.

Поплывут по течению
 Облака и века.
 Звезд полных свечение —
 Серпантин с потолка.

Белым вышитый золотом,
 Позовет Млечный путь.
 Не расстанешься с омутом,
 Если в омут нырнуть.

2008

* * *

Солнце красным колесом
С горки покатилося,
Всё живое пред лицом
Ночи притаилось.

Ночь окутала поля
В белые туманы,
Спит усталая Земля,
Дремлют океаны.

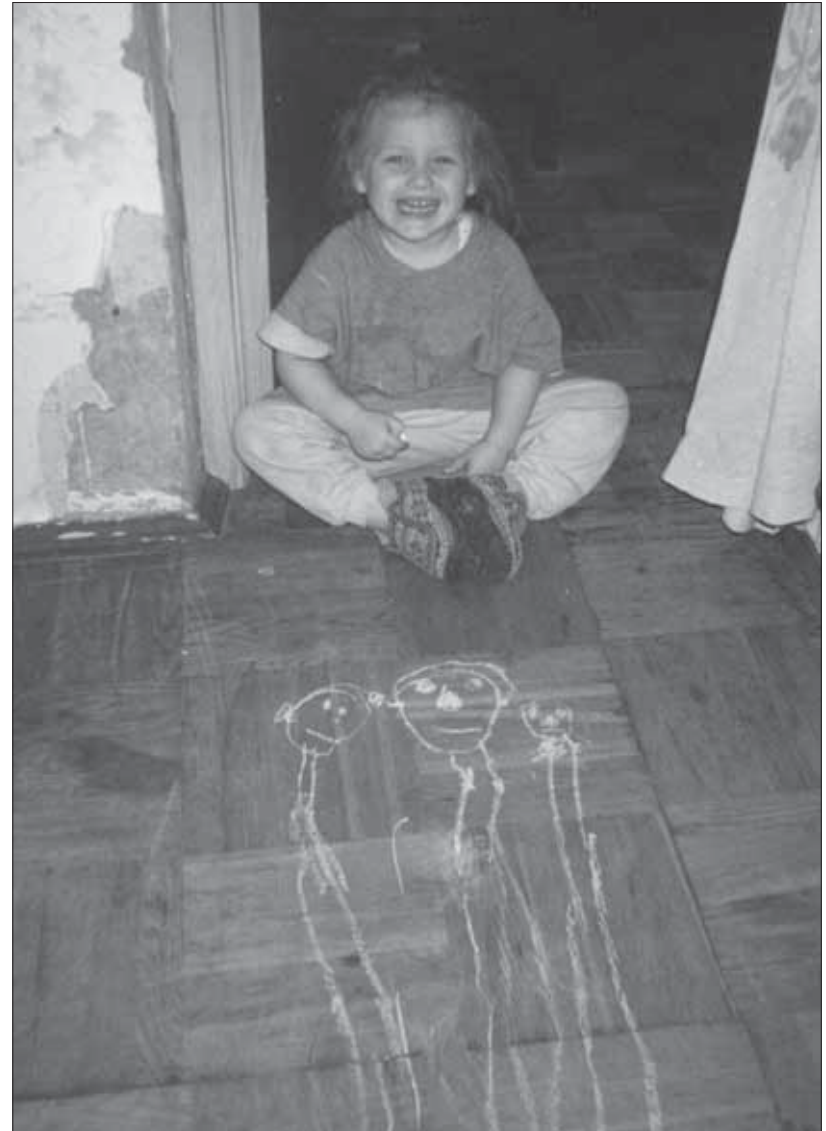
Коростель скрипеть устал
За лесной опушкой.
Даже леший перестал
Тукать колотушкой.

Ветерок летал, летал
И прилег на крыше,
В баньке банник задремал
Веником укрывшись.

Домовой уснул давно,
Спрятав нос под печку,
Только в синее окно
Светят звезды-свечки.

Всё на свете обойдешь —
Нет милее дочки.
Будет утро, подрастешь
Хоть на ноготочек.

16 июля 2008

Настенька рисует на полу

БАБА-ЯГА ПРО ИВАНА

С кем он дружит, хороводит
 Посреди заморских стран?
 Ходит, бродит, не находит,
 Сам не зная что, Иван.

Чтоб взяла его тряся,
 Леденя и понос.
 Чтоб хрипуша въелась в душу,
 Довела его до слез!

Чтоб жилось ему несладко!
 Но Иванов этот род
 Никакая лихорадка,
 Лихоманка не возьмет!

Чтоб тоска его забрала!
 Только что-то от тоски
 Я ни разу не слыхала,
 Чтобы мёрли дураки!

2008

* * *

Вышла светлая луна
 Из своей светелки,
 Едет бабушка-Яга
 На своей метелке.

Не играет пастушок
 На своей свирельке.
 Спи, Ивашка, спи, дружок
 В тепленькой постельке.

2007

* * *

Очень важно для Яги
 Утром встать не с той ноги,
 Чтобы день пошел потом
 Как попало, кувырком.

Чтоб еда была невкусной,
 Пахло кислую капустой,
 Чтоб рубаха и капот
 Были задом наперед.

Чтоб споткнуться на пороге,
 Растянуться на дороге
 (Вечно хмурый черный кот
 У дороги бабку ждет).

Чтобы зелье не варилось,
 Чтоб метла запропастилась,
 Чтобы ждать дурных вестей
 От непрошенных гостей.

Чтоб пропали сапоги,
 Чтоб сгорели пироги...
 Очень важно для Яги
 Утром встать не с той ноги.

2008

КОТ БАЗИЛИО

Коту пода-а-йте хлеба корку,
 Белужку, семгу и икорку.

2006

КАРАБАС-БАРАБАС

Не страшный я, я просто душка!
 А плетка — это так, игрушка!

2006

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА КОТА

И я был молод, как и ты.
Коты гулять умели,
От темноты до темноты,
Как ты, мы песни пели.

Таких певцов теперь уж нет,
Ручаюсь головою.
Ведь зажигался в окнах свет
От нашего от воя!

Домой плетешься в темноте,
Издран в страшной драке.
Но заживали раны те
Совсем как на собаке.

Любил поспать, любил поесть
И, отрицать не стану,
Любил украдкой залезть
До пояса в сметану.

Теперь гульбе моей конец,
Стал на мышей охотник.
Как говорится, сам певец,
Сам швец, сам жнец, сам плотник.

Никто теперь уж не нальет
Коту сметаны плошку,
Никто коту не принесет
Из озера рыбешку,

Подушку не взобьет мою,
Не принесет мне чаю.
Сам колыбельную пою
И сам себя качаю.

2008

КУКУШКА

Мое гнездо искать не стоит —
Напрасный труд.
В моем роду домов не строят
И гнезд не вьют.

Ни в травах-мхах, ни по деревьям,
Ни по кустам.
Растут, однако, кукушата
И тут и там.

Зимой меня не надо слушать,
Иди, не стой.
Никто не знает, где кукушка
Живет зимой.

Зато весной в лесу, в болоте
И на лугу
Вы неожиданно найдете
Мое ку-ку!

2003

ЗАГАДКА

В океане слон живет:
Морда там же, где живот,
Ночью грабит, дрыхнет днем,
Восемь хоботов на нем.
Он размером бесподобный,
Для него корабль — съедобный.
Дело любит он одно —
Хвать кораблик и на дно!
По секрету эти страсти,
Побывав в слоновой пасти,
Рассказал один скелет.
Хочешь, верь, а хочешь — нет.

2007

МЕРА

У нас немерено друзей!
Кого ни встретишь, всех измерь.

Я знаю много мерных стран.
Я много мерил океан.
Никак! Велик! Но я не сник.
Я буду мерить материк.

Я буду мерить без конца
Братишку, маму и отца.
Себя быстрее измерь-ка,
Где мерная линейка?

Ведь надо же измерить,
Пройдет ли мерин в двери.

2006

ТАРАКАН

Нехороший, злой, плохой таракан!
Он залез вчера в мой чистый стакан.
Он мочил в моем стакане усы,
Полоскал в моем стакане трусы.
Он носки сушил на кромке стакана!
Ненавижу, не люблю таракана.

2005

* * *

Лучше сидеть, чем лежать,
Лучше стоять, чем сидеть,
Лучше бежать, чем стоять,
И никогда не болеть!

2006

* * *

Зной и стужа, голод, жажда,
Боль, усталость, страх, испуг...
Ни о чем не думай даже,
Если рядом верный друг!

Друг поможет, друг подскажет,
Даст попить и даст поесть.
Пыль сдувать с вас будет даже
До... Пока не надоест.

2004

СТАРАЯ КАРТА

Старая карта висит на гвозде.
Карта, видать, побывала везде.
Вся поистлела, истерлись края,
Не разберешь, где вода, где земля.

Сопки стоят под зеленой водой.
Желтый песок заливают волной.
Лес затопило, верхушки торчат.
Раки живут на горе Арарат.

Канула в Лету, нету земли.
Над городами плывут корабли.

2006

* * *

Не пытайтесь всё сделать правильно,
Очень правильно не бывает!
Тут неправильно, там неправильно,
А как надо — никто не знает!

2007

* * *

Нарисуем дирижабль
И космический корабль,
Самолет, ракету,
Чтобы мчать по свету
Между солнцем и луной
Межпланетной стороной!

Долететь до дальних звезд,
До кометы — длинный хвост,
До колец Сатурна
Было бы недурно!

2007

* * *

Вот так шея, ну и ну..
Эй, жираф, достань луну!

2006

* * *

Очень трудно носорогу
За своим гоняться рогом.
Утром чуть глаза открою —
Рог опять передо мною!

2006

* * *

Взял книгу «Бегемот», а там
Написано: «Гиппопотам».

2006

* * *

У слона огромный нос:
Нос-рука и нос-насос,
Нос-фонтан и нос-таран,
Нос — большой подъемный кран!

2006

ВЕРБЛЮД

Долго он живет, ребята,
Без питья и без еды,
Он в горбах своих запрятал
Бочку целую воды!

2006

* * *

Кит могуч и так велик,
Как огромный материк.
Шевельнул хвостом — вода
Затопила города.

2006

* * *

Мой славный кораблик
Всегда на плаву.
Я в дальние страны
На нем поплыву.
Увижу моря, океаны,
Приливы, отливы, вулканы!

2006

* * *

Какая досада для детского сада,
 Что нету в поселке у нас зоосада!
 В болоте есть лоси, в бору мишка бродит,
 Но кто же решеткою их огородит?
 В полях пребывания зайца приметы,
 Но кто же продаст в это поле билеты?
 Кричат глухари, голубицы воркуют,
 Да только в лесу эскимо не торгуют.
 Дубы там большие, могучие ели,
 Но горки там где, карусель и качели?
 Там ослик тебя не прокатит в повозке,
 Там только осины стоят да березки.

2003

ДЕД МОРОЗ

У Белого моря средь белого снега,
 Где так замело — не проедет телега,
 Меж елок и пней там тропинка петляет,
 В санях без коней Дед Мороз разъезжает.

О дней черед не заботясь нимало,
 Ведет, извините, себя как попало.
 Не смотрит «Вестей», не читает газету,
 То сделает зиму, то сделает лето!

Дождем вас зимой поливает для смеха,
 От снега весной ни пройти, ни проехать.
 Смущает ребят безобразия это.
 Не могут понять, где зима, а где лето.

Гуляют зимой, летом учатся в школе...
 Мы Деда Мороза с работы уволим!

2000

* * *

Мы, рыбы, в море хорошо
 Прожить могли бы.
 Но множество у нас врагов.
 Да те же рыбы!

2006

СТИХИ НА ЧЕТЫРЕ ДЕЙСТВИЯ

Так мыслил пращур наш, кладя
 Дубину в изголовье:
 Как приумножить для себя
 Баранье поголовье?

Как бы у недруга отнять
 Барана утром рано,
 И что к нему приплюсовать,
 Чтоб было два барана?

Как нападение отбить,
 Чтоб неповадно было,
 И как барана разделить,
 Чтоб каждому хватило?

Но сон мыслителя сморил.
 Во сне всё было мило...
 Баранов по степи водил.
 И в животе бурлило.

2007

* * *

Гордый пес неспешно нес:
 Три медали, лапы, хвост,
 Уши, нос, ошейник-сбрую...
 Я всего не нарисую.
 А хозяин гордо нес
 То, за что привязан пес!

2004

БУРАТИНО

Оттого, друзья, наверно
Счастье в руки мне далось —
Голова-то из полена!
А у вас, конечно, кость?

2006

ПЬЕРО

Такая мне досталась роль —
Не принц, не рыцарь, не король.
Я бедный музыкант, я плачу,
Я в жизни ничего не значу!

2006

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой зайчонок, любимый малыш,
Дремлют деревья, кусты и камыш,
Птички расселись по гнездам,
Спи, мой малыш, уже поздно.

Ночь наступила, тиха и темна,
Спит, облаками укрывшись, луна.
Ночь даже звезды задула,
Солнце за лесом уснуло.

Дремлют стрекозы у сонной реки,
Спят пауки, червяки и жуки,
Спят лягушата и рыбы.
Угмонился и ты бы!

2006

ЖИВОПИСЬ, ВИТРАЖИ, ГРАФИКА

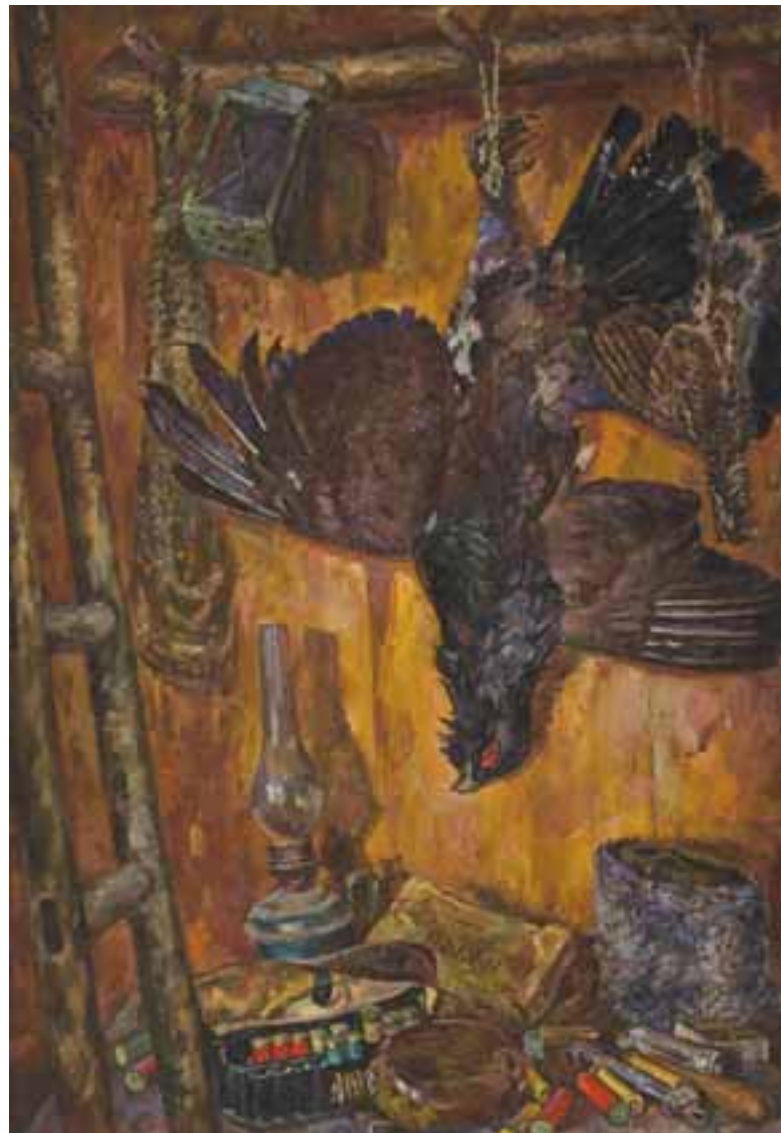

Резчик по дереву. Х., м. 160×190. 1973
Дипломная работа

Разорённое гнездо. X., м. 96×78. 1992

Глухарь. X., м. 124×87,5. 1988

Ползуце тени. X., м. 47×80. 2007

Наследство бабки Дарьи. X., м. 99×121. 1988

В. Рабчинский. X., м. 85×61. 1991

А. Можайский. X., м. 89×70. 1994

У старой баньки. X., м. 120×195. 1992

Автопортрет. Х., м. 84×70. 1978

Константин Иванов. Х., м. 90×80. 2001

Дубки у болотца. Х., м. 70×90. 1999

Село Гридино. Туман. Х., м. 60×82. 2006

Дорога в деревне Остров. Х., м. 33×47,5. 1995

Мыс у села Гридино. Х., м. 60×120. 2001

Апрель на Белом море. Х., м. 90×90. 2008

Сумпосад. Большой Мельничный порог. Х., м. 65×120. 2005

Кабанья тропа. Х., м. 50,5×100. 2008

Белое море. Мыс на Кондострове. Х., м. 67×120. 2002

Дорога в вологодском лесу. Х., м. 60,5×80. 1997

Июнь на Каткане. Х., м. 60×80. 2004

Лодки у порога. Х., м. 38×52. 2001

К. М. Сергеев. Х., м. 80×64. 2000

В. Сысуюв. Х., м. 85×60. 1980

Речка Люта. Черемуховая пора. Х., м. 50×70. 1995

В. Тюленев. Х., м. 47×38. 1989

Катюша. Х., м. 64×47. 1993

Мыс у села Гридино. Последний лед. Х., м. 50×90. 2007

Вечер в селе Гридино. Х., м. 60×80. 2007

Вода и камни. Кондостров. К., м. 39×41. 2002

У самого Белого моря. Х., м. 42×70. 2002

Апрельские перелески. Х., м. 35×74,5. 2002

Сумпосад. Амбары у воды. К., м. 30×37,5. 2003

Художник Рома. Х., м. 43×51. 1987

Лед и скалы. X., м. 74×115. 2008

На Топозере. К., м. 24×49. 2001

Амбарчик у леса. X., м. 35×70. 2008

Поздняя осень. К., м. 22,5×32,5. 1998

Речка Люта. Июнь. Х., м. 60×68. 1995

Апрель. Красная вода. Х., м. 60×70. Конец 1990-х

Рыбы. Х., м. 100×70. 2009

Золотой сентябрь. Х., м. 30×40. 1998

Алые паруса. Витраж. 1974. Совместно с Т. Тетеровской

Трубач. Витраж. 1974. Совместно с Т. Тетеровской

Возвращение. Х., м. 220×195. 1980-е

Калгалакша. Дом Макаровны. 2001

Пяозеро. Причал. 2001

Грибы с туесами. Х., м. 90×100. 1982

Белое море. Гридино. 2001

Гридино. Карбасы на берегу. 2001

Портрет геофизика В. Иванова. Х., м. 1980-е

В деревне Остров. 1988

Лодочный амбар в Сумпосаде. 2003

Амбар в деревне Остров. 1988

Академические рисунки. Начало 1970-х

Старый сруб. Село Починки. 1996

Портрет отца. 1965

Портрет В. Тюленева. 1980-е

В деревне Остров. 1988

Портрет К. Иванова. 1987

Портрет В. Лысанова. 1980-е

Амбар в селе Гридино. 2004

Автопортрет. Х., м. 1970-е

СТИХИ, ПОСВЯЩЕНИЯ

* * *

Писатель вам не что-нибудь,
Талант отмечен Богом!
Прибавьте также тяжкий труд
Над стилем и над слогом!

2006

* * *

Давно, мальчишкой, чуть светает —
Я из избы.
То в лес за ягодой потянет,
То по грибы.
Я снова здесь. Глядится в воду
Мой краснотал.
Я стар, но я любить природу
Не перестал.
Плевать, что череп у бедняги
Совсем облез.
Зато, где были пни-коряги,
Сосновый лес!

2002

* * *

Мне припомнился нынче
Без особой причины
Вросший в землю амбарчик
У деревни Ветчины.

Весь заросший бурьяном,
В огоньках Иван-чая.
Там борщевников стая.
Головами качала.

Вспомнил — и непонятно,
Что за повод? А всё же
Потому, вероятно,
Что мы были моложе.

2005

* * *

В. Вихореву

Мы с тобой еще, дружище,
Поживем, не пробил час!
Не расширит щели днище,
Не рассядется каркас.
Посредине океана
Не засядем на мели,
Не утопнем слишком рано
И дотянем до земли!
Мы с тобой еще вернемся
В позабытый наш уют,
Если гуси не защиплют
И сиви не заклюют,
Не заглохнет комарилья,
Не ошкурит в дебрях зверь,
Если наши половины
Нас не выставят за дверь!

Начало 2000-х

* * *

В. Вихореву

Всё ходишь в горы? Полно! Хватит, что ты!
Пора менять штормовку на доху.
Тебе ль не знать — в искусстве есть высоты,
Которые не снились ходоку!

2001

* * *

В. Вихореву

Как обеднела бы природа,
Свой потеряла б тон и цвет,
Когда б не вышел из народа
Наш композитор и поэт.

Он не грохочет. Боже правый,
Отживший век высокий стиль
Высоцкий, Визбор, Окуджава
Давно уж сбросили в утиль.

Но ангелы склоняют лики,
И лес задумчиво притих,
Когда над кочкою брусники
Слагает он свой дивный стих.

Причастный, да умеет слушать.
И пусть стихи подчас тихи,
Но как умеют тронуть душу
Его волшебные стихи!

Что есть поэзия, кто знает?
А для меня ты Расскажи,
Как тихо цапля улетает
И как траву стригут стрижи!

*22 ноября 2007****БОРИСУ ЩЕГЛОВУ***

Весь дар поэзии небесной,
Что мир копил всю тьму веков,
Всё заграбастал всем известный
Мой юный друг Борис Щеглов.

Искать сокровищ вам не надо.
Талант певца не медный грош!
Услышишь песню «Эльдорадо» —
Как россыпь золота найдешь!

Одессу он воспел бесчисленно,
Как будто жил там целый век.
Он там потомственный — почетный,
А так — обычный человек.

Хоть стариков спроси, хоть внуков —
Он там любимейший герой.
Его поставьте рядом с Дюком,
Про Дюка скажут — кто такой?

Он запоем и заиграет —
Душа летит куда-то ввысь.
Его мелодии, все знают,
С Большой Медведицей слились.

Вас убеждать мне нет резона,
Что он талантлив, как Кобзон.
Борис бы мог затмить Кобзона,
Когда б покрасился, как он.

Талант во всем — пример не редкий.
Он был с наукою знаком.
Магнитной занявшись разведкой,
На Галку вышел прямымком.

Как в первый день земли творенья,
Природа вывела в момент
Двух редких душ прикосновенье —
Редкодуховный элемент!

Узнал их поздно, вот что жалко!
Но хватит петь, налей живей!
Сплели судьбу Щегол и Галка,
А получился — СОЛОВЕЙ!

19 ноября 2007

* * *

А. Городницкому

Простим, что сбежал от насиженных мест,
Но в этом не стоит каяться —
Москва оставила свой насест
И к Питеру приближается.
Мы примем любого тебя, любя,
Богатого, толстого, тощего.
Москва — столица самой себя,
С Россией там мало общего.
Среду обитанья смени на жизнь,
Расправлены гордо вымпелы!
Еще не все с Моховой бомжи
С тобой, академик, выпили.
Оставь же Москве суеты капкан,
Там жизнь не всегда регулярная.
Здесь ближе любимый тобой океан
И выше звезда Полярная,
Здесь женщин, влюбленных в тебя, океан,
Для них ты — звезда Полярная!

Март 2008

* * *

Был он, Рихтер, такой гениальный,
Что Нейгауз, его педагог,
Сразу понял, что он гениальный
И учить его больше не смог.

2007

* * *

Если крупного таланта
Мать-природа не дала,
Что же, втиснем меж гигантов
Наши хлипкие тела!

2000

* * *

Если Вы в рядах сограждан
Выдающийся писатель,
А художник Вам попался,
Прямо скажем, рядовой,
Вам хотел бы пособить я,
Выдающийся художник,
И тогда мы с Вами книгу
Рядовую создадим.

2005

* * *

Головы, головы! Круглые, плоские,
Глупые, умные, маркие, ноские,
Светлые, грозные, злые, корявые...
Редко серьезные, чаще дырявые.

2006

* * *

Ворон смелый, ворон сильный,
Ты чернее черноты!
Я бы коршуна любила,
Если б, ворон мой, не ты!

Долюби меня до донца,
Тенью крыл своих укрой.
Долечу с тобой до солнца,
Ясный сокол, кречет мой!

2006

ТАЙМЕНЬ

Мы плыли не одну версту
Тогда, давно, на речке Мане,
Когда по нашему плоту
Стреляли с берега в тумане.

Река то разливалась вширь,
То меж утесов клокотала,
И часто рядом синь воды
Тайменя тень пересекала.

Тела их, бревна-топляки,
Вернули нам былины-веды,
И вспучивалась гладь реки,
Как от стремительной торпеды.

Стемнело. Мы без фонаря
Лезть по утесам не рискнули.
Спустили камни-якоря
И так, без ужина, уснули.

Мне снился сон, что я горю.
Вскочил — смолье горит над нами,
И в свете пламени, смотрю,
Маячат люди с острогами.

Один, отбросивши весло,
Охотой и пьян, и весел,
Царь-рыбу весом в сто кило
Через плечо к нам перевесил.

Жар от смолья мне жег лицо,
Река плескалась в звездной пыли...
Скользнул таймень ладье на дно
И дальше лучники поплыли.

И снова сон, что я погиб.
Почил в пучине, нет спасенья,
А ты плывешь на спинах рыб,
Ужасных, как землетрясение.

14 декабря 2008

* * *

Дождик, дождик, что с тобой?
Целый год идешь стеной.
Загнила земная ось,
Суша вымокла насквозь.
Сушит сушу старый Ной
На веревке бельевой.

2006

РЕАКЦИЯ НА НАПАДЕНИЕ ВОЙСК НАТО НА ИРАК

Андрею Тихомирову

Послушай совета, Андрюша:
Не ешь никогда ножки Буша!
В Берлине ли иль в Будапеште —
Немецких сосисок не ешь ты!
Как друга прошу я, без меры
Не пей ты испанской мадеры!
И, будь оно трижды игриво,
Не пей ты английское пиво!

2003

* * *

Ела крыс во время оно
Солдатня Наполеона.
Немцы тоже были рады
Кушать крыс под Сталинградом.
Не ходи в Россию, мисс,
Будешь, будешь кушать крыс!

2001

* * *

Мало замучил разбойник — корсар,
Много убил — адмирал.
Мало наградил пират — флибустьер,
Много награбил — сэр.
Что ты, серийный, стоишь за кустом
С ножичком в холод, в дождь?
Кто тебя помнить будет потом?
Губит миллионы — вождь.

2007

* * *

На мелодию народной песни

Жили-были четыре бандита.
Много дел натворили они.
До сих пор было всё шито-крыто,
Наступили ненастные дни!

Отобрали у них автоматы,
Пистолеты забрали у них.
Но сказали судье адвокаты:
«Доказательств у вас никаких».

Отпустили героев на волю,
Оплативши моральный ущерб.
А неумного сыщика Колю
Из ментовки прогнали воще.

Это ж надо, подумайте, братцы,
Так родную страну не любить,
Чтоб в бандитском родном государстве
На бандитов же бочку катить!

1990-е

* * *

Я в Океанию попрусь
И стану там Гогеном.
Хочу забыть Святую Русь
И стать аборигеном.

Построю дом из камышей,
Женюсь на таитянке.
Пуускай рожают мне детей,
Стирает мне портянки.

Да мы в тропических краях
Всю жизнь прожить могли бы!
Ведь эти теплые моря
Полны вареной рыбы!

Куда ни глянь, во всех местах
Прут из земли продукты,
А на деревьях и кустах
Висят задаром фрукты.

Беречь рубахи и штаны
Нам нечего стараться.
Там нет зимы, а значит, и
Не нужно одеваться.

Живи сто лет, как Робинзон,
И наслаждайся ленью,
А голый вид приятных жен
Ведет к деторождению.

2007–2009

* * *

Помнишь, в Крыму ныряли мы
Мидии рвать на дно?
Денег едва хватало нам
Только лишь на вино.
Не привлекал нас, видимо,
Ветреных, сытый быт —
Чайник вина да мидии,
Вот человек и сыт!

Всё на мели ободрано,
Трудно нырять на дно.
Где тот баран, с которого
Грек ободрал руно?
Временем стерт старательно
След от его копыт.
Знать нам не обязательно,
Чем Одиссей был сыт.

Мифы нам след оставили:
Видно, во тьме веков
В этой прекрасной Таврии
Было полно быков!
Слопать быка на вертеле
С амфорой вина,
И ни к чему, поверьте мне,
Мидии рвать со дна!

После такого ужина
Снятся дурные сны.
Сильно о бабах тужим мы,
Ежели нет жены.
Двигал бы к Пенелопе ты,
Там если что не так —
Всем твоим славным подвигам
Будет цена пятак.

Ну, да и нам пора уже
Ближе к родным местам.
Только на поезд, право же,
Средств не хватает нам.
Значит, придется, видимо,
Думать про автостоп...
Если всё время мидии,
Тут не до Пенелоп.

13 января 2009

* * *

С ранних лет у меня всё насмарку,
Неудачи, гримасы судьбы.
Если с удочкой прусь на рыбалку,
Непреренно наткнушь на грибы.
А рыбацкой склонности в пику,
Взяв лукошко и нож для грибов,
Непреренно наткнушь на чернику,
И притом накормлю комаров.

По нутру не найду себе дела,
Надо мною смеется народ:
«Что б ты, парень, в натуре, ни делал,
А в итоге всегда — пулемет!

В стену гвоздик вобьешь для портрету —
Непременно в полметра дыра!»
И сказал мне дед, шедший до ветру:
«Видно, паря, жениться пора!»

Года три я проплавал матросом.
Повидал я невест там и тут:
Длинноносы, скуласты, раскосы,
Не по-нашему что-то несут..
Повидать бы родную окрестность
Да сойти на любимый причал.
Не спеша себе выбрать невесту,
Как царь Грозный жену выбирал.

Знаю я, будет против маманька,
А вот возьму я себе на беду
Голосистую рыжую Таньку,
Что подметки сорвет на ходу!
Ну, а может быть, тихую Тому?
Вся деревня осудит, и пусть!
То одну провожу я до дому,
То с другою на завтра пройдусь.

Вот деревня. Небыстрая речка.
С карасями за кузницей пруд.
Все невесты сидят на крылечках
И меня, долгожданного, ждут!
Бескозырка, с иголочки китель,
Брюки клеш, жениховский прикид..
Прихожу я в родную обитель,
А жена уже дома сидит!

15 декабря 2007

ТУМАН НИЗКО

Не дурак по природе вроде,
Околесицу что несусь?
Видно, что-то меня колодит,
Если вижу твою красу.

Как и прежде, тропой неблизкой
Провожаю тебя опять.
Туман низко, плечи близко,
А руки ватные — не обнять.

Ах, Наташка, моя Наташка,
Что же делать-то мне теперь?
Улетела из клетки пташка,
Не успел я захлопнуть дверь.

Как и прежде, тропой неблизкой
Я уныло бреду опять.
Туман низко, вечер близко,
Да больше некого провожать.

2007

ШУТОЧНАЯ ПЕСЕНКА

Прощай, любовь, любовь короткая,
Тебе я песни сочинял,
Но видно, попусту драл глотку я,
Зазря гармошку я терзал.
В любви, как видно, недотепа я,
Куда я лезу, е-мое!
Не то что ласки, слова теплого
Я не дождался от нее.

У ней теперь контора в Питере,
Своя машина и шофер.
А я хожу в дырявом свитере
И брюки задницей протер.
У ней театры, клубы, рауты,
Роскошный сад, шикарный дом.
А у меня одни нокауты,
И ниже пояса притом.

В такие сферы нету хода мне,
Где с губернатором на «ты».
Для ней поют Шеглов и Федоров
И Пьеха дивной красоты.
У ней в квартире стулья венские,
В друзьях — сплошные господа.
Мои там песни деревенские
Не приживутся ни-ког-да!

Март 2008

ТАТЬЯНЕ ЗОРИНОЙ
(по заказу Игоря Романова)

Искусство с бизнесом в соседстве
Ужиться может не всегда.
В обеспечение наследства
Излишни песни, господа!

Примеров сих найдем мы много,
И все же был у нас таков —
Знаток искусств и правил строгих
Великий Павел Третьяков.

В подъеме оперы российской
И Мамонтов поднаторел,
Звезду Шаляпина возвысил,
А сам в итоге прогорел.

Но всё ж без песни, как известно,
Жизнь наша русская пуста.
Поэтому так любит песню
Строитель Зорина Т. А.

Что душу попусту царапать?
Взовьется песня, дайте срок!
Ведь олигархи прут на Запад,
А Таня едет в клуб «Восток».

Превозмогла Россия голод,
Войну, нужду, разруху, смерть...
В одной руке держала молот,
В другой руке держала серп.

И мы покажем чудо миру,
Возьмет лишь в руки наша мать
В одну кирпич, в другую лиру —
Россию с песней поднимать.

24 апреля 2008

* * *

Игорю Романову

Раз у Вихорева Вали
Были мы на фестивале.
Мы с приятелем устали,
Предстоял далекий путь,
А поскольку мало спали
Мы на этом фестивале,
О любви мы толковали,
Чтоб в дороге не уснуть.

Говорил он, встретить можно
Ту, в ком чувства неподложны.
Эти очень ненадежны,
Часто ходят по рукам.
Ну, а эти, что надежны,
В жизни просто невозможны,
В них такое, брат, возможно,
Что не снилось дуракам.

Мол, не дай вам Бог напасти
К ним попасть, как рыбе в снасти.
Далеки они от страсти —
Не снимая чтобы лыж.
А нужны мы им, к несчастью,
Как машины на запчасти,
Как объект для ихней власти,
Как общественный престиж.

А пока он распинался,
Мысль в меня внедрить старался,
Видно, сам разволновался
Аж до пота на носу.

Пугачеву клял и Пьеху,
Знак обгона он проехал
И гаишников объехал
Сквозь двойную полосу.

Я спросил, какая взбучка
Будет нам за эти штучки?
Молча складывал он в кучку
Тыщи, сотни и рубли.
Проворчал: «Предвидеть кабы,
Объезжал бы все ухабы,
Никого, известно, бабы
До добра не довели.

Видит Бог, — сказал он хмуро, —
У ГАИ губа не дура.
Посмотрите, друг мой Шура,
Вы на этих пацанов!
Ведь пока мы с Вами шутим
О любви и всякой мути,
Вот кто, Шура, нас, по сути,
Оставляет без штанов!»

Август 2008

* * *

Шуре Тимофееву

Опять носило нас у черта на рогах,
Попробуй после этого усни-ка.
Глаза закроешь — ягода-брусника
Ручьем брусничным плещется в мозгах.

Скажи-ка мне, нужда какая
Покоя не давать своим ногам,
Ручей брусничный пальцами лаская,
Поклоны бить лесным богам,

Весь день не вылезать из бурелома,
В ручье брусничном душу полоскать,
Чтобы потом в постели дома
Всю ночь ворочаться, не спать?

Какой резон, скажи на милость,
Весь день от ягод глаз не отрывать,
Чтоб по ночам мерещилась и мнилась
Осенняя лесная благодать?

Новый день дождем стучит по кровле.
Для сентября обычная пора.
Пропахший лесом ватник в изголовье
Опять мне память ворошит с утра.

Там, где медведи когти точат,
Рвут, как бумагу, на стволах кору,
На старых пнях, среди болотных кочек
Ручей брусничный в пригоршни беру.

Валентин Вихорев
Сентябрь 1997

С Валентином Вихоревым в клубе «Восток». 2009

* * *

А. Г. Тимофееву

Академик, художник, певец
И к тому ж человек настоящий,
Образцовый супруг и отец,
Духом творчества вечно горящий.

Ты – наш друг и товарищ всегда,
Ничего, что с годами седеем.
Что года? Ерунда, ерунда!
Мы с годами душой молодеем.

Это значит, для творчества нет
Ни оков, ни запретов на свете.
Выражайся смелей как поэт,
Как художник и как теоретик.

За здоровье Александра
Не привык я пить массандру.
Лучше крепче что-нибудь
За него возьмем на грудь.

Андрей Иезуитов
9 ноября 2003

* * *

А. Тимофееву

Живой он представитель Ренессанса,
В нем всё об этом сразу говорит.
Как Микеланджело, он создает романсы,
И как да Винчи, живопись творит.

Но для него и эти сферы узки.
В нем множество прекрасных самых лиц.
Как истинно, неповторимо русский,
Он не имеет никаких границ.

В нем двадцать первый нам являет век,
Каким всегда быть должен человек.

Андрей Иезуитов
9 ноября 2004

Академики МАИСУ А. Иезуитов, А Тимофеев, А. Антошкевич, А. Тихомиров

* * *

А. Тимофееву

Мы искусству предавались без корысти.
Нас ни пир, ни бой не обманул.
Попросили: «Окуните Ваши кисти», —
Тимофеев тут же взял и окунул.

Путь художника крестом, не гладью вышит,
Даже если очень гладко путь прошел.
Мы ведь знаем: «Каждый пишет, как он дышит»,
А с дыханием у Саши хорошо.

Поразмяв седалищную мышцу,
Чтоб за шахматами ногу не свело,
Тимофеев, подуставши слушать «Вышку»,
Сам решительно берется за стило.

Водку пей, носи в морозы валенки,
Будь здоров и крепок, и тогда...
Холст стоит без грунта на подрамнике,
Как окно в грядущие года.

Александр Генкин
9 ноября 2006

С Александром Генкиным и Леонидом Левиным

* * *

А. Тимофееву

В который раз с натуры
Меня рисует Шура!
Он леший, он кудесник,
Его картины — песни!
Здесь думы вековые...
Грибочки, как живые!
Здесь так приятно греться,
Ведь здесь глубины сердца!
А вот портреты — барды.
Как козырные карты!
Сижу живьем, без рамы,
А Шура, вот упрямый,
Весь вдохновеньем пишет:
Меня всё пишет, пишет!
Но с каждым из сеансов
Я что-то ближе к трансу:
Мой образ всё точнее,
Портрет же всё мрачнее!
Но знаю я секрет-то,
Как веселить портрет-то!
И вот несу по-русски
Бутылочку с закуской!
Потом беру гитару,
Врезаю песен пару!
Немного выпиваем
И действие продолжаем!..
Закончились сеансы...
Отпеты все романсы...
И лишь портрет в печали —
Ему ж не наливали!

Твои Щегловы — Галя и Борис
9 ноября 2006

* * *

Шуре Тимофееву

Медом дышит
Зной, звенящий на полях.
В эту пору
Плачут сосны янтарем.
Как заслышу
Ночью рошу в соловьях,
Знаю: скоро
Земляники наберем.

Море цвета!
Неземная благодать!
Мастер, где ты?
Божья искорка твоя –
В красках лета
На холстине передать
Праздник света,
Янтаря и соловья!

По старинке
Скоротаем вечерок.
Мастер Шура
Сменит кисти на баян.
Паутинки –
Паучок напугал впрок
Над микстурой,
Что в чести у россиян!

Недалече
И дожди, и холода.
От гнездовий
Позовет пернатых юг.
Наши встречи –
Это праздник навсегда,
Зовом крови
В стороне родимых вьюг!

Виктор Федоров
13 января 2007

С Виктором Федоровым и Виталием Шабановым

* * *

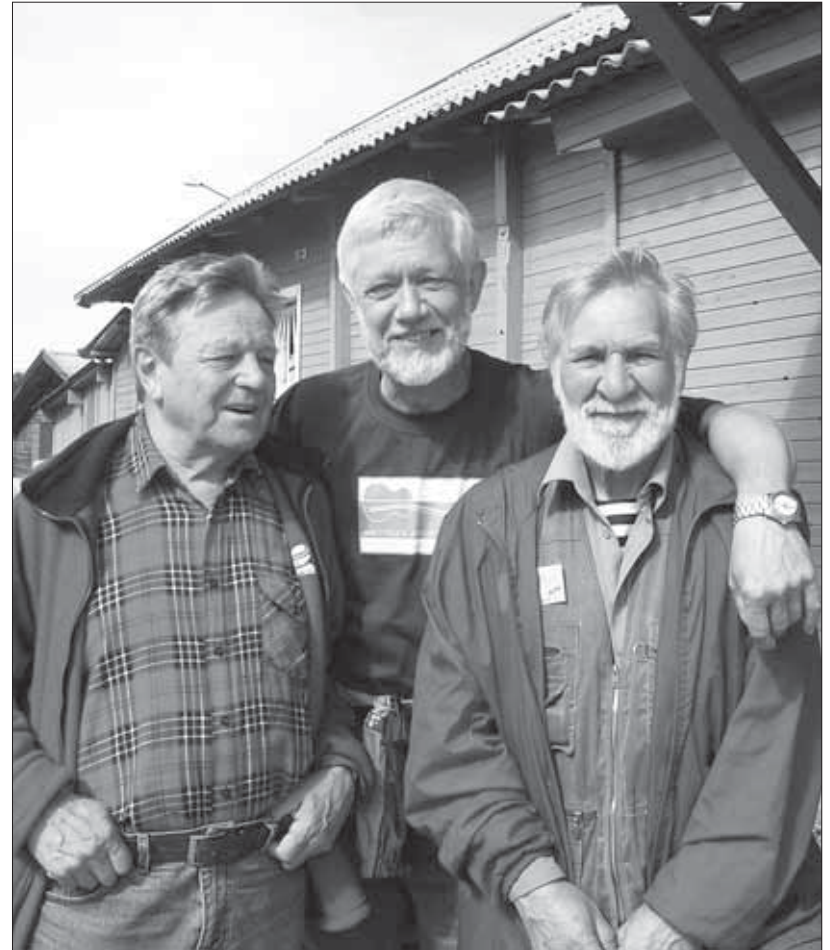
Шуре Тимофееву в день рождения

Пусть я, когда был молодым,
Гонял на лыжах —
Здоровье призрачно, как дым:
Склероз и грыжа...
Но ждет спасительный визит
В Казань к татарам,
Туда, где струнами звенит,
Поет гитара.

Там расчехлю я свой баян,
Пройдусь по кнопкам,
Мне подыграет мой друган
Валерка Боков.
Мы вдоволь будем петь, а пить —
Коньяк с лимоном.
Не нам учиться жизнь любить
И жить влюбленно!

Да, годы всё бегут туда,
А не обратно,
И не вернуть нам никогда
Осанки статной,
Но бодрой песней в этот миг
Тоску развеем,
Друг другу скажем мы: «Старик,
Мы все успеем!»

Валерий Боков
7 ноября 2008

С Борисом Полоскиным и Валерием Боковым. Соловки, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	1
Художник от Бога. <i>Валентин Вихорев</i>	5
Певец «непышной» красоты. <i>Андрей Иезуитов</i>	6

ПЕСНИ

Суоми. <i>Стихи Владимира Чистякова</i>	10
Картинка. <i>Стихи Владимира Чистякова</i>	12
«Я иду и иду...» <i>Стихи Владимира Чистякова</i>	16
«Оставил друзей я...».....	18
Сероглазый король. <i>Стихи Анны Ахматовой</i>	20
«Помнишь лодку от старой цыганки?..».....	23
«Мы Землю не ценим и губим...».....	26
Гантиади.....	28
Спокойно, старик!.....	30
Белое море.....	34
Песня о русском мате. <i>На мелодию Александра Горodницкого</i>	36
«Я мечтаю о море...».....	38
Весело ежу.....	40
«Шел по крыше воробей...».....	41
Не говорите «нет» мне.....	42
Гуси летят на юг.....	44
Меланхолическое танго.....	47
«Долго-долго этим летом...».....	48
«Работай для души, смиришься, не жди успеха...».....	50
«Приснился мне сон, сон великой любви...».....	52
Магомет.....	54
Песенка лешего.....	56
Песенка Змея-Горыныча.....	58
Минутка.....	60
«Из безызвестности, из массы...» <i>Стихи Альбины Шульгиной</i>	62
«Была бы на свете большая река...».....	64

ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ

Было.....	68
Владимир Чистяков.....	85
«Сидит Чистяков в Усть-Нарве...».....	85
Андрей Ефрон.....	87
М. М. Ермолаев.....	88
Виталий Тюленев.....	89
Константин Иванов. Анатолий Лобода. Валерий Агафонов.....	97
«20 января 2000 года...».....	109
Плохое настроение.....	109
Геннадий Правдин.....	111
Гены черного квадрата.....	115
«Тома принесла домой гипсы для рисования...».....	122
На Кондострове.....	122

«Вот ворона...».....	123
«Первого сентября, в понедельник...».....	124
Леон Кособоков.....	127
Высоко и строго.....	129
Артем Гуман.....	131
Михаил Анчаров.....	136
Ненаписанный портрет.....	141
Бродяга, поцелованный ангелом.....	142
О графике Валентина Вихорева.....	144
«Радостно видеть...».....	146

Детские стихи.....	153
--------------------	-----

СТИХИ, ПОСВЯЩЕНИЯ

«Писатель вам не что-нибудь...».....	210
«Давно, мальчишкой, чуть светает...».....	210
«Мне припомнился нынче...».....	210
«Мы с тобой еще, дружище...».....	211
«Всё ходишь в горы? Полно! Хватит, что ты!..».....	211
«Как обеднела бы природа...».....	212
Борису Щеглову.....	212
«Простим, что сбежал от насиженных мест...».....	214
«Был он, Рихтер, такой гениальный...».....	214
«Если крупного таланта...».....	215
«Если Вы в рядах сограждан...».....	215
«Головы, головы! Круглые, плоские...».....	215
«Ворон смелый, ворон сильный...».....	215
Таймень.....	216
«Дождик, дождик, что с тобой?..».....	217
Реакция на нападение войск НАТО на Ирак.....	217
«Ела крыс во время оно...».....	218
«Мало замучил разбойник — корсар...».....	218
«Жили-были четыре бандита...».....	218
«Я в Океанию попрусь...».....	219
«Помнишь, в Крыму ныряли мы...».....	220
«С ранних лет у меня всё насмарку...».....	221
Туман низко.....	223
Шуточная песенка.....	223
Татьяне Зориной.....	224
«Раз у Вихорева Вали...».....	226
«Опять носило нас у черта на рогах...» <i>Валентин Вихорев</i>	228
«Академик, художник, певец...» <i>Андрей Иезуитов</i>	230
«Живой он представитель Ренессанса...» <i>Андрей Иезуитов</i>	231
«Мы искусству предавались без корысти...» <i>Александр Генкин</i>	232
«В который раз с натуры...» <i>Борис Щеглов</i>	233
«Медом дышит зной, звенящий на полях...» <i>Виктор Федоров</i>	234
«Пусть я, когда был молодым...» <i>Валерий Боков</i>	236

Александр Тимофеев
Приснился мне сон...

песни, стихи, проза, репродукции

Редакторы

Владимир Шемшученко, Алла Левитан

Нотный набор, музыкальная редакция
Сергей Ильин

Верстка, дизайн
Александр Сурнин

Рисунки на форзацах

Передний — А. Тимофеев. Вечер на острове в Ларландии
Задний — А. Тимофеев. Апрельские перелески

Фотографии

Наталья Аккуратова, Лидия Вихорева, Леонид Геркус,
Дмитрий Гусарин, Михаил Деев, Светлана Евкович,
Нина Квашенкина, Михаил Крыжановский, Алла Левитан,
Галина Севостьянова, Татьяна Соколова, Владимир Солнцев,
Тамара Фирсова, Алексей Чернышев

Подписано в печать 21.03.2009. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Гарнитура Newton. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5 + 3 печ. л. илл.
Тираж 700 экз.
Заказ № 462

Издательство «Всерусский Соборъ»
188644, Ленинградская обл., г. Всеволожск, ул. Преображенского, д. 83

Отпеч. в типографии ООО «СПб. СРП “Павел” ВОГ»,
196620, СПб — Павловск, ул. Берёзовая, 16